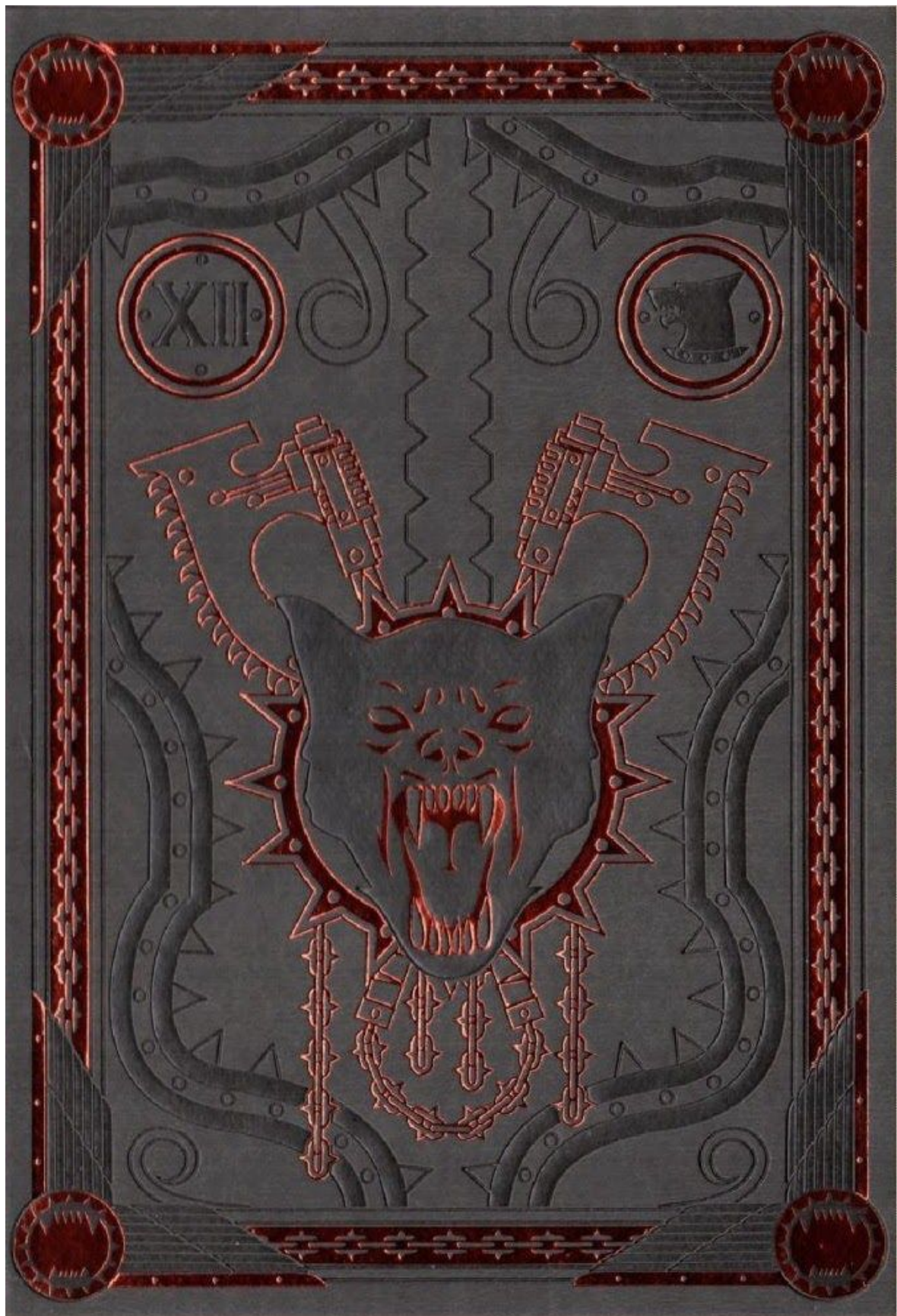

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков
<https://t.me/guildwh40k>*

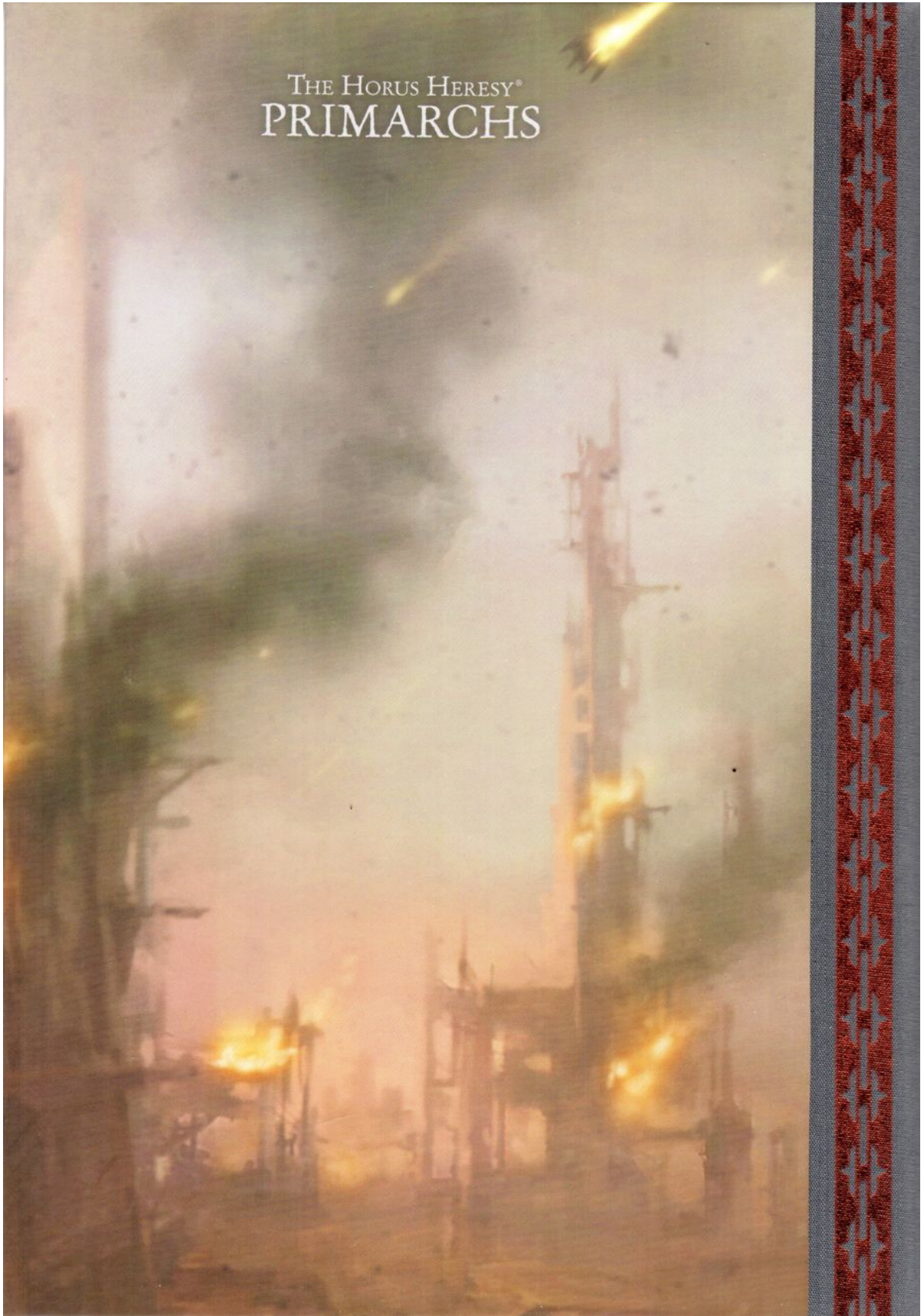
При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

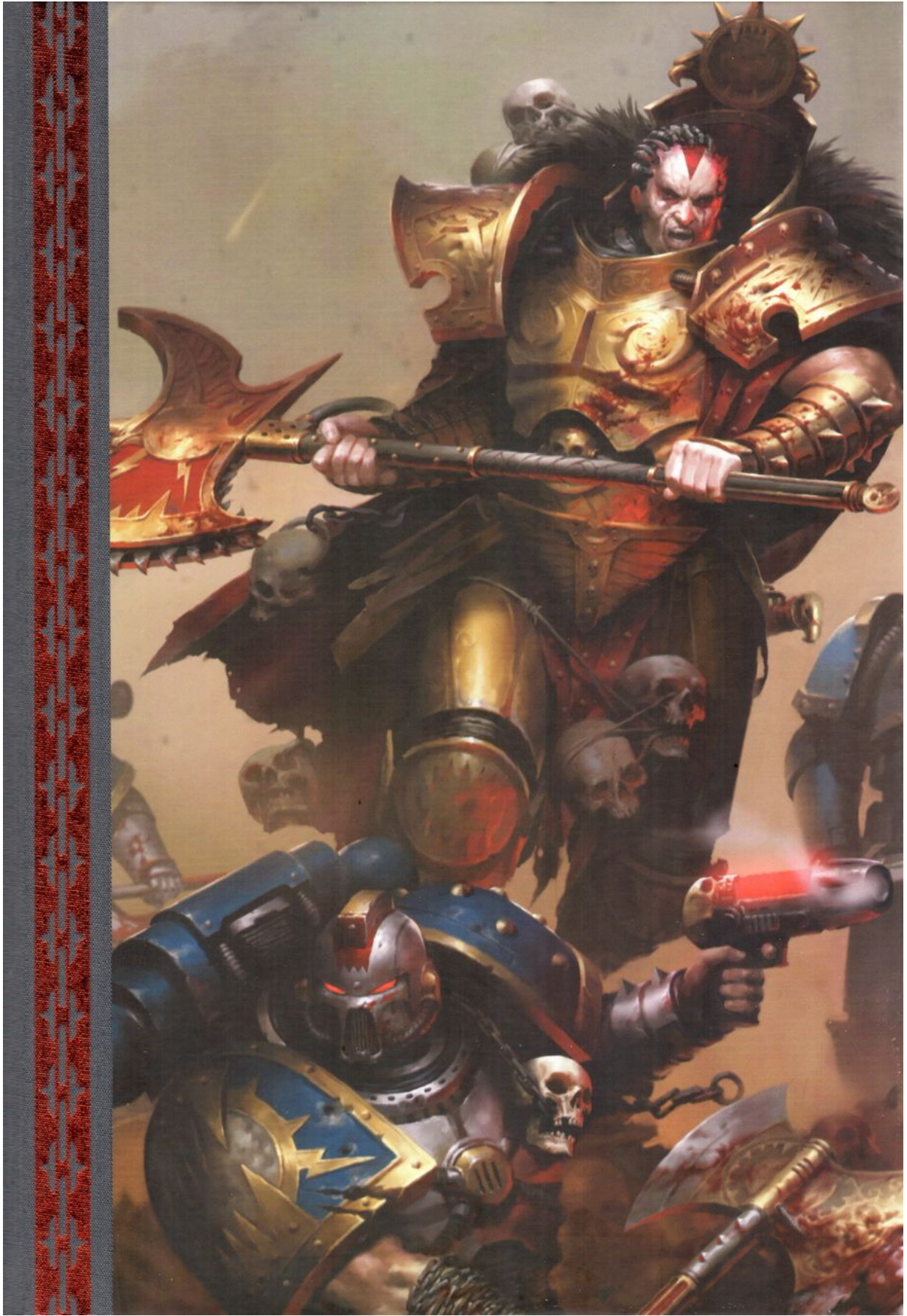

THE HORUS HERESY®
PRIMARCHS

THE HORUS HERESY®
PRIMARCHS

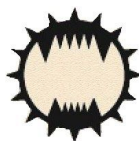
IAN ST. MARTIN

ANGRON

SLAVE OF NUCERIA

BLACK LIBRARY

**ИЭН СЕНТ-МАРТИН
АНГРОН – РАБ НУЦЕРИИ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Примархи:

Ангрон, примарх Пожирателей Миров

ХII Легион, Пожиратели Миров:

Маго, центурион 18-ой роты

Оронт, Первый Топор 18-ой роты

Астакос, знаменосец 18-ой роты

Ганно, димахер 18-ой роты

Саликар, воин 18-ой роты

Каэтра, «Алый», центурион 37-ой роты

Госс, сержант 85-ой роты

Делварус, сержант 44-ой роты

Каурагар, центурион 21-ой роты

Ваян, аптекарий 18-ой роты

Карит, технодесантник 18-ой роты

Варияс, Первый Чтец библиариума ХII Легиона

Тэтус, лексиканум библиариума ХII Легиона

Иокари, кодиций библиариума ХII Легиона

Кхарн, центурион восьмой штурмовой роты, советник примарха

Лорке, «Кулак», дредноут серии «Контемтор»

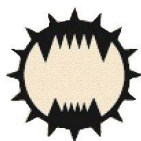
Гахлан Сурлак, аптекарий

Марсианские Механикум:

Вэл-Кхеридар, магос

Не имперские лица:

Охна из Многих

ПРОЛОГ ТРИ ДНЯ

*«Когда б отцы к любви благословили
И счастье нам скрепили бы согласием!..»*

– предписывается безымянному писателю Старой Альбии.

На протяжении всей жизни, что длилась уже более века, было всего три дня, которые, по мнению Иокари, были основополагающими в формировании его судьбы. Первый был на Терре, в те дни, когда он еще был юношей на грани между превращением ребенка в мужчину. Этому не суждено было сбыться – он был вырван из привычного ему мира и помещен в мир Легиона.

Второй день наступил много лет спустя, после того, как обширные тренировки, операции и генетические модификации превратили его в нечто, что уже скорее было не человеком, а оружием, необходимым Человечеству для покорения звезд.

Десятилетия беспокойных бессонных ночей, настойчивый шепот окружающих его людей, что мог слышать лишь Иокари, необъяснимая боль, терзающая и отдаляющая от братьев по Легиону... Все прояснилось, когда его приняли в библиариум Псов Войны, где обучили превращать то, что он называл проклятием в дар, а затем – в оружие.

А затем наступил третий день, последний из тех дней, что уничтожат того, кем был Иокари. Превратят его в воина, которым ему действительно было суждено стать.

Когда он шел по палубам «Клыков Гончей», то чувствовал разумы тысяч существ вокруг, напоминающие волны бушующего моря, и его грубое, похожее на отесанный камень лицо, сияло от искренней улыбки счастья.

Третий день наступит сегодня.

Братья Иокари, библиарии восемнадцатой роты уже ждали его в главном аптекарионе «Клыков Гончей». Их лица ничего не выражали, и лишь глаза

свели за его приближением. Им не нужно было использовать мимику или слова, чтобы общаться между собой. Иокари потянулся к ним, осторожно соприкасаясь с братьями своим разумом: в одних он чувствовал смущение, в других гнев, а в некоторых (в чем они, конечно же, никогда не признаются) он ощущал искреннее восхищение, тщательно скрытое за жесткими ментальными барьерами.

Иокари знал, с чем были связаны их эмоции. Он понимал их. Он знал, почему многие считали его глупцом или самоубийцей. Каждый воин Двенадцатого Легиона – уже не Псов Войны, но Пожирателей Миров, – прошедший данную процедуру, умер. Еще никто, будь то библиарий или же обычный легионер, вонзивший себе в мозг Гвозди Мясника, не оставался в живых.

Но он сделает это.

С тех пор, как был найден примарх, лучшие аптекарии и технодесантники Легиона без устали трудились над созданием дубликатов нейронных имплантатов, вживленных их лорду, как он того от них требовал. Дизайн за дизайном, прототип за прототипом их преследовала неудача. Даже вмешательство Вэл-Кхерида с его удивительными технологиями и секретами Марса не помогло создать удачную копию Гвоздей Мясника. И все же у них появилась надежда...

Несколько легионеров собрались, чтобы понаблюдать за операцией, расположившись возле рядов широких стекол аптекариона. Их лица были насторожены или же скрыты за мраморно-белыми пластинами шлемов. Иокари мог почувствовать любопытство своих братьев и нетерпение, истекающее из их аур, словно туман.

Однако примарха нигде не было видно. Отсутствие магистра же ощущалось всеми присутствующими, как свидетельство его несогласия с проводимыми трансформациями, что он не был готов принять. Там, где командир 18-ой видел безрассудство и фатальную глупость, Иокари видел судьбу. Он видел исполнение воли примарха. Его сыновья должны были полностью быть переделаны по его образу и подобию, а Иокари станет мостом между Легионом и их лордом, отцом, что отказывается принимать их такими, какими они были сейчас – и особенно библиариев.

Иокари сделает так, чтобы отец увидел сущность своего Легиона. Он заставит Ангрона принять их.

Иокари лег на холодную поверхность хирургического стола, спокойно наблюдая, как команда сервиторов-медиков сняла с него доспехи и связала его конечности и тело толстыми адамантиевыми ремнями. Их осторожность была результатом накопленного опыта, а также необходимости. Несмотря на то, что процедура прошла многочисленные проверки, воздействие на организм всегда было разным – одинаковой была только смерть. Никто в Легионе не знал точно, что произойдет, и как эта новая копия Гвоздей Мясника подействует на него. Управлением сервиторами занимались представители как технодесантников, так и аптекариев Легиона. Гахлан Сурлак воспринял создание работоспособной версии Гвоздей за свой личный крестовый поход, но в данный момент он отсутствовал, наблюдая за всем происходящим глазами сервиторов. Сам же находился вместе с Вэл-Кхеридаром на недавно переименованном «Завоевателе».

Работая в тишине под тщательным наблюдением библиариев, сервиторы быстро разместили точки среза скальпа на его черепе. Его пути проверили несколько раз, а затем установили тяжелый корсет вокруг его головы и шеи, чтобы зафиксировать их на месте. Когда все приготовления были завершены, к нему подошел аптекарий Ваян. Резкий свет стерильной операционной комнаты отражался от его нагрудной пластины цвета слоновой кости.

– Я могу дать успокоительное, – сказал Ваян, поднимая перчатку с набором инъекторов. – Чтобы ты потерял сознание. Или же я могу наложить нервный блок на пораженные участки. Это никак не повлияет на имплантацию.

– Нет, – сказал Иокари, встречаясь с ним взглядом.

– Тебе будет очень больно, – сказал Ваян. Иокари снова поднял глаза к потолку. Он ответил ему на наречии Награкали, гортанном языке, что быстро вытеснил низкий готик в рядах Двенадцатого. Рожденных на Терре легионеров становилось все меньше и меньше...

– Боль – это цель Гвоздей Мясника. Боль – это то, что сделало нашего примарха тем, чем он ныне является. Если Легиону и удастся достичь единения с ним, то оно будет выковано через боль.

Ваян медленно кивнул в знак согласия:

– Как тебе будет угодно.

Аптекарий посмотрел на Карита, технодесантника, и отступил в сторону. Легионер занял его место, и специальные инструменты на его серворуке загудели, включаясь. Иокари отмахнулся от мыслей своих братьев: в ауре Ваяна

читалась осторожность, что боролась с нетерпением, а Карит был полностью поглощен покоем.

– Ты готов? – спросил он хриплым голосом, доносившимся из вокс-решетки его алого шлема.

Иокари закрыл глаза, медленно вздохнул и вновь открыл их.

– Принеси молот, брат мой.

Ваян надел свой шлем на с мягким щелчком сервоприводов. Он повернулся к одному из столиков, стоящих рядом, прошел мимо подносов с аккуратно разложенными инструментами, а затем остановился возле бронированной коробки, что была по размеру чуть больше головы легионера. Пальцы аптекария легли на руны, напечатанные на панели, и они начали считывать генный код для отключения системы защиты. Когда процедура была завершена, Ваян повернулся к Кариту, и стал ждать.

Тень упала на лицо Иокари, когда техnodесантник навис над ним в своей темно-красной броне, оснащенной жужжащими механическими конечностями и дергающимися механодендритами.

Кодиций отчетливо видел сосредоточенность в ауре Карита в тот момент, когда он готовился сделать первый надрез. Луч изумрудного света выскочил из скопления линз над левым глазом техnodесантника, чтобы выровнять движение серворук с лазером, что спускался ко лбу библиария.

– Мы начинаем, – сказал Карит. – Засекайте время.

– Принято, – ответил Ваян.

И в этот момент звук вращающегося хирургического инструмента затмил все звуки в аптекарионе.

Резкий жужжащий звук пилы защекотал слух Иокари, а коснувшись она вошла в его плоть, он стал более низким, мягким и влажным. Левый глаз легионера дернулся, когда кровавая пелена окутала его лицо. Воздух был наполнен запахом раскаленного железа, борющегося с усиленным организмом космодесантника. Жуткая головная боль то уходила, то накатывала вновь каждый раз, когда мономолекулярное лезвие пилы, прорезало себе путь через уплотненную мышечную ткань головы Пожирателя Миров.

В предыдущих моделях Гвоздей Мясника использовалось множество точек крепления имплантатов к мозгу. Большой прогресс был достигнут в модели, которая крепилась через виски, но она также была отброшена после провала, а тем временем все больше мертвых или обезумевших от крови Пожирателей Миров были выброшены в мусоросжигатели 203-го экспедиционного флота.

Модель, тестируемая на Йокари, была совершенной новой модификацией, представляющая из себя веерообразные трубки из черного металла и змеящиеся подкожные разъемы, крепящиеся над бровями, словно корона. Ваян вытащил устройство из контейнера, встав возле стола, в это время Карит убрал свою пилообразную серворуку, с которой капала темная кровь legionera.

– Основной разрез готов, – решительно сказал технодесантник. – Подготовиться к установке.

Ваян склонился над Йокари, его руки работали в упорядоченном танце вокруг головы кодиция, очищая и раздвигая разрез, в то время как специальный инструмент откачивал лишнюю кровь. Из-за ускоренной регенерации организма космодесантника им приходилось действовать очень быстро. Ваян потянулся к столу возле себя, беря с него блестящие стальные распорки. Он вставил инструмент в надрез на голове Йокари и зафиксировал его, после начал медленно растягивать. Кость космодесантника заскрипела, обнажая блестящую розовато-серую массу мозга библиария.

Боль усилилась, зародившись во лбу и обрушившись на все его существо.

Модифицированное тело legionera было разработано так, чтобы бороться и с более страшными ранениями, и даже без силовой брони оно выделяло специальные болеутоляющие и боевые наркотики, впрыскиваемые прямо в кровь, притупляющие боль и помогающие воину сосредоточиться.

Усилием воли, натренированной нечеловеческой дисциплиной и контролем над своим телом, Йокари блокировал защитные функции своего организма.

Библиарий впитал все мучительные ощущения, позволив им распространиться по всему телу. Он наслаждался болью, воспринимая ее как своего рода пытку и очищение, что помогут ему переродиться...

– Место имплантации подготовлено в соответствии со всеми требованиями, – пробормотал Ваян, беря Гвозди в руки. – Приступаем к первому этапу установки.

Карит протянул механодендрит от своего шлема к Гвоздям Мясника, три его щупальца с серией резких движений вошли в соединительные порты устройства. Имплантат будто ожил, и вдоль всей его длины в четкой последовательности замигали крошечные огоньки, в то время как подкожные разъемы напряглись под контролем технодесантника.

Ваян аккуратно опустил Гвозди на череп Йокари. Карит поднял левую руку и начал делать пальцами резкие движения в воздухе: соединители четко двигались под его контролем, каждый кабель с игольчатым наконечником расположился над местом входа в череп библиария, прежде чем погрузиться в него.

Поскольку человеческий мозг лишен болевых рецепторов, Йокари не чувствовал, как соединительные иглы проходили через его серое вещество, но все же эффект от них был. Тики и спазмы играли на его лице, а конечности дрожали и дергались в бессвязном танце, напрягаясь в цепях, удерживающих его. Чувства приходили и уходили, глаза слепли, а затем к ним вновь возвращалось зрение, тело немело и приходило в движение, он чувствовал странные запахи, доселе ему неизвестные.

Ваян медленно и осторожно позволял соединительным иглам тянуть Гвозди Мясника вниз, пока они не впились в разрез на черепе с влажным щелчком. Он снял распорки, позволив черепу Йокари принять имплантаты, после поспешно зашил плоть вокруг них. Кожа библиария покрылась мурашками, когда аптекарий опрыскал его лоб антисептическим спреем.

Рука Карита замерла, когда все иглы достигли своей цели, полностью встроившись в мозг Йокари. Небольшим наклоном головы он отключил Гвозди от энергетического ранца своей брони, подключив их к встроенному источнику питания, и после диагностики батарей за время, за которое никто бы не успел и моргнуть, он разорвал связь с имплантатами, вернув механодендриты к своему шлему.

Долгие минуты тянулись в абсолютной тишине, прерываемой изредка болтовней медицинских сервиторов и вездесущим грохотом корабельных двигателей. Суставы на пальцах Йокари затрещали, когда он сжал руки в кулаки. Пожиратель Миров пытался вернуть контроль над все еще бьющимся в конвульсиях телом.

Йокари чувствовал, как его разум перестраивается, дабы достичь единения с Владыкой Красных Песков. Что-то новое бурлило внутри него, новое ощущение, влияющее на само его существо, просачивающееся в самое сердце. Внезапно все его тело наполнилось теплом. Оно становилось все сильнее и сильнее, пока каждую жилу на его теле не защипало от жара. Оно заставило его стиснуть зубы, и он прикусил губы, сжимая их вместе.

Его глаза, пронизанные он напряжения кровяными сосудами, метались между Каритом и Ваяном, он упивался неуверенностью, что пронизывала их ауры, остановившись лишь тогда, когда боль в глазах стала невыносимой. Ему не нужен был дар, чтобы увидеть как они смотрят на него: в их глазах поселились страх и сомнение. Страх перед ним. Словно бы он был бомбой, а они не знали, взорвется он, или же нет.

Они наблюдают за ним...

Они уставились на него...

Они осуждают его..

Тик...

Братьям было так легко властвовать над ним, пока он лежал со связанными руками и ногами. Такие уверенные в своем превосходстве... Какое высокомерие! Где было их мужество, когда пришло время испытать Гвозди?! Где они были, когда Ангрон призвал их, и никто кроме Йокари не ответил своему лорду?!

Тик-тик...

Челюсть Йокари безмолвно задергалась, но уже не от боли. Это был гнев. Непостижимая ярость хлестала по его венам, превосходя все, что он когда-либо испытывал. Это была новая ярость: черная, с красным оттенком, бесконечная, поднимающаяся из самых глубин его существа.

Тик-тик-тик...

Был ли то гнев его генетического отца? Величественный гнев, что разрушает миры, проливая океаны крови? Йокари откинул эти мысли – жужжание в его голове лишило их всякого смысла. Ничто более не имело значения, ничего, кроме удерживающих его оков и того, что он сделает, когда он освободится от них.

Тик-тик-тик-тик...

Его легкие судорожно сжались, не в силах вдохнуть. Тени на стенах апотекариона удлинялись и изгибались, отражая психическое пламя, пронизывающее плоть библиария.

Ваян и Карит уже двигались. Йокари знал, что они кричали, что стерильная белизна помещения была окрашена в алый сигнал тревоги, но сам он ничего не слышал. Все звуки исчезли.

Остался лишь первобытный рев.

Тик-тик-тик-тик-тик-тик...

Иокари не слышал своего крика. Его разрывало изнутри внутри с такой силой, что он больше не понимал, что делает. Он не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Библиарий не переставал вопить, когда путы кровоточащего пламени вырвались из его плоти, разматываясь и бесконтрольно рассекая апотекарион. Карит был мертв прежде, чем Иокари понял, что прикоснулся к нему. Ваян продержался на один удар сердца дольше, разорванный на отдельные куски из горящего пепла так быстро, что у него даже не было возможности закричать от боли

Иокари смотрел, как его братья исчезают, как их кровь покрывает стены апотекариона. Он сжал руки и зубы, крича так громко, что мышцы в его горле разорвались.

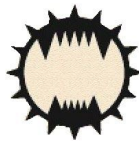
Он поднес руки к лицу, но они уже не были плотью. Они были огнем, пульсирующим вокруг костей. Его крик становился все громче по мере того, как огонь становился все ярче и ярче, уничтожая все вокруг, пока Иокари не перестал существовать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТРИДЦАТЬ ОДИН ЧАС

*«Дорн воспитал строителей, а Магнус – мыслителей.
Жиллиман выпестовал бюрократов, а Лоргар – священников.
Хан же взрастил бродяг.
Из всех Легионов мы – единственный, кто стал именно тем, каким желал его
видеть Император.
Всем тем, чем Легионес Астартес должны были быть...
Завоевателями.
Мы не предназначены для грядущего нового мира, что восстанет из пепла.
Мы всего лишь должны сжечь все дотла».*

– приписывается Гхиру, магистру Легиона Псов Войны.

ОДИН

Именно здесь, на давно покинутом диске из затвердевшего в пустоте серебра, сверкающего там, где он возвышался над изгибом медленно вращающейся планеты, встретятся представители двух цивилизаций...

И тогда судьба этого мира будет решена.

Первые из участников встречи появились, словно бы из ярости безмолвного шторма: многочисленный флот, состоящий из десятков массивных боевых кораблей. Их до блеска начищенные темно-синие бронированные корпуса оцетинились бесчисленными орудиями. Они вырвались из разрыва в материальной вселенной, и их появление еще больше ошеломило тем, что вокруг стояла абсолютная тишина. Слово извергнутый самим варпом, флот сразу начал принимать боевое построение: малые суда и эскадрильи проворных

кораблей сопровождения спрятались в тени великих левиафанов, занимающих почетное место в центре строя.

Ауспики и сканеры дальнего действия начали прорезать пространство, как невидимые сети, брошенные командирами каждого из кораблей, дабы собрать каждую толику информации об окружающем их космосе. Информация о системе и ее одиноком обитаемом мире была довольно скудной, а единственное, что о ней было известно – это исследования, проведенные десятилетия назад, когда планета была только открыта.

Обозначенный как Девяносто-три-Пятнадцать, этот мир был пятнадцатой планетой, приведенной в лоно Империиума 93-ей экспедиционной флотилией. Соглашения удалось достичь без кровопролития, и военный флот, не задействованный в этой системе, сразу же покинул ее, как только было установлено Имперское Регентство, дабы управлять миром и интегрировать его в Империиум Человечества.

Спустя пятнадцать стандартных солнечных лет неожиданно прекратилась выплата десятины, а контакт с регентом был потерян. Из-за быстрорастущих границ Империиума это удалось заметить только сейчас. Был издан указ, согласно которому на ближайший из экспедиционных легионных флотов была возложена задача по расследованию произошедшего на Девяносто-три-Пятнадцать, будь то стихийное бедствие или предательство. По воле судьбы (или же из-за вмешательства темных сил), ответить на этот запрос был должен XII Легион.

Пожиратели Миров.

Не было никаких признаков присутствия вторых представителей встречи. Никто из эмиссаров так и не появился, преклоняясь пред мощью Легионес Астартес, дабы избежать гнева XII Легиона. Ни один из кораблей планетарной обороны не вышел с орбиты мира, а вокс молчал: не было ни криков неповиновения, ни требований свободы от правления Императора.

Но на планете была жизнь: многочисленная, яркая, развитая – впрочем, единственным намеком на это были сны астропатов флота.

У каждого псайкера, служившего в хорах по всей армаде, мелькали мимолетные видения. Каким бы своеобразным и субъективным ни было искусство передачи

телепатических посланий, сила, способная отправить столь необычное сообщение каждому астропату в экспедиционной флотилии, была столь велика, что заставила остановиться весь флот Легиона. При выходе из варпа в разуме каждого псайкера сформировался образ покинутой платформы, которая вращалась вокруг планеты. Таким образом, на основании расшифрованного скрытого послания, было выбрано место для встречи.

Делегация Пожирателей Миров высадилась на платформу, прибыв на «Штормовой птице». Несмотря на то, что челнок был способен доставить в самую гущу сражения до пятидесяти десантников на борту, по его трапу спустилось лишь шестеро воинов, после чего корабль поднялся ввысь под дикий рев двигателей.

Серебристая поверхность диска простиралась перед Астартес на километр во все направления. Планета была похожа на Терру, и ее далекий свет отражался от их мраморно-синих доспехов. Они направились к единственной достопримечательности, что виднелась на всей поверхности – то был небольшой хрустальному куполу в центре платформы. Их саботоны тяжело лязгали, поднимая кристаллизованную от векового холода пыль.

Первый из воинов шагнул вперед уверенной походкой человека, что не боялся неизвестности, ждавшей его впереди, походкой владыки войны, рожденного побеждать. Его лицо было скрыто под бронированным шлемом второй модели, покрытым бронзой, как и у каждого из ветеранов Легиона, и увенчанного плюмажем, что отмечал его как центуриона и командира роты. Он нес копье выше своего роста, рукоять которого небрежно лежала на его плече, а на поясе воина был топор и болт-пистолет.

Но лишь одна деталь отличала его от братьев, что подобно ему носили шлема и доспехи, окрашенные в мраморно-голубой, лишенные кричащих украшений, присущих другим Легионам. Один-единственный предмет в снаряжении этого воина выделял его столь сильно, что любой Пожиратель Миров сразу бы мог сказать, что перед ним стоит Маго, капитан 18-той роты – то был плащ, накинутый на его плечи. Он был соткан из прочной металлической нити, а его бронзовый, кремовый и темно-синий оттенки хорошо сочетались с новыми цветами, что ныне обозначали XII Легион. Конечно же, дело было не в том, что Маго интересовали вопросы эстетики – впрочем, среди его братьев и не было

глупцов, что могли бы сказать подобное о центурионе, – но он носил и будет носить свой плащ с гордостью до самого последнего вдоха...

Мантия была вручена ему после завоевания Вульскеонской Кибермансии, где Маго вел 18-ую роту в самую гущу сражения, дабы спасти своих осажденных братьев, Псов Войны. Именно полководческий талант Маго перевернул ход сражения, сокрушив фланг кибернетической орды и нарушив ее сплоченность. Именно его копье сбило с ног Верховного Мага, возглавлявшего сопротивление против XII Легиона, и именно его топор снес ему голову. После победы сам Гхир, магистр Псов Войны, накинул на плечи Маго плащ перед собравшимся Легионом в триумфальном зале «Непреклонной Решимости».

То была последняя честь, которой удостоил магистр одного из своих братьев, прежде чем сам Император Человечества направил Псов Войны в далекий мир, что, как они позже узнают, именовался Нуцерией. Гхир был их лидером, первым клинком, что всегда возглавлял авангард, проливающий кровь врага всякий раз, когда XII Легион шел на войну. Он был первым, кто встретился с их генетическим отцом.

А затем их отец убил Гхира.

Четверо легионеров следовали за своим капитаном по пятам. Края их наплечников окаймляла тонкая красная полоса, что отмечала воинов как членов командного отделения Маго. Оронт, Первый Топор 18-ой роты, никогда не отходил от центуриона. Его огромный двуручный цепной топор, указывающий любому, что это чемпион 18-ой, свободно лежал у него в руках. Прямо за Маго следовал Астакос, знаменосец, служивший в Легионе с момента его основания на Терре. Замыкали строй двое: самый молодой из воинов центуриона, димахер Ганно, разминающий свои запястья вращениями двух клинков и Тэтус, едва высохшая голубая краска на доспехах которого отмечала его, как библиария.

Подойдя к хрустальному куполу, космодесантники вошли в него через единственный проход, остановившись в центре строения. Маго опустил острие своего копья вниз и дрожь от удара прошла сквозь подошвы его сабонов.

Шлема легионеров медленно двигались, пока они пристально осматривали пространство вокруг. Каждый невольно окинул взглядом пустоту, что простиралась над их головами и на молочно-белую сферу планеты. Никто из

воинов не произнес и ни слова, и каждый расслабленно ожидал делегации с Девяносто-три-Пятнадцать.

Последний из Пожирателей Миров стоял в шаге от остальных. Он был единственным среди присутствующих, кто не состоял ни в отделении Маго, ни в 18-ой роте. Подобно центуриону, он родился на Терре, и одновременно с ним был принят в ряды Псов Войны. Благодаря своей доблести и крови, пролитой во славу XII Легион, он также возвысился до звания офицера, но отдалился от братьев, когда был найден их примарх: он стал первым легионером, что встретился с отцом и выжил. Именно благодаря его усилиям Ангрон принял командование над своими сыновьями в тот день, когда Псы Войны исчезли, уступив место Пожирателям Миров.

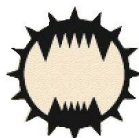
Он был капитаном 8-ой штурмовой роты. Он был глазами и ушами примарха

– Кхарн, – отозвался Маго. Помехи исказили его голос до неузнаваемости. Второй центурион рефлексивно сжал рукоять топора, и та слегка скрипнула от его стальной хватки.

Вход в купол закрылся за Пожирателями Миров так, словно бы его никогда и не существовало. Вздохи эхом отдавались внутри стен, а визоры легионеров замигали, когда датчики обнаружили изменения в окружающем их пространстве.

– Атмосфера, – утвердительно произнес Оронт.

И тогда послы предстали перед ними.

ДВА

Там, где мгновение назад было пустое пространство, теперь стояли почти идентичные фигуры. Их было трое: мужчины без оружия и доспехов. Они высоко подняли головы, чтобы спокойными и добрыми глазами рассмотреть лицевые пластины доспехов Пожирателей Миров.

– Добро пожаловать, – сказал первый из них мягким и приятным голосом.

– Мы рады, – сказал второй точно с такой же интонацией.

– Что наше послание было верно истолковано, – добавил третий.

– Дабы привести вас сюда, – продолжил первый.

Маго потянулся к шее, чтобы деактивировать замки, удерживающие его шлем на латном воротнике. Взявшись за лицевую пластину, он снял шлем, а затем положил его на сгиб руки.

Теперь он смотрел на послов Девяносто-три-Пятнадцать своими собственными глазами.

Их головы были гладко выбриты, а лица – идентичны друг другу. Они носили одинаковые мерцающие балахоны поверх своих худых тел, но на их одежде не было никаких знаков отличия – имперских или же иных цивилизаций. Все их движения были совершенно одинаковы, будь то едва заметное вздымание грудных клеток или же мерцание светло-карих глаз. При виде легионеров они излучали полное спокойствие, не свойственное простым смертным. Маго ни чувствовал в них ни страха, ни других эмоций, исходящих от них.

– Я Маго, центурион Двенадцатого Легиона. Я – Пожиратель Миров.

При этих словах остальные легионеры ударили себя в грудь кулаками, но внезапный лязг не оказал никакого видимого воздействия на пришельцев.

– Назовите себя.

В ответ послы одновременно улыбнулись, обнажив белоснежные зубы.

– Я – Охна, – сказал первых из них.

Центурион указал на следующего:

– А ты?..

Мягкий смешок раздался от всех троих, и они ответили вместе:

– Все мы – Охна.

Холодные серые глаза Маго сузились.

– Где имперское правительство? Почему регент Иктилион не предстал перед нами, чтобы объяснить причину молчания Девяносто-три-Пятнадцать?

- Девяносто-три-Пятнадцать... – тихо сказал первый посол, начиная непонятный диалог со своими спутниками. – Так звали регента...
- Это ложное имя нашего дома.
- Смотрите!..

Вместе они указали руками на планету внизу.

- Это Генна. Это наш дом.
- Семя, в котором мы должны измениться и вырасти...
- Дабы процветать среди звезд.

+Мы не можем им доверять+

У Маго сжалась челюсть. Сообщение Тэтуса проникло в сознание каждого Пожирателя Миров: его сила была грубой, грозной, ей не хватало изящества, какое было у библиариев, что оттачивали свой дар на протяжении десятилетий под руководством Варияса. От столь резкого вторжения в разум у Маго заслезились глаза.

+Здесь что-то не так, братья. Их сознание... я не могу их прочесть+

Маго прислушался к предостережению брата, но не подал вида. Ничего не выражающая маска не сходила с его лица. Он услышал лязг керамики, когда братья, что стояли позади, сменили позы. Их пальцы крепче сжали оружие, когда они услышали безмолвное послание библиария.

- В ваших речах нет смысла, – Маго уставился на послов. – Я их не понимаю. Говорите, где находится регент.
- Как бы мы ни старались, – их голоса стали печальными, а взгляд бледных глаз, притупился, – Он не понял...
- Кем мы являемся...
- Чего мы должны достичь...
- Путь, по которому мы должны пройти.
- Были разногласия, которые мы не смогли преодолеть...

Холодок пробежал по спине Маго. Доспех отреагировал, вводя стимуляторы, ускоряющие кровообращение. Его чувства обострились.

- Были приложены все усилия... – сказал Охна.
- ... чтобы расширить границы его знания, дабы он сам все увидел...
- ... а потом, когда этого не удалось достичь, мы обеспечили ему покой.
- Вы можете быть уверены...
- ... ему было не больно ...
- ... когда его личность была разрушена...

Быстрее, чем могли уследить глаза, Маго приставил лезвие своего копья к горлу одного из послов. Оронт принял боевую стойку, перекинув топор в правую руку, а затем поднял его над плечом. Чемпион активировал двигатель оружия, и топор зарычал, вращая сдвоенным лезвием.

- Нет никакой необходимости в насилии, – сказал Охна, подставляя подбородок под копье. Его голос был спокойным, и спутники тоже обнажили свои шеи. – Мы не виноваты, что наш путь отличается от пути вашего Императора.
- Мы не стремимся разрушить...
- ... лишь разойтись...
- ... в этом нет никакой печали.
- Вы должны следовать по своему пути, а мы последуем по нашему...
- В конце концов, – сказал он, слегка наклонив голову, дабы встретился взглядом с Маго. Его глаза были широко раскрыты и полны надежды. – Что такое одна песчинка...
- ... в песочных часах?

И тут Маго заметил, что от движений посла кончик копья чуть-чуть порезал ему шею. Крошечная капелька крови стекла по ней.

Это была не кровь человека. Из ранки сочилась бледно-янтарная жидкость.

- Ты не человек, – холодно прорычал Маго, и древко копья качнулось в его руке.
- Охна склонил голову набок, а его лицо все еще выражало полное спокойствие.
- Конечно, Маго из Двенадцатого Легиона.
- Конечно, я человек...
- ... даже если это не так...
- ... если я немного отличаюсь от вас...
- ...то я уже не могу быть человеком?
- Или же человек не должен отличаться от вас по праву рождения?..

– Так ты считаешь?

Лезвие копья центуриона вышло из затылка Охны, и по нему стекала янтарная кровь. С визгом цепной топор Оронта опустился на второго посла, разрубая его надвое от шеи до паха. В это время Ганно прыгнул вперед и расправился с третьим своими мечами. Через мгновение все было кончено.

Маго выдернул копье, и тело Охны повалилось на землю. Его лицо все еще оставалось безмятежным, пока кровь сгустками бежала по поверхности залы.

– Хм, – хмыкнул Ганно, толкнув ногой тело существа. – Жуткий клон, да? Они похожи на нас...

– Словно бы смотришь в зеркало, – ответил Оронт. – Но это не делает их людьми.

– Справедливости ради, – сказал Ганно, и даже шлем не смог скрыть его ухмылку. – Мы тоже не люди. Больше нет.

– Довольно.

Голос Маго заставил воинов замолчать. Он надел свой шлем. В ухе раздался знакомый щелчок, руна появилась на экране, когда открылся личный вокс-канал.

– К счастью, мы взяли с собой твоего нового библиария, – сказал Кхарн.

Советник примарха наклонился, беря за воротник изорванной одежды верхнюю половину пришельца, разрубленного Оронтом.

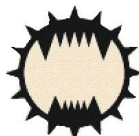
– Он преуспел, распознав их ложь, и избавил нас от необходимости выслушивать их загадочные речи.

Голос капитана восьмой роты был низким и мягким. Он редко проявлял какие-либо эмоции, и его словно бы совершенно не удивило то, что они обнаружили. Голос Кхарна звучал так же, как и всегда – отстраненно. Маго взглянул на брата и представил себе узкое лицо без шрамов, сокрытое шлемом, и усталую улыбку, которая никогда не была видна для чужих глаз.

– Я возвращаюсь на «Завоеватель», – Кхарн развернулся и пошел тем же путем, которым они пришли, волоча за собой мертвое существо. – Наш отец должен об этом узнать.

Купол вновь раскрылся. Воздух завыл, улетая в открытый космос. Прежде чем выйти, Кхарн оглянулся через плечо:

– Ты должен вернуться на «Оскал Гончей», Маго. Вы знаете, что он скажет. И вы знаете, что будет дальше...

ТРИ

Покои примарха были окутаны мраком. С того самого момента, когда он был найден Императором (событие, что даже в моменты спокойствия он именовал не иначе как пленением), Ангрон уничтожил все источники света в своих комнатах, и не было смельчака, что решил бы спуститься и починить их. Кхарн вошел в темноту, спускаясь по тем же потрескавшимся мраморным ступеням, что и в день, когда он впервые встретил своего генетического отца.

Ревущие двигатели «Завоевателя» были слышны лишь как отдаленный грохот, а воздух был прохладным и влажным, словно в первобытной пещере.

Сверхчеловеческое зрение Кхарна и авточувства его доспеха мгновенно приспособились к мраку, открыв глазам разрушенный зал, полный разбитых колонн и пробитых в стенах кратеров от ударов исполинскими кулаками. Даже сквозь шлем капитан чувствовал тяжелый запах, повисший в воздухе, а когда он его снял, те обрушились на него со всей своей силой. Это был аромат обожженного металла и камня, смешанный с пьянящим запахом крови полубога...

В зале был еще один легионер, стоявший в нескольких шагах от лестницы. Острый запах антисептика пропитал его доспех, а гул исходивший от работающих инструментов хирурга за его спиной, напоминающий конечности жуткого паука, зудел в ушах. Кхарн увидел широкое испуганное лицо, освещенное ярким светом инфопланшета, встроенного в громоздкий наруч воина. В окружающем мраке это придавало ему жуткий и омерзительный вид.

– Гахлан, – позвал Кхарн. Апотекарий кивнул ему.

– Советник, – ответил Гахлан Сурлак, оторвавшись от своего наруча, и склонив голову в знак уважения. Кхарн же посмотрел мимо него, в самую глубину теней.
– Сир.

В дальнем конце комнаты, где темнота была гуще всего, на корточках сидел сам Пожиратель Миров. Он развернулся спиной к своим сыновьям, а его массивные плечи подергивались, поднимаясь и опускаясь в такт дыханию, проходящему сквозь стиснутые железные зубы. Несмотря на свое острое зрение, Кхарн не мог отчетливо разглядеть его – силуэт отца был покрыт неестественным мраком.

Капитан бросил на потрескавшийся каменный пол труп посла, завернутый в черную мягкую ткань.

– Это предательство, сир. Регент этого мира мертв, а его города наполнены механической мерзостью, что выдает себя за людей.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь болезненным дыханием их господина.

– Тогда зачем ты тратишь время? – наконец ответил Ангрон. Его голос напоминал рычание медведя. Примарх XII-ого Легиона слегка повернул голову, демонстрируя в профиль свой оскал хищника. Кхарн мог различить лишь тусклый блеск кибернетических имплантатов, что дредами покрывали его череп, и струйки слюны, медленно стекающие с подбородка отца.

– Ты уже знаешь мой ответ. Так пойди же и сделай это!

Кхарн выпрямился.

– Ты не пойдешь с нами, отец? – он бросил взгляд на Гахлана, но по выражению лица того сложно было что-то понять. – Разве ты не поведешь своих воинов в бой?

– Хм-м-м, – Ангрон вцепился ногтями в свой череп, задумавшись. – Что вообще хорошего в тебе и в твоём Легионе, если вы желаете, чтобы я выиграл все битвы за вас?

Примарх облизал руку, и Кхарн услышал, как разлетелась по полу кровь.

– Имплантаты примарха в ужасном состоянии, – спокойно вмешался в разговор Гахлан. – Я позабочусь о нем. Также я изучил орбитальные снимки поверхности планеты, что собрал флот. Думаю, капитан, приведение этих клятвопреступников к Согласию не станет для вас большой проблемой.

Кхарн подошел к аптекарию, и посмотрел ему прямо в глаза.

– Он не может драться? – спросил он вполголоса, чтобы только аптекарий слышал его. – Что происходит, Гахлан? Он сражался слишком давно. Ты забыл, сколько прошло времени?..

– Думаешь, я тебя не слышу? – взревел Ангрон. Его голос громом отразился от разрушенных стен. – Замышляете там заговор в углу, словно труссы? Я сказал, чтобы ты убирался прочь, Кхарн! Иди же!

Кхарн перевел взгляд на огромную фигуру отца, что скорчился глубоко в тени.

– Таков ваш приказ, сир?

Ангрон прорычал звериным голосом, от которого в кровь вбрасывался адреналин.

– Убей их, – прошипел полубог, выплевывая на пол кровь. – Убей их всех!

Кхарн ударил кулаком в грудь и остановился, чтобы забрать труп, который принес с собой, но почувствовал, как чья-то рука легла на наплечник его брони.

– Оставь его мне, Кхарн, – сказал Сурлак. Аптекарий опустил на корточки и провел кончиками пальцев по черепу посла. – Возможно, это создание еще принесет нам пользу.

Кхарн пожал плечами и направился к лестнице, напоследок бросив взгляд на отца.

***

Всему флоту XII Легиона был отдан приказ. На командной палубе каждого корабля, в каждом истребителе, боевом танке и визоре дисплея в шлеме каждого Пожирателя Миров начался своеобразный отсчет.

Тридцать один час.

Это был мучительный промежуток времени в каждой кампании по приведению к Согласию с тех пор, как был найден примарх. Слуги и сервиторы спешили закончить последние приготовления. Боевые корабли были заправлены, боеприпасы загружены, десантные капсулы – готовы принять смертоносный груз из легионеров. Десять тысяч воинов находились в полной боевой готовности, их доспехи были отполированы до блеска, а оружие и щиты находились под рукой.

Отчет начался в тот момент, когда Кхарн передал приказ примарха командирам всех рот. На этот раз удача сопутствовала Легиону: ни один вражеский корабль не противостоял им, как не было и орбитальной сети обороны, способной помешать высадке. Они не теряли драгоценное время на космические дуэли или же на абордаж вражеских кораблей.

Ничто не стояло между ними и их целью.

Корабли Пожирателей Миров устремились на низкую орбиту, и осторожность уступила место агрессии, что все сильнее распространялась в их сердцах под влиянием Ангрона. Сабатоны воинов должны были обрушиться на землю Генну в первые же часы атаки...

Маго пересек посадочную палубу «Оскала Гончей», осматривая воинов 18-ой роты, что стояли перед ним аккуратными и упорядоченными рядами. В более широких кругах 18-ая была известна как «Непреклонные». С момента своего появления они не терпели поражения даже в самых жестоких битвах, их единство и братство испытывалось раз за разом в огне и крови, но никогда не было сломлено.

Первые три шеренги состояли из ветеранов роты. Они гордо вытянулись, а их тяжелые щиты высотой с Астартес сверкали полированным металлом. Держа острие к острию копья, размещенные в бойницах щитов, которые в других Легионах использовались для болтеров, они сформируют фалангу, что загонит любого врага перед ними в забвение.

– Этот мир – Девяносто-три-Пятнадцать, – проревел Маго. Голос центуриона перекрыл шум, царивший на посадочной палубе, и был слышен даже в

последних рядах его непреклонных воинов. – И хотя те его обитатели именуют его Генной, это единственное название, которое мы должны знать!

Края боевых щитов с грохотом ударились о палубу.

– Когда-то этот мир занимал свое место в Империи Человечества, – продолжал центурион, – но ныне он от него отвернулся. Они восстали, и они ничем не лучше миров, что отказались принять Имперские Истины! Клятвопреступники решили выступить против Императора! Они решили выступить против нас! И они познают за это остроту наших клинков!

Непреклонные ответили, стуча кулаками по нагрудникам доспехов, в то время как щиты и древки копий грохотали по палубе.

– Вы все меня знаете, – Маго остановился, наслаждаясь великолепием роты, готовой вступить в бой. – И вы знаете, что больше нельзя тратить время на пустые слова! Будьте быстры. Верьте в щиты своих братьев, как они верят в вас. Сражайтесь как один, и ни один враг не устоит перед вами! Мы идем на войну, Непреклонные! За Ангрона и Императора!

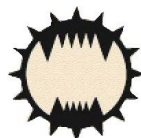
Крик отозвался эхом от легионеров. Он все еще звенел, когда сержанты и командиры отделений начали отдавать приказы. Рота разделилась на отряды, и, быстро двигаясь, направилась к средствам высадки. Воздух рябил от жара двигателей, извергающих пламя.

Пожиратели Миров закрепились в десантных капсулах, что закрылись, словно сжатые кулаки, а цепи их подняли, чтобы загрузить в пусковые шахты. Маго встретился с Оронтом у трапа «Грозовой Птицы», когда отряд их братьев погружался в трюм корабля.

– Мы сделаем это, – уверенно сказал Первый Топор, – В этот раз. В этом мире. Мы сделаем это, брат.

Маго закрепил свой бронзовый шлем, вспыхнувший изумрудными линзами.

– Да будет так, брат. Ради Легиона... Да будет так.

ЧЕТЫРЕ

Второе приведение Генны к Согласию или то, что имперские историки впоследствии назовут «Очищением Генны», совершенно отличалось от старых кампаний Пожирателей Миров.

Впервые после обретения примарха на Нуцерии Легион шёл в бой под его взором, но не под его командованием. Каждый воин ощущал присутствие отца так, будто он лично шел с ним в бой, и каждое сердце билось в унисон с обратным отсчетом.

Командиры рот уже привыкли самостоятельно составлять планы атаки и проводить брифинги для остальных офицеров – Ангрон редко посещал командный центр, а если и приходил, то выражал лишь полное безразличие к планам, предпочитая как можно быстрее покинуть своих сыновей.

Теперь же Пожирателям Миров и вовсе предстояло идти в бой без своего генетического отца и его нечеловеческой доблести, доминирующей над любым врагом. Казалось, будто примарху совсем не нужен был его Легион, и он не желал вдохновлять сыновей и вести их к новым победам.

В тот миг казалось, что это будет первой планетарной высадкой, в которой XII-ый Легион не понесет никаких потерь. Орбитальные пиктограммы передавали приближенное изображение планеты на визоры командиров: не было видно никаких систем противовоздушной обороны, готовых наполнить воздух снарядами зенитных батарей, никакого хаоса и беспорядка, вызванных ускоренной мобилизацией и эвакуацией населения. Жизнь на Генне продолжала течь своим чередом, будто не подозревая об угрозе вторжения самого страшного оружия, когда-либо созданного человеком.

Выскакивая из десантных капсул и сбегая вниз по трапам штурмовых кораблей, XII-ый Легион быстро установил безопасный периметр вокруг посадочной зоны. Разведывательные отряды заняли позиции, ожидая приказов, пока офицеры

устанавливали связь между подразделениями, организовывая и объединяя роты. Даже без сопротивления флота и оборонительных систем XII-ый Легион привык действовать быстро – время всегда было решающим фактором. Абсолютная организованность и усилия, необходимые для доставки тысяч легионеров на театр боевых действий, требовали гигантских усилий и никогда не отличались высокой скоростью исполнения. Когда все приготовления были завершены, взгляды обратились на хронографы, что вели обратный отсчет, ожидая приказа о наступлении.

Осталось двадцать два часа.

Предбоевые традиции много где были задокументированы – как в записях о Великом Крестовом походе, так и в архивах каждого Легиона, описывающих сражения Легионес Астартес. Говорили, что Железные Руки шли в бой в полном молчании, полностью сосредоточенные на холодном расчете и точности наносимых ими ударов. Другие, как сыновья Русса или Белые Шрамы Хана, вступали в бой в яростной атаке, смеясь, когда пускали в ход болтер или клинок.

У XII-ого Легиона был свой путь.

Со дня своего основания Псы Войны вели сражения в собственном стиле независимо от того, кто осмеливался встать на их пути, будь то ксеносы, машины или же Громовые Воины самого Императора. Это был единственный метод запугать любого врага сильнее, чем дикая атака ревущего легионера с оружием, высоко поднятым над головой.

Псы Войны, а ныне уже Пожиратели Миров, быстро сокращали дистанцию, знакомя врага со своими клинками. Их нападения не сопровождались холодным машинным безмолвием или же дикарскими воплями – то был спокойный и ровный клич боевых братьев. Казалось, будто бы они сражались в тренировочных ямах, а не рвались напрямик в клыки смерти.

Редко бывали случаи, когда один из центурионов разрывал строй, но никогда не было ни одного, чтобы Легион отступал.

Они атаковали, наполненные легкой естественной агрессией, и не сбавляли темпа, когда враг атаковал их. Псы Войны лишь неумолимо двигались вперед, расчлняя и уничтожая любого врага, посмевшего стать на их пути, безжалостные и неукротимые, как тень, поглощающая планету в вечерних

сумерках. Благодаря этой тактике Легион победил бесчисленное количество врагов еще до того, как вступил с ними в бой – настолько был велик страх, посеянный их нечеловеческим спокойствием. Только когда враг терял весь свой боевой дух и сплоченность, собираясь бежать с поля боя, XII-ый ускорился. Финальная погоня за поверженным врагом полностью соответствовала имени, коим был наречен Легион – они были истинными Псами Войны.

Теперь же они стали Пожирателями Миров.

И все же здесь не было врага, который бы смог их атаковать. Пожиратели Миров беспрепятственно двигались по каменистой и разрушенной штормами поверхности Генны, не замечая никаких признаков жизни, пока не достигли врат сияющего города, что предстал перед воинами полностью открытым и незащищенным. За воротами в безмолвном спокойствии собрались те, кто должен был встретить Легион.

У них не было ни оружия, ни армии. Только мирное население.

Миллионы людей, полностью похожих на эмиссаров Охны, выходили из ворот города. Их лица не омрачал страх, их конечности не подергивались от адреналина – они просто шли навстречу Пожирателям Миров, словно приветствуя старых друзей, а их лица озаряли искренние улыбки.

Осталось двадцать три часа.

Воцарилось смятение. Первые ряды Пожирателей Миров просто оттеснили покорных жителей Генны, не зная, как действовать дальше. Они попытались расчистить себе путь, чтобы войти в город и заявить свои права на него, но оказались бессильны под напором лже-людей. Все больше клонов выходило из города, и легионерам все сложнее было продвигаться вперед, а затем они и вовсе начали отступать. Разведчики воксировали командирам подразделений о том, как мужчины и женщины с безмятежными лицами обхватывали космодесантников, пытаясь задавить их массой своих тел.

Маго никогда не сталкивался с подобным, но все же он был воином, а когда воин встречал неизвестное, то решал проблемы своим оружием.

А самым лучшим оружием Маго была его фаланга.

Фаланга XII-ого Легиона была разрушительной силой на любом поле боя. Ее никто и никогда не побеждал. Ничто лучше не иллюстрировало узы братства, определяющие их Легион, как ряды воинов, братьев, что двигались и убивали, как одно целое. Это было неприступное для врагов построение, в котором щит каждого легионера защищал не только его самого, но брата, сражающегося рядом с ним.

Это была непреклонная и неумолимая машина смерти.

Пожиратели Миров никогда не оставляли своих врагов в живых. Когда легионеры планировали кампанию и готовились к атаке, то захват пленных даже не обсуждался. Это не было путем XII-го. Они были клинком, направленным в горло врага, не для того, чтобы захватить, но уничтожить.

И такая сила была в руках Маго. Он без раздумий направил свою фалангу на столицу Генны, Малкою.

– За Ангрона и Императора! – проревел центурион.

Копья опустились в боевое положение и с щелчком закрепились в специальных прорезях в боевых щитах. Непреклонные начали свой марш, и когда толпы жителей Генны достигли наконечников их копий, то началась резня.

Маго был в центре фаланги: он шел в бой вместе с ветеранами своей роты. Легионеры наносили удары, и рукояти их копий пели, соприкасаясь с щитами, пока фаланга уничтожала толпы людей. Геннанцы падали замертво, не издавая ни звука, а раненые неумолимо продолжали идти вперед, переступая через трупы своих поверженных товарищей.

– Спокойно, продолжаем наступление! – проревел Маго, не переставая наносить удары копьем. Враги подошли вплотную к фаланге, и все больше и больше клонов напирало на легионеров. Давление на щит центуриона росло так, будто он сдерживал прилив целого океана.

– Убивать их нетрудно, – прорычал Оронт, и янтарная жидкость брызнула ему на лицевую пластину, когда он вонзил копье в море пустых лиц. – Мы истиебляем их целыми толпами, но они все прибывают. Они даже не дерутся с нами! Какую славу мы можем здесь обрести?

– Ох, какие песни напишут об этом... – усмехнулся Ганно, отталкивая щитом тело очередного поверженного врага.

Наступление Легиона начало замедляться. Маго хмыкнул, когда толпа клонов навалилась на его копье, и оно сломалось пополам от их веса. Он бросил оставшееся в руке древко, взяв свою волкитную серпенту. Сконцентрированная плазма вырвалась из оружия, прорезая на мгновение брешь в напавшей толпе.

– Тогда представьте, какое бесчестие постигнет воина, убитого ими, – сказал Маго, убирая пистолет в кобуру и отстегивая топор, – Удвойте свои усилия!..

В первые же часы сражения было повержено бесчисленное количество врагов: потоки крови, вытекающие из их тел, превратили землю в бурлящее желтое болото. Убивая, Пожиратели Миров погружались в грязь, а перед ними тем временем росли огромные кучи из мертвецов. Когда груды сраженных поднялись выше стены щитов, геннанцы начали взбирались на их вершины, прыгая сверху на легионеров.

Наступление фаланги окончательно остановилось, и теперь легионерам приходилось понемногу отступать. Из-за растущих гор трупов между подразделениями образовались промежутки, которые заполнялись новыми противниками. Щиты легионеров были отягощены весом мертвых тел и десятки цепких рук оттаскивали их в сторону.

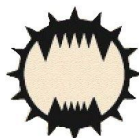
Один за другим воины начали умирать.

Плоские линии рун настойчиво мигали в углу дисплея Маго каждый раз, когда противники отесняли и хоронили под сотнями тел его ветеранов. Крик боли и гнева эхом разнесся по воксу, когда одному из воинов сорвали шлем и выкололи глаза. Все это время таймер неумолимо отсчитывал время в углу тактического дисплея каждого воина.

Осталось девятнадцать часов.

Строй распадался. Ни один смертный не мог сравниться с легионером, но когда их была сотня? Или же тысяча? Или еще больше? В какой же момент чаша весов склонилась не в пользу Астартес?..

Масштаб жестокости поражал даже Маго. Его Легион вступил в это сражение, не зная, что ему придётся встретить миллионы врагов, которые наступали без всякой мысли о самосохранении, совершенно неподвластные панике. На место каждого убитого ими клона вставала сотня других: казалось, они непрерывным потоком шли из врат города. Сражение (если так можно было назвать резню вокруг) стремительно приближалось к месту, откуда они начали свой путь на этой планете.

ПЯТЬ

– Центурион, – раздраженно окликнул командира Астакос из своего места в строю. – Наше положение ухудшается. Мы должны перегруппироваться, прежде чем половина наших бойцов падет.

Из-под стиснутых зубов Маго вырвался рык, полный разочарования. Он протаранил своим щитом противников впереди, раздавив троих, но даже после смерти клоны остались стоять из-за плотности сгрудившихся вокруг тел. Он знал, что в словах брата есть смысл – знаменосец находился на возвышенности, и ему открывалась более масштабная картина сражения.

Находясь в отдалении от битвы, Астакос видел, как толпа проглатывала по одному его братьев.

– Сомкнуть ряды и отступить, – приказал Маго, отмахиваясь от падающей женщины плоской стороной топора. – Болтеры наизготовку!

Те Пожиратели Миров, что еще сражались копьями, удерживали толпу, позволяя братьям, стоящим сзади, сменить оружие и передать его бойцам спереди. Закрепив болтеры в нишах щитов, воины дали залп, посылая снаряды в толпу врагов.

Не было никакой нужды в прицельной стрельбе: Легион вел заградительный огонь и фаланга выпускала массу реактивных снарядов в толпу, отступая шаг за шагом, пока какофония взрывов разрывала пространство вокруг.

Эффект от прямого болтерного огня был разрушительным: тела разрывало на части, конечности отрывало и они взмывали в воздух. Снаряды, что попадали в

одну цель, прошивали ее насквозь, разрываясь в толпе позади идущих. Это была даже не резня, а истребление, но самым ошеломляющим фактом было отсутствие какого-либо эффекта, оказываемого на толпу – клоны все также неумолимо напирали на легионеров.

Маго воспользовался небольшой передышкой, выигранной болтерным огнем, чтобы оценить оперативную обстановку. Руны, отмечающие командиров рот, беспорядочно мигали на визоре его дисплея, обозначая их местоположение. Остальная часть Легиона находилась отнюдь не в лучшем положении, чем Непреклонные.

Связь между командирами была нестабильной, а речь братьев было невозможно разобрать из-за грохота щитов и визгов цепного оружия. «Грозовая Птица» пронеслась над их головами, уйдя в неуправляемое пикирование: десятки клонов бросились в турбины штурмового корабля со шпилей городских строений. Легкий танк, чьи гусеницы были забиты телами и запекшейся кровью, полз вперед, покрытый врагами, до тех пор, пока полностью не остановился и не потерял боеспособность.

Установив контакт с флотом на орбите, центурион выяснил, что аналогичная ситуация царила по всей планете. Легион разделился, чтобы высадиться на каждом из континентов Генны, начав молниеносную атаку на основные города и промышленные центры. Все ударные силы XII-ого были встречены миллионами местных жителей и наступление захлебнулось: Пожирателей Миров буквально похоронили под настоящей лавиной из искусственной плоти. Нескольким штурмовым отрядам удалось высадиться на центральных площадях городов благодаря десантным капсулам, но вертикальные шпили и узкие улицы давали еще большее преимущество нескончаемым толпам клонов, чем на открытой местности.

Маго вскинул голову к небу. Сражение проходило в ближнем бою, и ни один из кораблей флота не мог нанести точечный орбитальный удар по противнику. В мгновение ока центурион открыл личный вокс-канал с флотом, и в крошечном окошке в углу дисплея появилось изображение капитана «Клыков Гончей»: седовласого человека в накрахмаленной белой форме.

– Капитан Юта, – сказал Маго.

– *Центурион*, – ответил Юта хриплым голосом, искаженным помехами. – *Что у вас там происходит? Клянусь Троном, судя по орбитальным снимкам это суицид кошмар! Я никогда не видел подобного...*

– На нужна ваша поддержка, капитан. Снизьте корабль на максимально возможную высоту. Я передам вам координаты точки обстрела поверхности.

Изображение на визоре Маго мигнуло. Капитана Юта повернулся, вступая в краткий диалог с кем-то за кадром.

– *Милорд*, – ответил Юта через несколько мгновений, напряжение в его голосе было отчетливо слышно, несмотря на помехи. – *Оценив ситуацию на планете, я не могу гарантировать, что огонь наших орудий не заденет силы Легиона. Никто из нас не гарантирует. После Брухо мы....*

Связь прервалась. Маго отключил канал – он и так уже знал, что капитан хочет сказать. Три года назад, на Брухо, вопреки приказу примарха был нанесен орбитальный удар. Не ожидая бомбардировки, большая часть роты, сражавшейся бок о бок с Ангроном, была уничтожена за считанные мгновения. Как только битва закончилась, примарх вернулся на орбиту и никто из капитанов, выпустивших снаряды в тот день, не остался в живых.

Адмиралы отказывались применять свои орудия во время боев на поверхности, дабы не рисковать жизнями легионеров. Маго и другие воины были предоставлены сами себе. Разочарованно покачив головой, центурион прервал связь с флотом.

Оглянувшись влево и вправо, Маго отыскал штандарты своих собратьев. Некоторые роты наступали, используя собственную тактику: они отказались от фаланги в первые же минуты сражения, стремительно атакуя врага в рукопашной. Поначалу эти подразделения даже преуспели, но теперь они оказались отрезаны от резервов, и рассеяны среди врагов. Из всех рот, атаковавших единой фалангой, две выбрали такое безумие, включая отряд, который должен был стоять в резерве 18-ой.

Царила настоящая анархия.

Маго подавил желание сплюнуть. Гхир бы никогда не допустил подобного. Если бы последний Магистр стал свидетелем подобного зрелища, он бы приказал на

виду у всего Легиона выпороть и понизить в звании до рядовых этих командиров рот, прежде чем с позором сослать их во вспомогательные и резервные роты. Где ответственность? Где братство?

Маго до глубины души сожалел, что основные принципы Легиона и его манера ведения войны, что существовали со времен образования Псов Войны на Терре, были так легко отброшены и заменены слепой агрессией. И центурион мог понять, почему...

Это была вина их примарха.

Именно он сражался таким образом – без причин, без раздумий, без последовательности. Ангрон был существом не из плоти и крови, но бурей насилия и несдержанности. Его разум затуманивали импланты. Он сражался воистину потрясающе, и Маго не мог отрицать его силы, но он так же и не мог принять его тактику.

Она убивала его братьев. Убивала Пожирателей Миров.

Залп болтерного огня принес Непреклонным несколько секунд спокойствия, но не более. Безмятежные лица вновь заполнили визоры Пожирателей Миров: они добродушно улыбались, переступая через изуродованные останки, устлавшие землю. Клоны тихо зывали к своим захватчикам, говоря им о бессмысленности конфликта. Они пробирались сквозь строй, словно лозы винограда, выющиеся по осыпающемуся камню, хватая легионеров за руки и ноги, пока те не падали на землю, а затем наваливались на воинов, пока керамит не раскалывался, а органы не разрывались от давления. Руки клонов в спокойствии разрывали пломбы, удерживающие шлема, вставляли тонкие пальцы в глазницы и выдавливали их, добираясь до мозга...

– Это безумие! – проревел Ганно. Он потерял свой щит и теперь работал фалаксами, рубя и рассекая все, что приближалось к нему. – Мы должны отступить и позволить флоту сжечь этот мир до тла!

– Нет! – ответил Маго, испарив своим пистолетом очередной ряд врагов. Он быстро убрал его в кобуру, взялся за цепной топор, и расчленил им еще троих клонов. – Примарх этого не примет! Вы все знаете, чего он ждет!

– А ты веришь, что он примет?.. – спросил Оронт, полный неловкости, озвучив мысль, беспокоящую всю роту.

– Мы узнаем, когда победим, – ответил Маго, – этой мерзости может быть сколько угодно количество, но они не бесконечны! Пока мы дышим, мы будем сражаться и убивать! Призовите свой гнев! Это они сломаются первыми, а не мы!

Новый поток энергии хлынул по жилам воинов 18-ой, когда они сплотились вокруг своего центуриона, изгоняя боль, отягощающую их мышцы от продолжительного боя. Легионеры сомкнули ряды, встав плечом к плечу, и пока один из братьев врвался в гущу клонов с цепным топором или гладиусом, другой прикрывал его болтерным огнем.

Впервые с начала сражения Маго и его братья начали продвигаться вперед – тень от врат Малфоя нависла над ними. Они должны были попасть за них, воспользоваться своим преимуществом, заставить геннанцев дрогнуть, и тогда столица будет принадлежать им...

Откуда-то с правого фланга раздался резкий шум. Это был вокс-сигнал тревоги. Их братья из другой роты попали в катастрофическую ситуацию и зывали о помощи.

«Это сигнал не центуриона», – догадался Маго, и его сердце екнуло. Это означало, что у роты, активировавшей маяк, не было офицера, способного запросить помощь.

– *Это 44-ая*, – передал по воксу Астакос. Он поднял свое знамя и повернул его в правую сторону. Маго выругался под нос, отступив на мгновение, чтобы осмотреть фланг. В этот момент его улучшенная память выдала сведения о роте, которой было поручено поддерживать их.

44-ая умирала, как и многие другие подразделения, командиры которых безрассудно бросили своих воинов в бой, а теперь обнаружили, что теряют одного легионера за другим. Ныне в них едва ли можно было узнать роту: остались лишь отдельные очаги из мрамора и синевы. Братья сражались спина к спине, пока не погибали.

Если Маго замешкается, все они будут уничтожены.

– Они продвинулись слишком далеко вперед и отрезаны от линии фронта, – доложил знаменосец. – Все остальные отряды заняты, никто не сможет выдвинуться и поддержать их. Если мы этого не сделаем, они погибнут.

– О чем думал Барка?.. – тихо сказал Маго, разрубая пополам клона.

– Похоже, он вообще не думал, – ответил Астакос, – Барка и 44-ая должны были стоять позади и поддерживать нас.

– Маго, ворота в пределах нашей досягаемости, – сказал Оронт в перерывах между ударами топора, – у нас есть шанс сломить их здесь и сейчас, если мы будем наступать! Посмотри на таймер. Если мы отступим, то у нас не хватит времени для наступления.

Молния пронеслась мимо центуриона, испепелив дюжину обитателей Генны.

– Время играет против нас, капитан, – сказал Тэтус – Либо мы поможем 44-ой, либо наступаем на врата. Мы не сможем сделать и то, и другое.

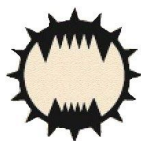
– Мы не можем оставить их! – сказал Маго.

– Посмотри на хронометр! – Оронт стряхнул с плеч пару тех, облаченных в мантии. – Орда этих ублюдков лежит между нами и 44-ой. Они вообще не должны были нападать, они должны были нас поддерживать! Барка знал это, и все равно побежал вперед, как дурак, а теперь он получил по заслугам! Помогая им, мы потеряем инициативу, за которую пролили так много крови! А примарх прольет еще больше крови за то, что мы потерпели неудачу...

– Нет! – взревел Маго. – Мы не добьемся победы, оставив погибать своих братьев! Я не буду стоять в стороне, повернувшись к ним спиной, зная, что могу их спасти!

– Но приказ примарха....

– В бездну его и чертов обратный отсчет! – взревел Маго. – Они были нашими братьями задолго до того, как мы стали его сыновьями!

ШЕСТЬ

На поле боя спустилась ночь. Тени, отбрасываемые шпильями Малфоя, накрыли собой бойню, что разверзлась у городских стен. Прошло двадцать четыре часа непрерывного сражения, и оно все еще длилось. Атаки Пожирателей Миров становились все более отчаянными: целые отряды бросались вперед, пытаясь прорваться через массу синтетических тел, кишящих перед ними.

Космодесантники карабкались по ковру из мертвецов, который поднимался выше их колен, сражая бесчисленное количество противников, но врагов, стоящих между ними и победой, меньше не становилось.

– Копья! – крикнул Маго. Бойцы, которые еще сражались копьями и щитами, выдвинулись вперед и организовали плотный клин, за которым встала остальная часть роты. Пожиратели Миров следовали указаниям штандарта Астакоса, перегруппировавшись так, чтобы заслон ветеранов был направлен в сторону сражающейся 44-ой.

Маго направлял своих людей в строй, хватая их за плечи. Оглянувшись, он увидел, как его чемпион продолжает яростно рубить орду.

– *Первый Топор!*

Оронт швырнул на землю труп клона после того, как его двуручный топор разрубил его на пополам. С рыком разочарования он отступил обратно к фаланге.

– *Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – сказал Оронт. – У нас был шанс прорваться. Настоящий шанс.*

– *Мы сражаемся, как братья, – ответил Маго. – Братство, Оронт. Без него мы никто.*

– *Действительно. Вспомни о нем, когда нас убьет наш собственный отец.*

Маго моргнул, отключив вокс. У него не было времени ни на гнев Оронта, ни на размышления о примархе – это вторжение было провальным с самого начала, и

он должен был сделать все возможное, чтобы собрать и спасти как можно большее число братьев. И только тогда у них будет шанс победить...

Клин медленно разрезал толпу. Впервые за все часы битвы истребление клонов перестало быть основной целью Непреклонных: они должны были максимально быстро пробиться сквозь орду, не отвлекаясь на бессмысленные убийства.

Потребовалось больше часа, чтобы добраться до самых отдаленных воинов 44-ой. Более часа напряженного и непрерывного продвижения вперед. И так шаг за шагом, вдавливая мертвые тела в землю...

Пожиратели Миров подскальзывались и теряли равновесие, но из-за плотности строя легионеры не позволяли упасть друг другу. Они продвигались, положив оружие на плечи впереди стоящих воинов, пока не вступили в контакт с первыми бойцами братской роты.

Маго заглянул в щель между щитами, пытаясь отыскать воинов 44-ой в кишасе вокруг океана врагов. Вспышка молнии привлекла его внимание, и он перевел взгляд на разбившийся истребитель, подле которого сражался легионер.

– Сержант!

В это время Пожиратель Миров уперся сабатом в грудь клона, отталкивая его вниз, чтобы высвободить энергетический молот. Легионер повернулся, посмотрев на Маго и клин его воинов.

– Приветствую тебя, центурион, – сказал сержант с полным спокойствием, свойственным человеку, рожденному, чтобы сражаться. Обращаясь к Маго, он ни на минуту не переставал разить врагов.

– Где ваш капитан? – выкрикнул центурион, подгоняя свою роту, чтобы пробиться ближе к легионеру. – Где Барка?

– Мертв, – ответил легионер, – мы столкнулись с большим количеством противников. Они задавили нас массой. Это было похоже на океан, тащивший нас на дно. Барка погиб один из первых.

– Вы были нашим подразделением поддержки! – прорычал Оронт. – Почему вы ринулись в бой?

Сержант нанес удар своим молотом, высвобождая накопившуюся в нем энергию. Он на мгновение очистил пространство вокруг себя, прежде чем ответить:

– Потому что так приказал мой капитан.

Этого мгновения было достаточно. До него добрались Непреклонные. Стена щитов раздвинулась, впуская Пожирателя Миров в строй, после чего сомкнулась, словно ворота.

Маго осмотрел поле боя: то был настоящий хаос. Кровь воинов проливалась зазря. Он перевел взгляд на сержанта 44-ой:

– Как тебя зовут?

Легионер пытался счистить запекшуюся желтую кровь с рук, но не сумел. Он повернулся к центуриону:

– Делварус.

– Собери своих братьев, Делварус, – Маго положил свою ладонь на наплечник воина. – Мы поможем тебе спасти как можно больше людей. Пока битва не закончилась, 44-ая рота твоя.

Сержант усмехнулся:

– Моя собственная рота... Что ж, буду наслаждаться, пока мы не вернемся на орбиту и Ангрон не убьет нас за эту выходку.

– Не смей так говорить о нашем примархе, – прорычал Оронт.

– Спроси себя вот о чем, – сказал Делварус, с ухмылкой указывая на сражение вокруг. – Сколько наших братьев бросились на верную смерть, лишь бы избежать гнева Ангрона?

– Как ты смеешь порочить честь нашего отца?! – топора Оронта взревел, когда чемпион его активировал. – И ты еще смеешь называть себя одним из нас?

Делварус бесстрастно пожал плечами, глядя на Первого Топора 18-ой роты:

– Мы все здесь воины, чемпион. Если мы сильны, мы живем. Если размякли – умираем. О чем еще тут говорить?

– Довольно, – Маго встал между ними, – оставьте эти бессмысленные препирательства. Они позорят наш Легион. Приведи свою роту в порядок, сержант. Сделай это как можно быстрее.

– Как скажешь, мой друг.

– *Я хочу сразиться с ним в яме*, – прорычал Оронт, обращаясь к Маго по личному вокс-каналу, – *если я не умру, то по возвращению на корабль я обязательно сражусь с ним в яме*.

– *В таком случае, оставь это на потом*, – сказал центурион. – *У и нас здесь хватает дел*.

Маго поднял глаза к небу, услышав приближающийся звук двигателей.

Крошечные точки света вспыхивали и сверкали в ночном небе. Через несколько мгновений отдаленный гул превратился в рёв, а огни стали еще ярче и больше.

Небо запылало от движущихся огоньков, силуэты которых постепенно все больше походили на массивные посадочные модули.

– *Смотрите, прибыла тяжелая артиллерия*, – сплюнув, сказал Астакос, – *наконец-то*.

Хаотичный ход сражения превратил развертывание дополнительных сил в полный беспорядок. Десантные корабли с артиллерией, танками и боеприпасами не могли высадиться в посадочной зоне – она сама превратилась в поле боя.

Только сейчас Легион начал расчищать местность, и тяжелая техника смогла высадиться. Маго взглянул на посадочные модули и подумал об оружии в их трюмах. Им нужно было срочно высадить артиллерию и скоординировать плотный орудийный огонь, чтобы зачистить дорогу к столице от необъятной массы клонов.

– Сомкнуть ряды! – приказал Маго. – Соединяемся с 44-ой и восстанавливаем стену щитов! Нам нужно расчистить местность для танков!

Пожиратели Миров возобновили атаку – их подстегивала возможностью переломить ход сражения. Они шли стеной щитов, цепляясь за каждый дюйм земли. Враг продолжал свое наступление, пытаясь пробить брешь в рядах фаланги: клоны прыгали сверху, с груд мертвых тел, или же цеплялись руками за доспехи легионеров.

Взмахнув топором, Маго разрубил геннанцев, что столпились у его щита. Один из клонов подставил под удар свое лицо, ослепив центуриона брызгами крови, а остальные ухватились за его конечности: трое из них пробовали повалить Маго, навалившись всей массой, в то время как еще несколько вскарабкались на спину.

Глазные линзы все еще были покрыты желтой жизненной влагой, и он чувствовал, как руки хватали его за горжет, пытаясь сорвать печати и сдернуть шлем. Центурион стряхнул клонов, но почти сразу на него прыгнул другой, схватив Маго за голову, когда ему помешал чей-то закованный в броню кулак. Рука сжала врага, а затем швырнула через стену щитов.

Центурион оглянулся, увидев брата, который пришел ему на помощь: его доспехи и оружие были совсем новыми. Это был новобранец, не так давно ставший легионером.

– Рад встрече, брат Саликар, – Маго склонил голову в знак признательности, – благодарю тебя.

– Вы оказываете мне честь, центурион, – ответил молодой легионер. Его болтер дернулся, когда он выпустил очередь снарядов в группу клонов, взбирающихся по телам, чтобы перепрыгнуть через щиты, и их отбросило назад ошметками одежды и потоками желтой крови.

Дюйм за дюймом Непреклонные отвоевали достаточно пространства, чтобы первый из модулей смог приземлиться. Воинов обдавало жаром от двигателей, замедляющих спуск посадочного модуля. Судно опустилось на посадочные лапы, которые погрузились в мягкий ковер из тел, покрывающих землю. Огромные ворота распахнулись, трансформируясь в гидравлические ramпы, упавшие с металлическим грохотом. Темноту внутри трюма рассеяли включенные прожекторы и раздался рев танковых двигателей, работающих на прометее. Появились угловые очертания тяжелых ударных машин Легиона, ведомых «Свирепым клинком» – они выгружались на территорию, расчищенную Маго расчистил для них.

Командир танка высунулся из люка и открыл по толпе огонь из тяжелого болтера. Передав свой щит Саликару, чтобы тот занял его место в строю, Маго поспешил к массивному корпусу боевой машины вместе с Астакосом.

– Каэтра, – вскрикнул знаменосец, увидев командира танка, и искоса взглянул на центуриона. – Алый, наш спаситель... спасибо примарху, Каэтра! – воскликнул Астакос. – Хорошо, что тебе наконец-то наскучило наблюдать за битвой с орбиты!

– Тебе повезло, что мы вообще сюда попали, – Алый достал пустой магазин из болтера, с щелчком вставил новый, передернул затвор и возобновил стрельбу.

– Просто вступай в бой, – сказал Маго. Напряжение исказило его лицо, когда он взглянул на хронометр.

Каэтра ударил кулаком по башне, и двуствольное орудие машины навели на цель. С громовым раскатом пушки выстрелили, раскачивая танк на тяжелых гусеницах. Огненный шар взорвался посреди толпы клонов, превратив несколько квадратных метров земли в тлеющей кратер, осыпaeмый дождем из внутренностей и конечностей.

– Продолжайте стрелять, – сказал Маго, спрыгивая с корпуса «Разящего клинка». – Убивайте всех, кого увидите.

– Страшное оружие, – задумчиво произнес Астакос.

– Верно, – согласился центурион, пока они двигались к другим танкам. – Если бы были здесь с самого начала...

Позади строя «Разящих клинков» выстроились «Смерчи» типа «Деймос». Ракетные комплексы на базе танков были предназначены для стрельбы на большие расстояния, но здесь им нужно было обрушить смертоносный шторм практически в упор.

Маго приблизился к технодесантнику, который командовал первым такном.

– Заряжайте противопехотные, – приказал Маго командиру установки. – Зажигательные «кастеляны».

Пожиратель Миров кивнул и вернулся к своей машине.

Ракетные контейнеры дернулись, когда их начали загружать, а затем загудели, поднимаясь вверх – поле боя находилось столь близко, что пришлось направить пусковые установки практически вертикально. Затем грянул грохот и возникла стена дыма, когда артиллерия, наконец, открыла огонь. Ракеты вылетали из контейнеров, оставляя за собой шлейфы выхлопа.

Снаряды взорвались в метре над головами клонов. Они детонировали с оглушительным грохотом, заполняя все пространство вокруг горящим прометием. Поддельные люди исчезали в огненной буре, растворяясь в огне и превращаясь в розовато-желтый дым. Когда смрад рассеялся, расплавленная земля сверкала, словно стекло. Повсюду была кровью и клочья обожженной разноцветной ткани.

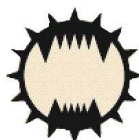
Впервые почти за тридцать часов сражения путь перед воинами XII-ого был свободен. Им открывался путь на Малфой. Маго побежал вперед, и стена щитов рассыпалась, когда Пожиратели Миров устремились за ним. Под саботонами хрустел пепел, покрывающий землю.

Ухмылка расплылась по лицам Маго и бежавших рядом Астакоса, Оронта и Ганно.

Врата были в пределах досягаемости. Победа была так близка...

Маго не слышал сигнала тревоги в своем шлеме. Он осознал его наличие лишь тогда, когда земля под ними содрогнулась.

Пожиратели Миров остановились.

СЕМЬ

Со звуком, подобному падению титана на землю, хронометр закончил свой отчет. На дисплее каждого Пожирателя Миров алым огоньком пылал таймер. Это ударило по воинам сильнее, нежели выстрел из болтера. Лишь одна мысль занимала разумы тысяч легионеров...

Они потерпели неудачу.

Маго прикусил губу. Он сжал зубы так сильно, что кровь потекла по его подбородку. У саботонов офицера лежал безногий клон – у него был столь же непринужденный вид, как и у всех его сородичей. Существо дружелюбно улыбалось половиной лица, словно бы они не провели последние часы, уничтожая друг друга. Ярость охватила Маго. Он отбросил свое оружие и начал избивать геннанца, желая стереть эту улыбку с его лица. Воин продолжал

наносить удары до тех пор, пока кровь не залила забрало его шлема, а кулаки не пробили голову насквозь, раскидав осколки черепа по обожженной земле.

– Центурион!

Маго обернулся на голос – сзади стоял Астакос. Почтительный и неудержимый Астакос. Офицер почувствовал, как его гнев растворился. Печаль поселилась в его груди, когда братья подняли его на ноги.

– Все кончено, – отчеканил знаменосец стальным голосом. – Мы должны вернуться обратно.

Маго положил руку на плечо Астакоса и ветеран отпустил его. Он обернулся, чтобы посмотреть на своих братьев: их оружие затупилось и сломалось, а доспехи были покрыты желтой кровью. На обратном пути им придется пробираться сквозь ковер из мертвецов, в котором, словно жемчужины, то и дело мелькали доспехи братьев. Он не общался с аптекарями 18-ой с тех пор, как началась битва, и центурион понятия не имел, как много легионеров сегодня пало, и удастся ли спасти их геносемя.

– Соберите роты, – наконец сказал он. – Мы вернемся все вместе, как единое целое.

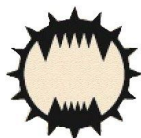
Приказ разнесся по общему вокс-каналу XII-ого Легиона. Братья отыскивали друг друга на поле боя, поддерживая раненых, которые могли ходить, и несли тех, кто не мог. Центурионы собрали и выстроили свои подразделения, сформировав подобие той силы, что спустилась на планету тридцать один час назад.

В тот момент, когда Пожиратели Миров прекратили атаку, клоны Генны остановили свое продвижение. Множество спокойных лиц смотрело на легионеров, но их никто не преследовал. Существа совершенно не обращали внимания на бесчисленное количество мертвых тел, которые устилали землю. Они просто стояли рядом со своим городом, молчаливые и безмятежные, наблюдая, как Пожиратели Миров покидают поля боя.

Легион вернулся к месту высадки и начал погружаться на корабли. Воины помогали друг другу подняться на борт.

Маго опустился на колени у подножья своей «Грозовой птицы». Он вонзил пальцы в почву и взял горсть земли Генны. Центурион долго смотрел на нее, прежде чем убрать в мешочек, а затем на пояс. Не оглядываясь, он поднялся по трапу. Боевой корабль поднялся в воздух, чтобы присоединиться к остальным. Они возвращались на орбиту.

Им предстояло отчитаться и за то, что они сделали, и за то, чего не смогли.

ВОСЕМЬ

С момента основания все достижения Легиона были отмечены в Триумфальном Зале. Это была священная земля – каждый легионер от старшего Магистра до новiciата могли ходить здесь и созерцать все то, чего добился Легион за годы своего существования. Стены были украшены рваными знаменами, взятыми из мертвых рук побежденных. Их выставили в честь Псов Войны, и по ним можно было проследить историю XII-ого до объединения самой Терры.

Мысли Маго унесли его в те далекие дни. Он ощущал грохот, отражаемый от стен «Непреклонной Решимости», когда тысячи бронированных кулаков синхронно ударяли по доспехам. Он слышал крики, ярость и рвение братьев, которые превратили себя в оружие, достойное отца, который, как они знали, однажды придет и возглавит их. Но корабль, на котором он стоял, больше не звали «Непреклонной Решимостью», а центурион больше не был Псом Войны.

Все изменилось после Нуцерии.

И вот теперь, стоя в Триумфальном Зале, в котором Псы Войны некогда с гордостью наблюдали, как поднимались знамена поверженных цивилизаций, Маго и его братья переживали свою неудачу.

Покинув поверхность Генны, Пожиратели Миров сразу же выстроились в Зале ротами. Их ряды не были ровными и зияли от потерь, понесенных каждым отрядом, а доспехи покрывали трещины, грязь и маслянистая янтарная кровью врага. Многие из воинов были настолько сильно пропитаны ей, что чистый мраморно-белый цвет Легиона исчез – его сменил уродливый оттенок, более

похожий на цвета Кулаков Дорна, нежели на геральдику XII-ого. Легионеры сжимали почерневшие болтеры и сломанные древки копий, собираясь вокруг рваных знамен.

Спокойные и размеренные разговоры между братьями и отрядами прервались, а вместе с ними исчезла уверенность Легиона, которая была с ним перед высадкой. Повисла тишина.

Все ожидали разгневанного примарха.

В дверном проеме Зала, лишенном роскоши и помпезности, появился Ангрон. Его походка была крадущейся, он был сгорблен, словно хищник, выслеживающий очередную жертву. Благодаря Механикум красные с бронзой доспехи были превращены в грубые гладиаторские, а при ходьбе на них лязгали цепи. В руке примарх держал двуручный топор, «Вдоводел». Он легко опередил своих телохранителей в тяжелых терминаторских доспехах – лишь одним этим Ангрон выражал презрение к элите Легиона и их клятве защищать его.

Такое же презрение он испытывал к каждому из сыновей, собравшихся перед ним, но несмотря ни на что, у Маго перехватило дыхание. Он понимал, какое воздействие оказывают примархи на все человечество, но в глубине души искренне верил, что только Астартес способны полностью постичь их величие... испытывать такой благоговейный трепет, что кажется, будто лишь один его вид, даже секунда рядом с ним, способны все изменить... что одно-единственное слово из уст отца может полностью изменить их жизни...

– Неудача, – прорычал Ангрон. Слово будто заполнило все пространство вокруг, достигая каждого уха. – Хм-м-м, опять неудача. Я же сказал тебе, Кхарн, – выплюнул примарх. Его налитые кровью глаза впились в советника, который вышел из своего места во главе восьмой штурмовой роты и встал рядом с отцом. – Я сказал тебе убить их всех. Вы не слуги моих братьев, которые тратят время, беря врагов в плен, заботятся о политике и прочих бессмысленных развлечениях... Когда я отдал приказ убить всех и отправил тебя, это означало, что все должны умереть. Мужчины, женщины, старики, больные и собаки – все! Полное уничтожение и не меньше. Десять тысяч моих Пожирателей Миров не могут захватить ни одного мира? Правда? Вы жалкие!

Примарх моргнул, прежде чем искоса посмотреть на Кхарна.

– Скажи мне... какое у них было оружие?

– У них не было оружия, – ответил восьмой капитан размеренным и спокойным голосом. Ангрон повернулся и подошел поближе к своему советнику.

– Никакого оружия? – примарх принюхался, когда у него началось кровотечение из носа.

Взгляд Ангрона переместился с Кхарна на собравшийся перед ним Легион.

– Тебя победил враг, у которого не было оружия? Не говори мне такого, – Ангрон поднял голову вверх, продолжая. – Хм-м-м. Мои братья и сестры, что бы вы сказали на это? Те, кто боролся за то, чтобы вырваться из рабства вместе со мной и отомстить? – примарх снова посмотрел на Кхарна. – Кто-нибудь из вас смог бы хотя бы взглянуть им в глаза?

На этот раз Кхарн ничего не сказал. Он уже знал, что когда отец гневается, ему не нужен ответ.

– Сборище беглых рабов, – продолжил Ангрон, – полуслепых от голода, еле живых от холода, но все же мы вышли против Всадников! И мы победили! Были ли у нас ваши драгоценные флоты, ваши доспехи или оружие? Нет! Мы сражались с ними в Хоззине камнями и палками! И с помощью палок и камней мы захватили весь город, а потом сожгли его дотла! Мы собрали так много черепов, что потеряли им счет! Мы содрали скальпели с их голов, пока они еще дышали, отплатив им за железо и огонь, что они вложили в наши головы! Все это мы сделали за время, пока солнце поднималось и вновь опускалось на землю. Один день на Нуцерии – тридцать один час ваших земных часов! Вот и все, что нам было нужно, чтобы одержать победу! Подвиг, который вы, бумажные шкуры, со всем вашим арсеналом, со всеми вашими хваленными тренировками, не смогли повторить!

Маго почувствовал темноту, сжимающую его грудь. За все годы, прошедшие с момента вступления в Легион, он познал и победы, и поражения. Но он никогда не испытывал такого стыда, настоящего стыда, пока не появился Ангрон.

– Военачальники, – выплюнул примарх, издеваясь над капитанами рот, – подойдите и продолжите веревку. Продемонстрируйте мне ваше поражение.

Выжившие капитаны каждой из рот выступили вперед и начали проделывать ритуал, который они повторяли снова и снова на глазах у отца. Они снимали пластины керамики со своих доспехов, пока каждый из них не был раздет до пояса. В эту ночь каждый Пожиратель Миров должен был совершить ритуал, но на долю центурионов выпало страшное унижение – они должны были сделать это перед собравшимся Легионом.

Маго вытащил свой боевой нож и начал ощупывать туловище, ища длинный шрам, который начинался у его позвоночника и обвивался вокруг тела, словно бы темно-красная змея. Алые полосы обозначали его победы в дуэльной яме, «красные повороты», как их называл отец. Но и порезы на местах, отмечающих его неудачи, не были чистыми.

После того, как Маго нашел конец триумфальной веревки, он вонзил клинок в свое тело. Порез должен был быть глубоким, чтобы шрам, который останется на его месте, не смогло залечить улучшенное тело легионера. Кровь стекала по бедру, когда он прорезал плоть.

Опустив руку к поясу, Маго взял висевший там маленький мешочек. Он открыл его и вытряхнул на ладонь содержимое – то была горсть геннанской земли, которую центурион собрал на поле боя. Надавив на лезвие ножа, чтобы расширить рану, он засыпал землю в порез.

Боль от пореза ничего не значила для Маго. Он едва заметил, как ожог от инопланетной земли смешался с кровью. Единственная боль, которую центурион испытывал – позор, который останется с ним навсегда, даже когда тело залечит рану и образует темный шрам. Вербка была одна из немногих традиций родной планеты примарха, которую Ангрон позволил перенять Легиону. В своем отчаянии Пожиратели Миров пользовались любой возможностью, дабы наладить связь с отцом – даже ту связь, что родилась от их неудач и поражений.

К тому времени, как Маго закончил, кровь уже остановилась. Он посмотрел на Кхарна, одевая на свою руку доспех, но брат не ответил на его взгляд. Когда капитаны были наказаны на глазах у всех, они начали молча облачаться в броню, но примарх с ними еще не закончил...

– Вы называете себя... завоевателями, – прорычал Ангрон. – Вы осмеливаетесь называть себя Пожирателями Миров, но даже близко не можете сравниться с

яростью моих братьев и сестер, которые заслужили свое имя и славу в огне и крови, в мольбах своих врагов! Вы всего лишь притворщики!

Руки примарха дергались, сжимая и разжимая рукоять «Вдоводела». Он начал расхаживать, его бронзовые доспехи дребезжали при каждом шаге. Сыновья молча наблюдали за ним, страшась слов, которые, как они знали, скоро будут произнесены.

– Воины с Гвоздями, вдыхающие горячий дым в свои черепа, не подвели бы меня! У них хватило бы сил выстоять, хн-н-нг, воли, не сдерживаясь, не думая ни о чести, ни о выживании. Без страха смерти... это единственное, что вы должны знать!

Теперь кровь лилась рекой из носа и одного из ушей Ангрона, а его желтые глаза сузились.

– Ух-х-хг... Я смотрю на всех вас, мой Легион, и вижу лишь слабость. Я не буду терпеть слабость. Слабость должна быть устранена!

Ангрон остановился. Одним словом примарх вынес приговор.

– Децимация.

Сердце Маго упало. Вновь к жизням, потерянным в их неудаче, прибавятся новые, но потерянные из-за ярости Ангрона. Каждый десятый из выживших воинов, что сражались и истекали кровью друг за друга и за него, отдадут свои жизни в качестве наказания.

Каждый десятый умрет, дабы утешить сломленный разум их господина.

– Тащите жребий или подавайте пример, военачальники, – сказал Ангрон. – Каждый десятый – цена, которую вы должны заплатить.

– Нет.

Все взгляды устремились к Маго, прежде чем центурион понял, что это заговорил он сам. Ангрон повернулся к нему, сократив расстояние между ними в три прыжка. Примарх возвышался над своим сыном, и кровавая слюна пузырилась из его рта.

– Нет?!

– На Квадра-Ни, – продолжил центурион, – потребовался не один нуцерийский день, чтобы добиться победы. По твоему приказу мы убивали себя, и делали это снова и снова после Брухо, Холу, Трикатоне и Цестут IV. Наши клинки пропитаны кровью братьев лишь из-за того, что мы должны были утолить твой гнев.

– Пролили, – Ангрон опустил свое грубое лицо, чтобы оказаться с Маго на одном уровне, – потому что потерпели неудачу.

– Мы не потерпели неудачу! – взревел центурион. Он слишком хорошо знал своего отца – знал, что может проститься с жизнью в мгновение ока. Его больше не волновало, что с ним будет. Он скажет свое слово перед братьями, прежде чем Ангрон разорвет его на части...

– Мы каждый раз возвращались туда, убив своих братьев из стыда, и завоевывали эти миры! Мы выиграли эти войны! Флаг Империи был поднят над их городами, а их народы теперь подданные Императора из-за нашего труда и нашей крови! – Маго посмотрел отцу в глаза. – И вот мы стоим здесь, получив приказ, что к каждому из наших братьев, кто пал в битве сегодня, должны присоединиться и те, кто падет с позором. Нет! – центурион яростно покачал головой. – Больше нет!

Несколько долгих минут Ангрон не произносил ни слова. Маго чувствовал горячее, пахнущее кровью дыхание примарха на своем лице. Внезапно Ангрон выпрямился во весь рост, поднял голову и рассмеялся.

Его смех был глухим и влажным. Он раскатывался по Триумфальному Залу, подобно грому. Маго никогда не слышал его раньше – возможно, как и никто из Легиона, за исключением Кхарна, но это ничуть не уменьшало ужас от присутствия примарха.

– Ты мне нравишься, капитан, – сказал Ангрон, вытирая текущую из носа кровь, и обнажая железные клыки, заменявшие ему зубы. – По крайней мере, у тебя есть мужество, чтобы высказать свои мысли. Вот почему я позволю тебе выбрать...

– Отец!

– Выбирай сейчас, – рыкнул Ангрон, и улыбка исчезла также стремительно, как и появилась. – Или я решу за тебя.

– Этот Легион твой. В венах воинов течет твоя кровь. Я не допущу, чтобы их жизнями так вот разбрасывались. Уже достаточно братьев погибли. Я тебя прошу, мой примарх, мой отец. Не делай этого...

Все следы веселья исчезли с лица Ангрона.

– Так много раз... снова и снова, – фыркнул примарх. Его глаза дергались, а зрачки не могли сосредоточиться на чем-либо конкретном. – Хн-н-н-нг, снова и снова ты говоришь мне *«мы твои сыновья»*, *«ты наш господин»*, *«наши жизни твои, повелитель»*. Разве не это ты сказал мне в пещере, Кхарн? Чтобы заставить меня вернуться сюда? Теперь вы не только трусы, но и лжецы? Ваш я хозяин или же нет? Если я хозяин вашей судьбы, как вы это постоянно говорите, то судьба, которую я выбрал для вас – это смерть.

Маго стиснул зубы так, что у него закрипела челюсть.

– Безумие...

– Осторожнее, капитан, – сказал Кхарн из-за спины примарха с предостережением в голосе.

– Ты выберешь, – повторил Ангрон, выходя из себя, – или я выберу за тебя. Кто будет первым?

– Я сделаю это.

Саликар прошел через ряды 18-ой. Братья расступались перед ним, пока он не подошел к Маго.

– Не убивайте капитанов, господин. Их доблесть была доказана в бою.

Он опустился на колени перед центурионом и откинул голову назад, обнажая горло.

Маго посмотрел на Саликара. На будущее Пожирателей Миров – потенциал, который может быть уничтожен и выброшен ни на что.

– Не только их доблесть была доказана в бою, брат, – сказал Маго.

– Для Легиона, – прошептал Саликар с открытыми глазами и спокойным лицом.

Маго колебался. Он закрыл глаза, сделал глубокий вздох и снова открыл их.

– Для Легиона, – прошептал он в ответ, берясь за меч.

– Нет! – проревел Ангрон.

Маго повернулся, все еще держа клинок у горла Саликара. Безгубая пасть Ангрона скривилась в уродливой усмешке.

– Убери свой меч. Твой дух делает тебе честь, но ты слишком много болтаешь. Ты сделаешь это руками... капитан.

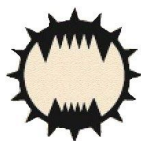
Клинок дрожал в руке Маго. Это было не наказание, не унижение... это была ненависть. Какой отец может так ненавидеть своих собственных детей? Как он мог это сделать?..

– Не буду, – сказал Маго. Лязг его меча, ударившегося о палубу, эхом прокатился по Триумфальному Залу. – Довольно, отец.

– Ты отказываешь мне? – глаза Ангрона, казалось, разрывались от ярости. – Мне?!

С губ примарха сорвалась пена. Леденящий душу медвежий рык вырвался из его стиснутых железных зубов. Лезвие «Вдоводела» ударило о палубу, когда Ангрон откинул топор, вцепившись когтями в кабели, протянутые на его черепе. Его голова начала дергаться, а изо рта во все стороны летела слюна. Пожиратели Миров отошли от отца в стороны, пока примарх продолжал болтать головой из стороны в сторону. Все слышали как, натянулись и визжали провода Гвоздей Мяслика на его черепе.

Одно из соединений резко натянулось и оборвалось, сопровождаемое снопом искр.

ДЕВЯТЬ

Воздух словно бы исчез из помещения. Никто из легионеров не заметил, как руки потянулся к оружию. Страх исчез, и на его место пришел адреналин, заполняющий сердца воинов, пока они неуверенно смотрели на своего господина, не зная, что произойдет дальше.

– Гн-н-н, – судороги Ангрона внезапно прекратились. Его лицо исказилось от спазмов, а глаза были парой налитых кровью звезд, выпирающих из орбит. Пена пузырилась на его губах, и все слышали звук гнущегося металла, когда он сильнее схватил «Вдоводел», пальцами деформируя рукоять.

Челюсть Ангрона задрожала, производя рычащие звуки, которые то и дело менялись от яростных воплей до пронзительного певучего языка, от которого по телам его сыновей пробегали мурашки.

Они узнали этот язык, хотя никто из них на нем не говорил. Ангрон больше не был на «Завоевателе»

Он снова был на Нуцерии, в яме.

Капитан терминаторов Батто первым подошел к отцу, чтобы попытаться успокоить его. В одно мгновение Ангрон вырвал обе руки капитана из суставов и отбросил их, после чего схватил терминатора и швырнул о землю, раздробив его голову. Одна из рук Батто упала к ногам Маго, а пальцы все еще сжимали цепь, которую он держал в руке.

С ревом, от которого содрогнулась палуба, Ангрон прыгнул на собравшихся Пожирателей Миров.

Полдюжины легионеров погибло сразу, пытаясь остановить его падение, в то время как целые ряды прочих срубал обжигающий клинок «Вдоводела». Кровь текла по палубе. Сыновья примарха не могли понять, что происходит и что им делать. Некоторые бросились на Ангрона, пытаясь повалить его на землю и придавить массой своей тел, но примарх с воем отшвырнул их, разрубая «Вдоводелом» каждого, до кого мог дотянуться.

– Убирайтесь отсюда! – крикнул Маго своим сержантам, которые пытались сохранить контроль над отделениями. – Отойдите от него!

Ангрон схватил какого-то воина за ноги и замахнулся им, как топором, а затем ударил Астартес о пол, разможив ему череп. Из глубины Триумфального Зала Тэтус наблюдал, как его господин в безумной ярости набрасывается на собственных сыновей. Библиарии XII-ого были собраны вместе – им разрешено было стоять вместе с братьями только до тех пор, пока они находились как можно дальше от своего примарха. Ангрон выражал презрение и ненависть к тем, кто был одарен психической силой – они могли причинить своим вмешательством боль его Гвоздям Мясника.

Тэтус сохранил лишь несколько воспоминаний о своей жизни до Легиона. Библиарий вспомнил одно из них: он встретил раненого зверя, и на него накнулись запахи, звуки и чувства, которые он тогда испытал. Уже тогда, в юности, воин обладал даром, и благодаря ему ощутил боль животного также ясно, как если бы она была его собственной. Он ощущал ее до тех пор, пока лезвие ножа не оборвало агонию существа.

Ангрон был таким всегда. Навсегда запертый в мгновении тревоги и боли...

Тэтус стиснул зубы, когда чувствовал, как гаснут ауры его братьев – с каждой секундой все больше и больше. Другие библиарии тоже наблюдали за примархом. Они не произносили ни звука, но их умы были наполнены жаркими спорами.

+Это худшее, что он делал+

+Он убьет сотни+

+Мы должны вмешаться+

+Мы должны попытаться провести Причастие+

+Это слишком опасно!+

+Какой у нас выбор?+ – послал сообщение Варияс. В *Lectio Primus* он был самым сильным из всех, заглушая разумы каждого, пока один не остался в мыслях каждого из библиариев.

+Он приказал убить каждого десятого в наказание. Если мы позволим его ярости жить, сколько еще наших братьев погибнет напрасно? Мы

единственные, кто может его успокоить. Нет времени для дебатов – мы должны действовать прямо сейчас!+

Один за одним разумы библиариев очистились, соглашаясь с Вариясом. Тэтус присоединился к ним, блокируя трепет перед примархом, что мог бы ему помешать. Он изучал этот ритуал вместе своими наставниками в Писании, но он никогда не видел и тем более не участвовал в Причастии. Ауры псайкеров вытекали из их тел, формируясь вокруг. Тэтус почувствовал шестым чувством поток душ, и сосредоточился на нем.

+Тэтус, следуй за нами. Пусть старший из нас возьмет основной удар на себя. Ваша задача – сосредоточится на сохранении целостности нашей связи. Ты не должен быть мечом, мой брат. Будь нашей броней+

Лексиканум сделал глубокий вдох, температура вокруг псайкеров резко упала и он выдохнул паром. Тонкая пелена льда расцвела на их броне, сливаясь и увеличиваясь, пока они не образовали корку льда на их темно-синих доспехах. Он опустил на колени, присоединяясь к братьям и повторял мантры, используемые для сосредоточения ума и извлечения сил.

+Братья+ – послал Варияс, и око психической бури росло над их головами. – +Начать Причастие+

Тэтус почувствовал, как его дух начал подниматься в воздух, он вытекал из него. Единственное, что соединяло его с телом – тонкая ментальная нить. Объединенная психическая сила библиариев приняла форму древнего воина, что был размером под стать примарху: одна его рука держала щит, а другая держала факел, который освещал весь Триумфальный Зал. Его мог видеть лишь тот, кто обладал ментальным зрением.

Причастие устремилось вперед, приближаясь к неистовавшему Ангрону, который казался шестому чувству сферой воющего раскаленного огня цвета темной крови. Они пролетели над головами застывших во времени Пожирателей Миров, оставляя за собой след из сверкающего льда, покрывающего доспехи братьев.

Через ментальное существо Тэтус чувствовал настолько сильную близость с другими легионерами, которую раньше не ощущал. Он был самым молодым, и входил в число тех, кто боролся за сохранение ментального союза, пока самые

сильные и старшие из них владели умами всех библиариев сразу, направляя их, как клинок, в разгневанный разум отца.

Ангрон сопротивлялся их проникновению. Гвозди Мясника появились в его ауре, словно ядовитый паук, скрючившийся внутри его черепа, черный, как самая глубокая пустота. Тэтус видел, как имплантаты мучают его отца все сильнее и сильнее каждый раз, когда они соприкасались с Причастием.

+Кто ты такой? – разум Ангрона содрогнулся от их присутствия. – Чертовы колдуны! Убирайтесь!+

Ментальные барьеры примарха вспыхнули, отбрасывая Причастие назад.

+Вам нечего тут искать! У меня не осталось мечты, которую вы хотите украсть, нет больше любви, которой вы бы смогли питаться!+

+Его ярость слишком сильна+ – послала одна из частей Причастия. – +Мы не можем ее удержать+

+Нет+ – возразил Варияс. – +Мы должны попробовать еще раз. Это единственный наш шанс остановить его+

Библиарии вновь сфокусировали свою объединенную проекцию и начали медленно приближаться, высоко подняв щит. Они говорили с сознанием Ангрона хором своих голосов, и тепло от света факела расходилось по залу

+Мы Причастие, а ты – наш отец. Ты должен прекратить это, Ангрон. Твоя ярость убивает твоих сыновей+

+Они не мои сыновья+ – гнев примарха лишь разгорался +Они слабаки! Единственная семья, которая была у меня, мертва! Их отняли у меня!+

Причастие выдержало бурю гнева Ангрона, прислонившись к щиту, когда та приблизилась.

+Ты должен остановиться+

Чем ближе они подходили к Ангрону, тем глубже мог Тэтус заглянуть в сознание их отца. Он видел мерцание образов и ощущений, боль и насилие, которые ослабевали и возвращались на протяжении всей жизни примарха. Непрерывный цикл мучений, который разрывал изношенное сознание...

+Тэтус, отойди, ты не должен... +

Свет ослепил Тэтуса, притягивая его к себе стальной хваткой. Его разум оторвался от Причастия, вырвался и оказался в ловушке внутри духа Ангрона. Личность Тэтуса расплывалась, и он вдруг задрожал.

... Он был мальчиком, бежавшим по снегу. Острые камни резали его ступни. Холод обжигал его плоть. За ним гнались твари, шепчущие на маслянистом шипящем языке, который он не мог понять. Резкий звук от клинков, рассекающих ледяной воздух, пронзительный вой одного из существ, когда острое меча проходило мимо его горла. Он схватил камень и начал размахивать им. Вопли прекращаются, когда горячая жидкость попала на его лицо...

Тэтус пошатнулся. Его хватка ослабела под сокрушительным натиском обрушившихся на его чувств. Он ощущал все так, будто это происходило по-настоящему. Триумфальный Зал начал уменьшаться, голоса его братьев-библиариев затихали, когда он все глубже погружался в события, разворачивающиеся в снежных горах.

... Он почувствовал горячий трепет триумфа, когда еще одна тварь умерла. Мальчик почувствовал, как боль пронзает его тело, пока он наносит удары до тех пор, пока существо не замирает. Он едва может удержать камень, скользкий от крови монстра, который охотился на него. Теперь, когда мальчик поднялся, он увидел страх в глазах существ. Он чувствовал, как от страха участилось биение их сердец.

Они поменялись местами.

Остальные фигуры исчезают, оставляя мальчика одного в снегу. Пар поднимался, пока холод обжигал его тело. Он не мог сфокусировать свое внимание, усталость и смятение овладевало им. Ребенок опустился на колени. Он слышал голоса, зовущие из-за пределов видимости. Это не голоса чудовищ: они ниже, больше похожи на голос мальчика, когда он кричал от гнева и боли, размахивая камнем. Формы их тел начали формироваться из-за пелены снега, и свет ослепляет его, когда они приближаются.

Камень вылетает из руки мальчика с треском чего-то острого и хрупкого, и свет исчезает. Фигуры начали кричать. Они подошли поближе и мальчик увидел, что они похожи на него, только закутаны в толстые меха и сжимают в руках странные блестящие предметы, которые направили на него.

Ребенок начал кричать, когда иглы пронзили его плоть. Что-то внутри игл заставляло конечности наливаться свинцом, а зрение затуманиваться. Стук его сердца отдаваться в ушах, когда он попытался устоять на ногах, ил тяжелая сеть упала на него и повалила в снег, а вокруг столпились кричащие люди.

Мальчик пытается бороться с ними, вырваться из сети, но все больше иголок пронзают его. Веки опускаются, сужая обзор, как закрывающаяся дверь...

– Тэтус, Тэтус!

Варияс вытер кровь с глаз и опустился на колени рядом с молодым библиарием. Остальные его братья все еще шатались, собираясь с силами после невероятной попытки погрузить Ангрона в бессознательное состояние. Когда их разум и сила объединились, чтобы сформировать целостную форму, известную, как Причастие, они были вынуждены войти в изувеченный разум своего отца, чтобы отыскать одно из воспоминаний примарха, в котором тот погружался в бессознательное состояние.

Вариясу нужно было использовать против него один из моментов, когда Ангрон давным-давно был схвачен и потерял сознание, чтобы обманом заставить тело примарха погрузиться в то же самое состояние. Тэтус слишком глубоко погрузился в воспоминания их генетического отца, и когда Варияс коснулся его сознания, то увидел, что юный воин не может вернуться.

Не все библиарии поднялись после разрыва связи. Почти треть собравшихся псайкеров упали замертво – их силы были полностью израсходованы. Тэтус был все еще жив, но лежал, истекая кровью и корчась в конвульсиях на палубе Триумфального Зала.

Варияс погрузил свой разум в младшего брата. Его сознание отсутствовало, отделенное от плоти, но сила все еще оставалась. Мощь псайкеров была смертоносной, она постоянно нуждалась в контроле и сдерживании, и без воли, способной обуздать ее, сила угрожала выкипеть и нанести непоправимый вред всем вокруг. Другие старшие члены их ордена собрались вместе с Вариясом, дабы поддержать его в сдерживании мощи Тэтуса, грозящей выйти из-под контроля.

Глухие шаги предупредили Варияса о приближающемся воине, вынудив его вернуть часть своего сознания обратно в окружающий их мир. Он поднял голову и увидел, что на него смотрит увенчанный гребнем шлем центуриона. Легионер был покрыт кровью: высохшая янтарная жизненная влага геннанцев покрылась ярко-красной кровью легионеров, которых Ангрон убил в своей ярости.

– Что... – сказал Маго. Он сделал паузу, в его голосе слышалась усталость борьбы от попыток сдерживать примарха. Он снял шлем, лицо под ним было бледным и напряженным. – Что с ним случилось, Варияс?

– Мы создали связь, – ответил псайкер. – Именно это и остановило нашего отца.

Он указал на мертвых библиариев, разбросанных по палубе вокруг них.

– Многие умерли, чтобы совершить это, но Тэтус жив. Его разум находится в двух местах одновременно – связан как с своей собственной плотью, так и с сознанием Ангрона.

Тэтус дернулся, его конечности вздрагивали от судорог. Губы молодого псайкера что-то беззвучно шептали, а глаза метались взад и вперед под закрытыми веками. Крошечные всполохи серебряного огня танцевали между его пальцев, но когда Варияс положил руку ему на грудь, они быстро погасли.

– Что нам делать? – спросил Маго.

Варияс стер кровь на своих глазах, что появлялись там, словно слезы.

– Я не знаю. Такого еще никогда не случалось, Маго. Я не могу просто произнести заклинание и вернуть его...

– Он опасен? – рука Маго приблизилась к рукояти меча.

– Нет, – Варияс покачал головой, и одного этого движения было достаточно, чтобы у него закружилась голова. – Мы можем его сдерживать, – он вздохнул. – Думай об этом так, будто разум Тэтуса потерялся в море. Мы должны следить за его телом здесь и сдерживать его силу, пока он не вернется на берег.

Маго опустился на корточки и провел рукой по лицу. Он посмотрел через Триумфальный Зал, наблюдая, как его братья пытались собраться вместе, отступая от распростертого на палубе полубога, окруженного телами мертвых детей.

– Мы отвезем его обратно на «Клыки Гончей», – сказал центурион, вставая, и его рваный плащ заскрежетал по палубе. – Там, черт возьми, будет безопасно. Ты можешь пойти с нами.

– Да, – Варияс дал добро. – Там я смогу присмотреть за ним.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАБЫТЫЕ ИСТИНЫ

«Я слышал, что Двенадцатому нельзя доверять.

Это смехотворное утверждение, сказанное теми, кто принимает доверие за абсолютный контроль.

Будучи загнанными в рамки своего ошибочного восприятия, они, безусловно, правы.

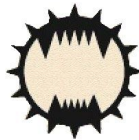
Нас нельзя приручить – так было до Ангрона, и тем более после него.

По-настоящему доверять нам означает полностью понимать нашу природу.

Сделать же это достаточно просто – также, как дать огню разгореться, а в этом отношении наш Легион является самым надежным из всех.

Ибо вы можете быть уверены, что где бы мы ни были, на каких бы просторах галактики мы не скитались, Пожиратели Миров делают одно и то же: либо сражаются, либо готовятся к войне».

– Гахлан Сурлак, аптекарь XII-ого Легиона.

ДЕСЯТЬ

Тэтус смотрел глазами мальчика, который оказался в яме рядом с сотней других людей. Они одеты в лохмотья из мешковины, на многих из них висели кандалы, охватившие их лодыжки и запястья. Все были отмечены клеймами работорговцев, плоть вокруг которых выглядела сморщенной и болезненной. Некоторые двигались: их глаза метались в разные стороны, они шептались тихими и испуганными голосами, но большинство сидело, вытянув шеи, и разглядывая огромный зиккурат, в котором находились пленники. Мальчик пристально вглядывался, отмечая каждую царапину и вмятину на истертых железных ступенях.

Шум от ревущей толпы, разглядывающей рабов со своих мест в многоярусном амфитеатре, буквально обрушивался на них. Воздух над ямой заполняли странные металлические сферы размером с грудь человека. Они жужжали, щелкали и болтали друг с другом на том же языке, что и люди, захватившие

мальчика, но их голоса не были низкими и грубыми, а задорными, словно бы они спорили.

Из-за края ямы раздался звон металла, и толпа зашлась радостными криками. Большие и круглые вентиляционные отверстия, встроенные в стены, открылись, и поток солоноватой жидкости обрушился на землю. Ее запах наполнил ноздри мальчика, и он увидел, как от странной влаги пошел дым, пока та растекалась по поверхности ямы.

Закричала женщина – на нее попала жидкость. Она отскочила назад, а плоть на ее ноге зашипела. Люди начали карабкаться на первую ступеньку зиккурата, поскольку жидкость заполнила всю поверхность арены. Пирамида превратилась в остров, что медленно погружался в кислоту, объем которой продолжал возрастать. И вот уже первые ступени исчезают под толщей жидкости...

Вначале рабы помогали друг другу, протягивая руки, чтобы поднять своих сотоварищей выше по ступеням. Толпа вокруг них кричала, радуясь их страданиям, и особенно яростно они кричали на жужжащие сферы, что порхали вокруг, пристально наблюдая за их лицами. Мальчик начинает понимать смысл слов, произносимых его товарищами по плену, хотя и не имеет ни малейшего представления, что это такое. Они называют говорящие серебряные шары «глазами-личинками».

Жидкость продолжает все прибывать даже после того, как отверстия труб погрузились в нее. Места на зиккурате становятся все меньше, и оно быстро заполняется людьми, изо всех сил пытающихся удержаться на ступенях. Они стоят настолько плотно, что становится все сложнее удерживать равновесие на гладком металле.

Первый пленник падает в жидкость.

Кислота достаточно сильная, чтобы растворить плоть и кости, но пропорции в ней такие, что человек умирает медленно. Крики раба становятся не похожими ни на один из тех звуков, которые когда-либо слышал мальчик – агония несчастного настолько сильна, что причиняет ребенку физическую боль. Шум толпы становится почти осязаемым – они начали ликовать еще сильнее, пока раб растворялся в жидкости.

Остальные невольники замолкают. Впервые они начинают смотреть друг друга не как люди, которых объединяет ситуация, в которую они попали, а как на препятствия для сохранения собственной безопасности. Они стали друг для друга противниками, врагами, стоящими на пути выживания. Новый запах достигает ноздрей мальчика, когда кислота подбирается к краю ступени, на которой он стоит.

Паника.

В пяти шагах от вершины пленники начинают убивать друг друга. Крики становятся все громче, когда они начинают толкаться и падать в жидкость, вцепившись друг в друга. Некоторые пытаются вскарабкаться по ступенькам в одиночку, но их хватают те, кто стоит снизу, и опрокидывают в кислоту. Человечность покидает рабов, сменяясь животным инстинктом выживания. Это вызывает очередные овалции у толпы.

Мальчик борется с группой разъяренных пленников вокруг себя. Он сильнее любого из них, несмотря на свои размеры, и даже несколько человек не могут оттолкнуть его к краю. Внутри него растет желание наброситься на людей и швырнуть их в кислоту, подпитываемое криками и полной бессмысленностью происходящего. Он борется против силы, которая заманила его в ловушку, а не против собратьев, используя только толику своей мощи, достаточную, чтобы устоять на ногах.

Он сражается не ради убийства, но ради выживания.

Из ста мужчин и женщин, которых согнали к основанию зиккурата, осталась лишь дюжина. Над ними остается последняя ступень, места на которой хватит только одному человеку.

Кислота представляет собой водянистую розовую жижу. Вонь становится невыносимой, и все больше рабов борются со рвотой, которую она грозит вызвать. С поверхности кислоты на него смотрит череп, с которого растворяется плоть, превращаясь в размытое коричнево-красное пятно. У ребенка больше нет выбора. Он достиг грани – или он пойдет против своей воли и убьет других, или погибнет.

Мальчик делает все возможное, чтобы свести к минимуму страдания, которые он причиняет, ломая шеи и сокрушая черепа. С каждым упавшим в кислоту трупом он словно теряет частичку себя. Последний оставшийся в живых звероподобный раб крепкого телосложения обрушивает на дитя свои кулаки. В ответ он в гневе толкает товарища по несчастью вниз, и воздух наполняют вопли агонии.

Невольник погрузился в кислоту лишь наполовину: его торс, голова и руки остаются над поверхностью, и он с дикой силой цепляется за ноги мальчика. Затем его хватка слабеет, а глаза расширяются; пленник вопит от чудовищной боли, что переполняет его. Слезы текут по лицу ребенка, когда он пинает мужчину, и крик прекращается только тогда, когда тот полностью погружается в жидкость.

Кислота останавливается у края ступеньки, едва не заполнив ее. Мальчик дрожит, его тело покрыто царапинами и следами от попавших на кожу капелек ядовитой влаги. Он оглядывается и смотрит вверх, на ликующую толпу.

Парящие сферы окружают его. Решетки динамиков, встроенные в их корпуса, визжат и потрескивают:

– Узрите! Люди Де'шеа, вот кто принес вам радость и деньги, вот ваш победитель! Мы представляем вам дитя, что одолело Слезы Дьявола! И так, какой из Домов поставил на его победу и победил?

Одна из сфер начинает дребезжать и щелкать. Голос, доносящийся из решетки громкоговорителя, полон горечи:

– Дом Тхал'Кр.

– Дом Тхал'Кр, – ворчит другое устройство, – ну конечно. Ну что ж, дитя мое, как тебя зовут?

Из сферы выдвинулось тонкое щупальце и ударило мальчика током.

– Отвечай, щенок!

Мальчик посмотрел на устройство широко раскрытыми глазами, и то на мгновение отвернулось.

– Безымянный, как странно. Где его нашли и к какому народу он принадлежит?

– Его нашли на одной из вершин северных гор.

– Ах, эти опасные высоты, чьи холодные ветра и снег скрывают ярость вулкана! Как это очаровательно. Тогда мы назовем его Ангроном, «дитем горы» в переводе с древнего языка. Узрите! Это Ангрон Тхал'кр, ваш новый боец, и скоро он присоединится к играм и прольет кровь на Красные Пески для вашего развлечения! Но будет ли это кровь врагов или же его собственная? Вам придется заплатить, чтобы это увидеть!

Его губы задрожали. Мальчик невероятным усилием воли заставляет язык формировать слова:

– Все... это... есть... игра?

Сферы приблизились, вращаясь вокруг него.

– Ах, Ангрон говорит! Ты проиграл мне, Дур'Хан!

– Может быть, он не такой простак, как мы думали?

– Говори еще, малыш! Кто будет делать ставку на то, что он скажет дальше?

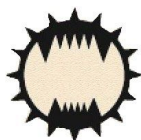
Мальчик, которого они называли Ангроном, бросается к ближайшему устройству, и хватая его обеими руками, в то время как остальные сферы разлетаются в разные стороны. Шар шипит, пробуя улететь от него, и в своих попытках он поднимает ребёнка над землей. Они нависают на кислотой. Волна любопытства захлестывает толпу, и каждый глаз начинает пристально наблюдать за тем, что произойдет дальше. Ангрон рычит, подтягиваясь, чтобы попытаться сбить роботизированную сферу.

Та начинает бить его током. Конечности Ангрона немеют. Он отпускает дрон, который начинает неуправляемо крутиться, и тот отбрасывает мальчика обратно на вершину зиккурата. Аплодисменты смешиваются с недовольным ропотом – толпа была лишена зрелища увидеть смерть ребенка.

– Ах, а у него есть страсть! Что же за сила сокрыта в тебе?.. – глаз посылает еще один электрический заряд в распростертое тело Ангрона.

Дрон подлетает ближе, пока его линзы не оказываются в нескольких сантиметрах от лица мальчика.

– Это очень хорошо, Ангрон Тхан 'Кр. Тебе понадобятся все силы мира для того, что тебя ждет впереди.

ОДИННАДЦАТЬ

Легион рассредоточился. Роты отправлялись к своим кораблям. Тела были опознаны, геносемя и боевое снаряжение собрано и отправлено на оружейные склады для утилизации или ремонта. Те воины, что были дислоцированы на «Завоевателе», следили за Ангроном, волоча его обратно в личные покои под бдительным взглядом Кхарна.

Вспышка гнева примарха парализовала Пожирателей Миров. Пока Гахлан Сурлак и Вэл-Кхеридар трудились над его бессознательным телом, пытаясь восстановить поврежденные имплантанты, и собрать как можно больше сведений об их устройстве для своих экспериментов по их копированию, Легион ждал, не зная, что делать дальше, пока они зализывали раны.

Генна в безмолвии вращалась перед флотом. Пикты с систем наблюдения за планетой фиксировали перемещение местного населения: они выходили из своих городов, чтобы собрать погибших родственников и забрать их обратно в город. Час за часом они неуклонно возвращали свой мир к первозданному состоянию, словно бы никакого вторжения и не было.

Маго шел по коридору «Клыков Гончей». Каждый час, прошедший после событий в Триумфальном Зале, был подобен перчатке, ударившей его по лицу, пока центурион подводил итоги понесенных 18-ой потерь. Целые отряды были уничтожены в боях на поверхности Генны и в попытке сдержать примарха. Некоторые должны были быть расформированы и объединены с такими же

поредевшими подразделениями, и нужно было принять решение о том, кто будет их вести.

А вопросы лидерства чаще всего решались в яме.

Обычно Маго запрещал подобное, но в свете последних событий он дал поблажку. Его братья нуждались в полном спокойствии, которое могла принести только дуэль – это был отличный способ изгнать из них разочарование и гнев. Воины должны были создать новые узы братства, а лидеры завоевать доверие своей доблестью. Не было для того решения лучше, чем пролитая в яме кровь.

– Приветствую, центурион, – прорычал Оронт, выходя в коридор к Маго.

– Первый Топор, – Маго опустил голову. – Как поживает наш брат? Его состояние изменилось с тех пор, как я видел его в последний раз?

– Он без сознания, – ответил чемпион. – Они все еще держат его под наблюдением в третьем аптекареоне, изолированном от остальных и от остального корабля на случай, ну...

Заклученные в герметичные доспехи, Пожиратели Миров вышли к рваной ране в корпусе ударного крейсера, где ранее проходил эксперимент Йокари с Гвоздями Мясника, закончившийся взрывом, что разорвал борт звездолета, образовав пробоину размеров с титан класса «Гончая». Весь второй аптекарион просто исчез, а девять палуб были запечатаны.

Намагниченные пластины подошв сабонов прикрепили их палубе, и походка воинов стала более тяжеловесной. Строительные сервиторы и ремонтная бригада в толстых прорезиненных скафандрах мельтешили в вакууме, срезая остатки поврежденной корабельной брони и устанавливая опорные решетки, которые удерживали новые пластины корпуса.

– *Я не должен был позволять Йокари делать это здесь,* – проворчал Маго, наблюдая, как искаженные куски «Клыков Гончей» улетают прочь. – *Мало того, что этот дурак был из моего собственной роты, так он еще и пробил чертову дыру в моем корабле.*

Оронт поймал обломок керамики, висевший в пустоте. Он повертел его в руке, стряхивая большим пальцем ледяную корку, прилипшую к осколку. На нем

остались островки белого лака, каким были окрашены доспехи XII-ого Легиона, хотя и немного почерневшего от неестественного огня.

– Было верным решением разрешить ему сделать это... даже после того, что случилось. Иокари был Непреклонным, и его подвели не преданность Легиону и любовь к нашему примарху, а... машина.

Маго взглянул на брата. В той или иной степени каждый воин в Легионе боготворил Ангрона несмотря ни на что, но никто его не любил так, как Первый Топор 18-ой роты.

– Ты все еще хочешь, чтобы мы вбили себе Гвозди?

– Конечно, – без сомнений ответил Оронт.

Чемпион был одним ярым сторонником пути примарха. Он яростно поддерживал имплантацию Гвоздей Мясника, несмотря на возражения Маго и других воинов.

Оронт остановился. Центурион повернулся к нему, гремя саботонами, что примагничивались к поверхности.

– Там, на поверхности планеты, – медленно произнес чемпион, обдумывая каждое слово. – На Генне ты предпочел поддержать 44-ую, а не продолжать наступление. Это было проявлением благородства... но я знаю – если бы у нас были Гвозди, мы бы не дрогнули. Будь мы были похожи на нашего отца, я не сомневаюсь – Легион бы добился победы. Если бы примарх был там, то он никогда бы не остановился... Нерешительность, благородство, сентиментальность – у Ангрона нет ничего этого. У него нет этих ограничений, что удерживают нас, подобно ножнам, что сковывают рвущийся в бой клинок. И как ты можешь этого не видеть?!

Маго ответил Оронту не сразу. Он понимал чувства своего брата – таковые преобладали во всем Легионе. Поражения, казни и позор, обрушенные на них Ангроном – все это мучило Пожирателей Миров. Стыд вел воинов к будущему, которое никто из них не понимал. XII-ый менялся независимо от того, насколько сильно Маго держался за их прошлое. Как бы ему не хотелось, он не мог обуздать изменения...

– *Похоже*, – вымолвил Маго, – *тебе придется набраться терпения, пока Гвозди смогут вбить безумие и в твой мозг, брат.*

Оронт пожал плечами, отпуская фрагмент брони, который медленно уплыл за пределы их видимости.

– *Это случится довольно скоро.*

Пожиратели Миров проскользнули обратно в герметичные помещения «Клыков Гончей», наклонившись, чтобы пройти через низкий проем. Оронт снял шлем, когда за ними закрылся герметичный шлюз, и давление восстановилось. Он провел рукой по широкому, покрытому шрамами лицу, и повернулся к Маго.

– *Надеюсь, ты поймешь тот путь, что нам предстоит пройти, брат,* – чемпион положил руку на плечо центуриона. – *История никогда не запоминает тех, кто крепко держится за прошлое – она помнит только тех, кто двигается вперед. Ангрон очнется, и что он будет делать? Что будешь делать ты?*

Маго собрался было ответить брату, но в ухе зазвенело входящее сообщение. Он замолчал, отмахнувшись от Оронта, и Первый Топор исчез в темноте коридора. В воксе затрещал знакомый голос:

– *Я на борту. Встретимся в яме.*

***

Кхарн уже ждал Маго в яме, наблюдая за поединком двух Непреклонных. Центурион слышал их рев из коридора, а когда двери с грохотом разошлись в сторону перед офицером, запах свежей крови наполнил его нос.

Два Пожирателя Миров лежали в яме, их плоть кровоточила и блестела от пота. Маго увидел окровавленное оружие, брошенное в песок. Два космодесантника били друг друга головами, как дикари из древних племен. Центурион не узнал двух из своих хваленых Непреклонных, ибо для него они выглядели, как дикари из мира смерти.

– Что за глупости? – рявкнул Маго. – Мы остаемся в полной боеготовности, если вы не забыли. Ты, возвращайся в свой отряд. А ты, – он указал на другого Пожирателя Миров, – иди в аптекарион, сейчас же!

Первый воин отдал честь, ударив кулаком в грудь. Другой просто застыл – его правая рука обрывалась на локте, и он не мог поприветствовать своего офицера. Легионеры задержались на мгновение, прежде чем пройти мимо пары центурионов и покинуть яму.

Кхарн опустился на одно колено и провел пальцами по пятнам крови, которые чернели на песке. Он поднял отрубленную руку с земли, повертел ее в руках и осмотрел. Через мгновение офицер выбросил его за пределы ямы, чтобы ее подобрал и убрал сервитор.

Когда Маго приблизился, Кхарн подошел к оружейной стойке и взял в каждую руку по тренировочному топору, разминаясь.

– Я уже начал было думать, что на сегодня с тебя хватит.

– Я хотел убедиться, что не будет никаких осложнений, когда Тэтус придет в себя, – ответил Маго, глядя на брата, который широко замахивался топорами. По правде говоря, центурион был рад, что удалось отвлечься от событий на Генне и в Триумфальном Зале. Как и любой из его братьев, Маго всегда успокаивался, когда держал в руке клинок, а противник стоял напротив него. – Нужно было знать, что его состояние стабилизировалось.

– Еще один взрыв от твоих библиариев, и у вас не останется ни одного корабля.

– Осторожнее, – Маго стянул через голову тунiku и ступил на песок. – Или я натравлю на тебя Оронта.

– Мне нравится Оронт, – усмехнулся Кхарн. – Ты видел, как он победил Каэтру?

– Алого? Да, я был там. Как ты думаешь, почему он стал моим Первым Топором?

– Может быть, мне лучше сразится с ним на дуэли, – сказал Кхарн. Он бросил один из топоров Маго. – Надеюсь, ты не собираешься только болтать.

Маго улыбнулся, поймав топор, и повертел его, чтобы размять запястья.

– Подходи, Пожиратель Миров. Докажи свои слова делом, – усмехнулся центурион.

Два воина кружили босиком по песку. В этой дуэли не было ничего похожего на угрюмый стоицизм Первого Легиона или вычурных танцев Третьего: Пожиратели Миров сражались, ибо в глубине души знали, что ничто так не укрепляет братские узы, как борьба. Не было никакой необходимости устраивать пышные представления и не было причин сдерживаться. Здесь пренебрегали рангом, и все, что имело значение – оружие в руках и первый удар.

– Устал, Маго? – оскалился Кхарн и сделал выпад, атаковав Маго серией молниеносных ударов. Их топоры столкнулись со звоном стали. Маго парировал, уклоняясь от ударов, отказываясь от отступления и потери инициативы. Отскочив друг от друга, братья начали кружить, выискивая слабые места в обороне противника.

– Сегодня ты перешел черту, – сказал Кхарн. – Если бы я не был там, то никогда бы не поверил, что ты остался в живых после такого разговора с примархом.

– Я выжил, – сказал Маго. – Но многие пали.

– Ты не можешь брать на себя груз ответственности за произошедшее сегодня. Центурион несет бремя скорби за каждую жизнь, потерянную под его командованием, а это уже слишком много даже для самой сильной души. Многие и так захотят обвинить тебя как виновника убийств, совершенных Ангроном.

– Я должен был сказать это, Кхарн, – Маго остановился. – Обратный отсчет, децимация... это больше не может продолжаться. Мы уничтожим себя, и большинство из нас умрет, чтобы насытить Ангрона.

– Легион меняется, – сказал Кхарн. Он сделал выпад, но Маго успел вовремя поставить блок, и арена наполнилась визгом метелла. – Ты это не чувствуешь?

– Все мы чувствуем, – ответил Маго. – Вопрос в том, меняется ли он к лучшему? Меняет ли он его к лучшему?

– Он, – холодно сказал Кхарн, – наш примарх, а мы его сыновья. Мы живем и умираем по его прихоти. Он нам ничего не должен, Маго.

– Ты говоришь о Гвоздях, – центурион остановился.

– Это неизбежно, брат. – вымолвил Кхарн, останавливаясь напротив другого офицера.

– У меня в корабле есть дыра, которая не согласна с тобой, Кхарн.

– Может и так, – капитан восьмой роты усмехнулся. – Но с каждым днем Сурлак и Вэл-Кхеридар все ближе подбираются к созданию точной и стабильной копии

конструкции, которую можно будет применять в Легионе. Вскоре этот день наступит...

– Я не вижу причин, по которым Легион должен принять их, – Маго покачал головой. – Не после того, что они сделали с Ангроном. Только не после сегодняшнего дня.

Кхарн лениво перебросил топор из одной руки в другую.

– Не все воспринимают это так, как ты. Помни, что мы оружие, Маго. Большинство воинов в Легионе не видят дальше своего клинка. Они смотрят на отца... видят, как он сражается. И ты видел. Он словно буря... непобедимая, что бы ему не противостояло. Он не проигрывает. Скажи мне, что ты веришь, будто никто из наших братьев не захочет быть таким воином, и я назову тебя лжецом.

Легионеры прыгнули друг на друга. Топоры рассекали воздух, когда каждый из них пытался увернуться, а не блокировать. Воины кружили вокруг друг друга, их удары скользили, едва не касаясь плоти, дабы пролить первую кровь.

– Но какой ценой мы обретем эту силу? – Маго откинулся назад, пытаясь заставить Кхарна сделать слишком глубокий выпад, а затем ударил брата в грудь ногой, отчего тот упал на землю. – Я видел, как он переламывал ход каждой битвы, в которой мы сражались подле него, и это неоспоримо. Но я видел его и до этих сражений, и после них... Месяцы полного сумасшествия, крики, которые доносились из его покоев, полосы крови членов команды, которые пропадают каждый раз, когда он ходит по нижним палубам «Завоевателя».

Маго припал к земле и навис над Кхарном.

– Если ты просишь меня отрицать, что целый Легион с вживленными Гвоздями будет самой мощной силой, известной галактике, то я не стану этого делать. Но если это наше будущее, Кхарн, то посмотри на все это со всех сторон. Будущее, в котором каждый из нас закован в цепи бессмысленной ярости, и не только на поле боя, но и за его пределами...

– А ты не подумал, что так будет лучше? – сказал Кхарн, глядя на Маго.

– Что? Как ты можешь желать нам такого?..

Кхарн встал, обдумывая слова, которые собирался произнести.

– Планета под нами... что ты видишь, когда смотришь на нее?

–... И все же после стольких лет ты продолжаешь читать мне лекции, словно ребенку, – усмехнулся Маго.

– Я бы с удовольствием перестал это делать, если бы ты не вел себя, как один из них, – ответил Кхарн. – Скажи мне, что ты видишь?

Маго опустил топор, глядя на стену комнаты так, будто там было окно с видом на планету, вокруг которой они вращались.

– Я вижу мир и потерянное человечество. И наш долг – долг вернуть его в лоно Империи.

– Нет, – Кхарн медленно покачал головой. – Не совсем так. Мы нашли зловонный гниющий лес. Увядший навес, который душит почву и заглушает весь свет. Мы – огонь, который сожжет лес до основания. Разрушит его полностью и без угрызения совести, ибо пепел – лучший фундамент для будущего, брат.

Маго хотел было ответить, но Кхарн поднял руку, быстро сокращая расстояние между ними.

– Скажи мне вот что – даже если бы каждый легионер носил Гвозди, что это изменило бы? Изменит ли это наше право на завоевание галактики? Сделает ли это наше оружие и методы ведения войны устаревшими и бессмысленными? Изменит ли нашу уверенность в том, что каждый из нас должен пасть на поле боя?

– Гвозди ничего не изменят, – согласился Маго, слегка кивнув. – Это верно, но изменят отношение к нам со стороны Империи и других Легионов. Они не поймут нас. Они будут бояться XII-ого, и, возможно, даже возненавидят.

– Это не наша забота, – сказал Кхарн. – Мы служим другой цели. Мы делаем то, что они сделать не в состоянии. Мы огненная буря, Маго, очищающая волна полного уничтожения для любого, кто осмелится бросить вызов империи, что мы создаем. Мы никого не оставили в живых и никогда не оставим. В этом заключается наша безупречность. В этом есть... благородство.

Маго нанес удар топором. Лезвие звякнуло, сталкиваясь с топором Кхарна. Они сражались несколько минут на песке, слыша только звон клинков и свое тяжелое дыхание.

– Нет никакого благородства в том, чтобы быть монстром.

В этот момент Кхарну удалось зацепить топор Маго и вырвать его из рук, оставив того беззащитным. Голова центуриона откинулась назад, когда кулак Кхарна ударил его в челюсть, сбив с ног.

– Настоящая проблема, – задыхаясь проговорил Кхарн, – в том, что ты все еще веришь в то, что ты человек.

Маго качнул головой, пробуя избавиться от пелены перед глазами. Он огляделся в поисках топора и потянул руку, когда нашел его. Нога Кхарна обрушилась вниз, придавив его ладонь.

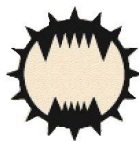
– Он наш примарх, Маго, – сказал Кхарн. – Это его кровь течет в наших венах. Он наша судьба...

– Он сломан! – выплюнул центурион, перебивая. Он встал с песка, размяв руку..

– Кровожадный, измученный. Ты увидишь, как мы последуем за ним и станем такими же! Эти корабли, что несут нас к звездам, доспехи, которые мы носим, наше оружие... мы не владеем ни одной из этих вещей. Когда мы умираем, они передаются дальше тем, кто приходит после нас. Неужели нет ничего, чем мы действительно обладаем? Ничего, что принадлежит нам... даже наша судьба?

Топор с мягким стуком упал на песок. Кхарн посмотрел на свой кулак: кровь текла из разбитых костяшек. Он фыркнул, издав тихий звук, одновременно похожий на смех и вздох.

– Брат, это звучит так, словно у нас вообще хоть когда-нибудь был выбор.

ДВЕНАДЦАТЬ

Чувства Тэтуса сфокусировались в потоке раздражителей: кряхтение и стук молотов наполняли его уши, а вонь горна, крови и немых тел – ноздри. Он опустил взгляд и увидел в своих руках потрепанный железный шлем: металл

был сильно помят после того, как ему несколько раз возвращали первоначальную форму грубыми инструментами.

Нет. Это были не его руки. Это были руки Ангрона...

– Эй, – раздался голос. Ангрон поднимает глаза и видит покрытую шрамами грудь раба-гладиатора. Человек протягивает руку, облаченную в бронированную рукавицу, и берет шлем.

– Старина Гунглас носил его последним, – многозначительно говорит гладиатор.

Он начинает скрести пальцами по внутренней стороне шлема и достает оттуда горсть волос, сверкая при этом уродливой и беззубой улыбкой.

– Он умер. Не очень хорошо. Не быстро. Молись, чтобы его дух не преследовал тебя и ты избежал подобной участи.

С этими словами он бросает шлем Ангрону.

Тот неуклюже ловит его, и гладиатор уходит, хихикая, чтобы присоединится к другим и разделить скудные пожитки, оставленные мертвецом.

Бронированные машины с лязгом шагают вокруг рабов, и молнии пляшут на кончиках их электрических копий. Гладиаторов погнали из пещер вверх по туннелю в темную прихожую, которая разделялась еще на несколько каменных коридоров. Она была совершенно пустой, если не считать широкого деревянного стола и нескольких стеллажей, нагруженных ветхим оружием и доспехами. Самые умные и опытные гладиаторы быстро подбежали к стеллажам, чтобы получить самое лучшее снаряжение: они хватали топоры и трезубцы, злобно шипя друг на друга, и облачаясь в кольчуги и чешуйчатые доспехи.

Ангрон не покидал пещеру со времен игры Слез Дьявола. Он ничего не знает об этих воинах в цепях и о их обычаях. К тому времени, как он добирается до стеллажей, все самое ценное уже забирают, оставив Ангрону лишь шлем. Перед тем, как надеть его, он заглядывает внутрь и чувствует запах крови бывшего владельца.

Машины начинают говорить, крича на языке хозяев, который Ангрон постепенно начинает понимать. Многие слова остаются загадкой, но он слышит «горячие пески», прежде чем машины образуют стену позади гладиаторов и начали выталкивать их к выходу из помещения остриями своих копий.

В конце туннеля оказалась дверь в три раза выше самого крупного из гладиаторов. Ударами копий машины подталкивают рабов к ней, и Ангрон оказывается в центре толпы. Чем дальше они заходят в теснину каменного коридора, тем сильнее становится вибрация, идущая от земли и стен. Приглушенные звуки достигают их ушей: они звучат как барабаны, барабаны и кричащие голоса. Пыль и песок из трещин в потолке осыпаются на их головы. Гладиаторы начинают реветь, ударяя кулаками в груди и стуча головами друг о друга. Ангрон щурится, пытаясь разглядеть что-нибудь через т-образную прорезь шлема, когда огромные двери открылись, и поток света и шума обрушился на них.

– Умри с честью, – говорит беззубый гладиатор, оглядываясь на Ангрона и озаряя его своей уродливой улыбкой.

Их гонят вперед, к свету, и Ангрон снова выходит на арену – ту самую, где он пережил Слезы Дьявола. Пирамида исчезла, как и все признаки кислоты. Все, что простирается перед его взором – арена из обожженного, потрескавшегося от солнца песка. На трибунах сидят тысячи людей – намного больше, чем было тогда, когда рабы пытались выжить, взбираясь на пирамиду и сражаясь друг с другом. Их голоса звучат так громко, что поднимают пыль на полу арены. Ангрон чувствует ярость и жажду крови, исходящую от толпы.

Человек рядом с Ангроном умирает прежде, чем его глаза успевают привыкнуть к свету.

Кровь брызжет мальчику в лицо, ослепляя его. Самые сильные и опытные гладиаторы сбиваются в стаю, изолируя и убивая слабых и скверно вооруженных рабов, которые стоят на горячей земле рядом с ними.

Ближайший к Ангрону воин с ревом замахивается на него топором. Но удар медленный, невероятно медленный, и Ангрон способен увернуться от него, а также и от трех ударов сверху, что последовали за первым. Он видит, как воин

устал: его руки начинают замедляться, пот покрывает его тело, превращая пыль, покрывающую его тело, в белую пленку. Он снова уворачивается, ожидая, пока гладиатор выдохнется.

Ангрон наносит быстрый удар в сердце мужчины. Кости ломаются с глухим треском, и воздух с кровью вырываются из легких. Гладиатор делает последний судорожный вздох, прежде чем умереть. От удара Ангрона в груди воина образовалась дыра, и когда он убирает кулак, боец падает, сотрясая конечностями. Ангрон вырывает из его рук топор, разворачиваясь как раз вовремя, чтобы заблокировать шипастую кувалду, направленную ему в лицо. Он не слышит толпу, пока сражается. Она для него подобна океану, что с ревом бьется о берег, он лишь чувствует их, словно жар на своей спине, и этот жар все сильнее вспыхивает каждый раз, когда его топор отнимает жизни.

Тэтус чувствует, как кровь покрывает его грудь и руки, как она сочится у подбородка. Он переживает ощущения ребенка так, как если бы они были его собственными: от удара топора, что раскалывает головы, до боли сожаления, которое с каждым убитым врагом все сильнее сжимает грудь.

Последний из гладиаторов падает на землю. Безоружный, он кричит проклятия, пытаясь уползти по горячей пыли. Ангрон стоит над ним, чувствуя отчаяние и страх, исходящее от покрытого шрамами ветерана. Этим воином оказался беззубый гладиатор из оружейной комнаты. Ангрон на мгновение заколебался и не заметил ножа, который по рукоять погрузился ему в живот.

Холодное лезвие обжигает его внутри. Боль обрушивается на него прежде, чем его сердце успело сделать один удар, и гнев поглощает его. Ударом ногой он заставляет гладиатора растянуться на земле, после чего вытаскивает клинок из живота, и отбрасывает его в сторону. Бесформенный вой толпы становится равномерным, они кричат его имя:

– Ангрон! Ангрон! Ангрон!

Он не ощущает веса оружия, будто оно всегда было в его руке. Сомнения исчезли. Кровь бурлит в нем и он замахивается топором...

Видение задрожало. Темнота поднимается от земли, поглощая Тэтуса. Он чувствует, как его тело распадается на мелкие кусочки, а после резко собирается вновь.

Арена исчезла. Тэтус чувствует прохладный воздух на чужой коже и слышит мягкий стук капающей сверху воды. Вокруг тьма, но через глаза своего отца он может ясно видеть, что его окружает.

Мужчины и женщины сгрудились на полу пещеры, облаченные в рваные одежды и закованные в кандалы. Он слышит тихие голоса и крики людей, погруженных в сон. Рядом с Ангроном сидит мужчина: его лицо покрывают пересекающиеся шрамы и борода цвета стали. Он дает Ангрому тряпку, чтобы юноша смог вытереть пыль и запекшуюся кровь с лица.

Тэтус не знает, сколько времени прошло с тех пор, как Ангрон нанес тот удар топором. Его ощущение времени в воспоминаниях разрозненно, оно словно застыло. Его отец теперь больше и сильнее, слова, которые смущали его на арене, теперь легко слетают с его губ.

– Кто эти люди, Ономай? – шипит Ангрон. Он смотрит на потолок пещеры так, как будто способен видеть сквозь него. – Что это за чудовища, которые приходят сюда, чтобы насладиться нашей агонией?

Старый воин, которого Ангрон называет Онамаем, мягко улыбается, и эта улыбка смотрится неестественно на его покрытом шрамами лице.

– Ты ведь дитя гор, да? Ты никогда не видел ничего кроме гор, этих пещер и горячего песка. Ты никогда не видел, куда эти «монстры» идут, чтобы прожить свою жизнь. Жизнь, которой им приходится жить...

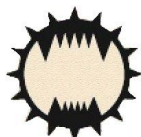
Старый воин зашевелился, застонав, когда его суставы протестующе закричали, и сел рядом с Ангроном.

– А я знаю. Я родился в трущобах, в безысходности, что там царит. Просыпался каждый день, чтобы бороться с другими за меньшее, что у нас было вчера. Чувствуя себя в ловушке, – старик потряс кулаком, отчего его цепи загремели. – Точно так же, как и мы здесь. Иногда, – продолжает он, и кладет руку на плечо Ангрона. – Иногда единственное, что тебе нужно знать – это

то, что есть кто-то еще ниже тебя. Независимо от того, как низко ты падешь, ты все равно не будешь на самом дне. Это не так много, но достаточно, чтобы обрести силу, ведь смотреть, как мы умираем, в то время как они живут – все, чего эти люди могут достичь. Это единственная сила, которой они обладают.

Ономай нахмурился и убрал руку. Он посмотрел вниз, и начал медленно разминать пальцы, а потом снова перевел взгляд на примарха:

– Так что нет, Ангрон, – вымолвил он через мгновение. – Эти люди – не чудовища. Не трать гнев на них, потому что есть настоящие монстры, которые этого заслуживают.

ТРИНАДЦАТЬ

– Он умрет?

В холодном стерильном свете главного аптекариона «Завоевателя» Гахлан Сурлак оторвал свой взгляд от тела Ангрона, поднял глаза на Кхарна, а затем пристально впился глазами в центуриона.

– Если ты собираешься здесь задержаться, Кхарн, то хотя бы постарайся мне не мешать.

– Он. Умрет? – повторил капитан, и на этот раз его голос был более уверенным. Он оперся костяшками пальцев о край плиты, на которой лежал Ангрон. Аптекарий вздохнул и выпрямился, сложив за спиной манипуляторы хирурга.

– Да, думаю, что, в конце концов, он может умереть, Кхарн, как и все смертные существа. Но в данной ситуации, уверен, он выживет.

– Что с ним случилось? – спросил капитан.

Он посмотрел вниз и увидел, как примарх судорожно задергался: под его закрытыми веками метались глаза, а свет отражался от крепко стиснутых железных зубов.

– Думаю, я не тот человек, у которого ты можешь это узнать, – отозвался Гахлан, оглядываясь через плечо на Пожирателя Миров в синих доспехах, что сидел в дальнем конце зала.

Варияс вернулся на «Завоеватель», как только убедился, что Тэтус размещен в аптекареоне «Клыков Гончей», а его состояние стабилизировалось. Даже сейчас, когда Ангрон был нездоров и лежал без сознания, библиарий держался на расстоянии в знак уважения к примарху. Впрочем, Первый Чтец сомневался, что ему позволили бы находиться близко к отцу после событий, произошедших в Триумфальном Зале.

– Говори, Варияс, – потребовал Кхарн, двигаясь к библиарию. – Какое колдовство ты применил в этот раз?

– Лишь то, что потребовалось, – тихо ответил Первый Чтец. – Чтобы он не убил всех нас.

– Вышло так себе, – хмыкнул центурион, останавливаясь в шаге от Варияса. – Скажи мне, что ты с ним сделал?

– Мы с братьями объединили наши силы и создали целостную форму, а затем направились к Ангрону, чтобы успокоить его. Мы попытались проникнуть в его сознание и отыскать в его воспоминаниях время, когда он был спокоен, либо находился без сознания, чтобы обмануть его тело и он погрузить его в покой. Если бы нам все удалось, мы бы смогли его остановить.

– А что случилось потом? – Кхарн оглянулся на Ангрона. – Этот сон неестественен. Это результат ваших действий...

– Один из нас, – мысли Варияса вернулись к Тэтусу, который был связан с Ангроном, когда тот погрузился в сон. – С ним что-то случилось. Его разум – или часть его, – оказались в ловушке внутри Ангрона. Бессознательное состояние примарха заперло их обоих в месте, где они не способны контролировать свои тела.

– И как надолго?

Варияс покачал головой:

– Дни, недели... невозможно сказать. Но каким-то образом они связаны.

- Псайкер из восемнадцатой. Тэтус... а что тогда с ним?
- Он находится в том же состоянии, что и Ангрон, – отозвался Варияс. – Я не могу точно сказать, когда они очнутся, что это было, и что мы можем сделать, дабы разбудить их.

Первый Чтец наклонил голову и посмотрел за плечо Кхарна.

- Если вы позволите, я могу попытаться...

Кхарн положил руку на грудь Варияса, встав преградой между библиарием и примархом.

- Ты считаешь, что недостаточно натворил?

– Кхарн, – настаивал Варияс. – Позволь мне провести с ним одну минуту. Позволь мне заглянуть в его мысли, чтобы увидеть его состояние, и, если это возможно, помочь ему вернуться. Я клянусь сделать все возможное, чтобы спасти нашего отца.

Гахлан наблюдал за разговором братьев. Он провел своей перчаткой по Ангрону, просматривая информацию о состоянии примарха, а затем проверил гребень из диодов и сканирующих устройств, прикрепленных к Гвоздям Мясника, впитывая каждую крупницу информации об их функционировании, пока у него была такая возможность.

- Пусть он попробует, – наконец вмешался аптекарий.

– Я не ожидал, что ты его поддержишь, Гахлан, – хмыкнул Кхарн, бросив удивленный взгляд.

– Предложение библиария не лишено смысла, – сказал аптекарий, пожав плечами. – Болезнь примарха – это что-то за гранью моего понимания. Если колдовство привело нашего отца в подобное состояние, то возможно, оно же и сможет его спасти.

Бросив взгляд на Ангрона, а затем на Варияса, Кхарн некоторое изучал Первого Чтеца.

– Одна минута, не больше. – наконец ответил он, опуская руку.

Варияс поклонился и обошёл центуриона. Он приблизился к плите, на которой лежал Ангрон, и прошептал себе под нос мантру, которая помогала ему сосредоточиться. Первый Чтец изучал ауру своего отца, все еще тлеющую и покрытую дымкой гнева. Гвозди Мясника оставались все такими же

неподвижными, какими всегда ему и казались: короной черного огня, что пронизывала своими щупальцами каждый дюйм души их примарха.

Гахлан Сурлак отступил от плиты, приказывая медицинским сервиторам, нависшим над Ангроном, отойти. Он встал позади Варияса и присоединился к Кхарну. Капитан слегка дернулся: в его позе чувствовалась напряжение, а рука лежала на рукояти топора, висевшего у него на поясе.

Их глаза были устремлены на Пожирателя Миров в синих доспехах, когда тот остановился рядом с Ангроном.

Недоверие и подозрительность исходили от братьев по Легиону, в то время как полной отстраненностью и безразличием сквозило от жрецов Механикус. Варияс поднял свою ментальную защиту, отталкивая мысли окружающих его людей, и сосредоточился исключительно на полубоге, что лежал перед ним на плите.

Библиарий глубоко вздохнул, и, с усилием, похожим на вытягивание рук, потянулся за пределы своего тела, направляя импульс своего разума через ладонь, которую он держал над грудью Ангрона.

Огни в аптекарионе замерцали.

Пронзительный вой наполнил их уши, прежде чем лампы взорвались облаком искр и осколками стекла.

Единственный свет в комнате исходил от Варияса, и молния цвета неба пробежала по его доспехам.

Ангрон забился в конвульсиях, когда энергия коснулась его: связанные конечности примарха почти разорвали усиленные ремни, удерживающее его на плите. Рука Варияса отдернулась от примарха, крепко сжавшись в кулак.

– Отойди от него, колдун! – вскрикнул Кхарн, отталкивая библиария прочь.

Псайкер рухнул на пол, а тонкие нити молний все еще пронизывали его доспех. Варияс задыхался, пытаясь подняться на колени, прежде чем снова упасть на палубу.

– Что случилось? – Кхарн повернулся к псайкеру. Он оглянулся на Ангрона, когда его тело перестало биться в конвульсиях. – Что ты сделал?!

– Что ты видел? – Спросил Гахлан твердым и спокойным голосом, присев возле Первого Чтеца.

– Он... спит, – прохрипел Варияс между болезненными вздохами.

– Спит? – Кхарн отвернулся от Ангрона и свирепо посмотрел на библиария. – И что ему снится?

Варияс взглянул на братьев, и по его щеке скатилась одинокая кровавая слеза. Он разжал кулак, и на палубу посыпалась белая пыль.

– Боль.

***

Если бы он жил на Терре, взрослея под светом родного солнца человечества, то в этот день Ангрону исполнилось бы десять лет. Он все еще был ребенком, но уже сравнялся по размерам с самыми крупными мужчинами, которые сражались и умирали на горячих песках, и превзошел их в силе.

С самого начала Ангрон стоял особняком от остальных. Получив свое имя и победив на Слезах Дьявола, он становился все больше и больше. Каждый раз, когда он сражался, толпа задыхалась от восторга, когда его видела: он был быстрее других гладиаторов, его ум был способен предвидеть каждое действие, которое могли предпринять его противники, он владел любым оружием так, словно упражнялся с ним годы, даже если взял его в руки лишь несколько мгновений назад.

Вначале убийства причиняли ему боль. В первый раз, когда он боролся за свою жизнь в ледяном снегу, все было по-другому. Тогда это имело цель, казалось справедливым. Здесь же, на Красных Песках, нет смысла проливать кровь – это не приносило никаких перемен, никаких результатов – то была бойня ради бойни. Ангрон и его товарищи-гладиаторы истекали кровью и умирали в агонии, чтобы утолить жажду толпы, жажду, которую, как они знали, они никогда не насытят.

Со временем убийства давались ему все легче. У него не было никаких целей – ему было суждено стать рабом, и Ангрон перенимал мировоззрение других воинов, ища новые способы придать смысл жизни гладиатора. Он изменил свое восприятие, и теперь слышал в толпе не насмешки своих повелителей, а преклонение, даже поклонение перед его силой, а потому перестал их ненавидеть.

Ненависти заслуживали лишь летающие сферы.

Бой становился для него ритуальным танцем, почти религиозным действием, в котором каждый воин заслуживал уважение, проливая кровь. Именно так ковались узы их братства. Он бросал все свои силы, чтобы сдерживаться, не принося позора своим врагам: в смертельных поединках он давал чемпионам длительные дуэли, дабы они умирали после достойного поединка. В этом была честь. Ангрон давал им безболезненную смерть, прежде чем его, закованного в цепи, отправляли обратно в пещеры.

В тайном уголке своего сознания, которого он стыдился, Ангрон завидовал мертвым. Им больше не нужно было бороться. Высокие Всадники, глаза-сферы, Красные Пески... с ними было покончено.

Но бывали и не смертельные матчи. Несмотря на всю свою жестокость, Высокие Всадники достаточно хорошо знали, что должны сохранить своих гладиаторов, дабы обеспечить достаточное количество соревнований для развлечения населения. Во времена священных праздников арена пропитывалась кровью рабов в течение многих дней, но большинство соревнований заканчивались капитуляцией одной из сторон, и воины возвращались в свои пещеры, чтобы обменяться новыми поворотами на своих триумфальных веревках с теми, кто победил их.

Собственная веревка Ангрона исключительно алая – никто не смог приблизиться к победе над ним. И хотя он и делал черные повороты своим братьям и сестрам, он делал это с честью, а не с превосходством. Через это они ковали узы братства, которые связывали их семью.

... Ангрон вновь оказался на Красном Песке. Он стоит вместе с дюжиной своих братьев, ожидая кровопролития. В последние недели они сражались с машинами, с другими людьми или великими зверями, но все, что сейчас перед

ними была лишь женщина неопределенного возраста, что хотела спрятаться от света и шума арены. Она была неестественно худа и одета в рваную мешковину, а ее горло стискивало жужжащее металлическое кольцо.

– Что это такое? – спросил Ангрон. В этой девушке было что-то неправильное, он чувствовал это в глубине своего существа, но не мог объяснить. Один из гладиаторов покачал головой, гремя кольчугой и пластинчатой броней.

– Я не...

В воздухе начал появляться странный запах. Ангрон внезапно похолодел, глядя на девушку: с нее упала горячая пыль, а красный песок начал сгущаться и затвердевать, когда холод просочился из-под ее ног. Рин, копьеносец, находился к женщине ближе всего в тот момент, когда Тэтус почувствовал в памяти отца чувство, столь знакомое для него...

– Ведьма! – успевает крикнуть Рин, прежде чем его голова откидывается назад. Челюсть Рина широко раскрывается, потом еще шире, а затем плоть и сухожилия рвутся, когда верхняя половина его головы откидывается назад так сильно, что он может смотреть на землю позади себя. Кровь бьет фонтаном из разорванного горла, покрывая тело Рина, пока он дрожит в мучительных конвульсиях.

«Он уже должен был упасть», – в ужасе думает Ангрон. – «Он уже должен быть мертв».

Стройная женщина держит Рина силой своей мысли. Она протягивает руку, и огонь течет по ее пальцам. Ведьма разжимает их, и Рин взрывается. Кусочки костей царапают и впиваются в обнаженную плоть Ангрона. Все, что осталось от копьеносца – лужа крови на песке, скрученная и сформированная в некий символ, который рождает агонию в сознании Ангрона, когда тот смотрит на него.

Другой гладиатор начинает кричать, когда его кожа отделяется от плоти. Ведьма поднимает его в воздух, окружая потоком крови. Кости воина разлетаются вдребезги, превращаясь в пыль. К тому времени, как девушка позволяет ему упасть на землю, раб превращается в кучу окровавленного мяса.

Убийства причиняли вред ведьме. После того, как она заживо вскипятила трех бойцов, которые попытались напасть на нее, она припала на одно колено; ее хрупкое тело блестело от пота, а глаза налились кровью.

Ошейник издал странный звук, и она вскрикнула, поднимаясь на ноги в свете фиолетового огня, что окружает ее кулаки...

Воспоминание начинает расплываться, искаженное для Тэтуса болью отца. К тому времени, как Ангрон оказывается рядом с ней, он остается совсем один: все братья и сестры, что были рядом, умерли, а их смерть была мучительной и ужасной. Ни слава, ни честь привели их в забвение – лишь страх, боль и тьма, когда они были скручены и разорваны черной магией ведьмы.

Ангрон видит нежелание сражаться и боль, что ясно запечатлены на лице ведьмы. Она издает крик, полный страданий. Высокие Всадники, вероятно, украли ее из пустошей и доставили сюда для развлечения, как и всех остальных.

Она не знает ни Ангрона, ни кого-либо другого, кто ненавидел бы хозяев арены и не желал этой жестокости и страданий. Она вынуждена была убивать из-за ошейника, обжигающего ее шею. Мысли Ангрона возвращаются на три месяца назад, когда он был вынужден сражаться с охотником и его псами, убивая их всех голыми руками. Он ощущает сочувствие к ведьме, но гнев и ненависть кипят внутри, требуя крови за сотворенное с его товарищами.

Замерзший песок кажется ему странным. Ангрон поднимает топор. Глаза ведьмы вспыхивают, превращая оружие в снежинки. Внезапный холод сбивает ему шаг, превращая спринт в прихрамывание.

Разум Ангрона вспыхивает, как спичка, обжигающая его плоть. Он сосредотачивается и отталкивает боль, которая почти ослепила Тэтуса, хватая ведьму за хрупкие плечи, а затем и за горло.

Пламя начинает реветь все сильнее, когда Ангрон тащит ее на землю. Он чувствует запах собственной крови, превращающейся в дым, и видит свои кости, проглядывающие через обугленное мясо рук. Его окровавленные пальцы скользят по холодному ошейнику, но он продолжает душить девушку.

В какой-то момент она перестает сопротивляться. Кожа ведьмы становится похожей на лед и камень. Ангрон чувствует силу внутри нее, которую она

никогда не могла контролировать, и страдание, которое эта мощь причиняла девушке каждый раз, как дышала.

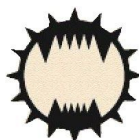
Слово или намек на него вырывается из пламени...

+Пожалуйста+

Ангрон кричит, разбивая ее голову об замерзшую землю. Огонь исчезает из его черепа с воплем, как только ведьма умирает. Он отползает от ее трупа, и через несколько мгновений тело женщины рассыпается в пепел, оставляя на земле лишь жужжащий ошейник.

Тэтус до сих пор чувствует, как обрывки души ведьмы закручиваются в воздухе, словно бумага на сквозняке, как она втягивается в варп, где ее жадно поглощают. Библиарий смотрит внутрь своего отца, видя новый шрам в душе Ангрона.

Шрам, который ничто и никто не мог исцелить.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Задумавшись, Маго шел по палубам «Завоевателя», погруженный в молчание. После событий в Триумфальном Зале он обнаружил, что экипаж корабля все еще потрясен разрушениями и смертями, к которым привела необузданная ярость Ангрона. Кхарн запер отца в его покоях, впустив туда только Гахлана Сурлака, Вэл-Кхеридала, нескольких избранных аптекариев и адептов Механикум. Если не считать дуэли с Маго на «Клыках Гончей», то советник практически никогда не покидал примарха.

Никто в точности не знал, когда и в каком состоянии Ангрон выйдет из комы и что примарх будет делать дальше.

Прибыв на флагман, Маго не сообщил о своем прибытии даже Кхарну. Хотя и не было закона, запрещающего легионерам перемещаться между кораблями

флота по своему усмотрению, центурион решил скрыть свой визит, чтобы никто не узнал о его истинной цели.

Двигаясь в одиночестве, Маго целый час шел как по широким многолюдным проспектам внутри линкора, так и вызывающим клаустрофобию узким проходам. Грохот двигателей исполинского флагмана отошел на задний план, сменившись звоном кузнечных молотов. Все меньше и меньше душ встречалось на его пути, пока центурион спускался в глубокие холодные уголки «Завоевателя», где покоились легенды прошлого их Легиона.

Офицер остановился перед большими железными воротами, которые охраняли манипулы боевых сервиторов. Неуклюжие преторианцы изучали Маго лучами малинового света, а их тяжелые пушки угрожающе жужжали. Когда личность центуриона была подтверждена, они с лязгом расступились, пропуская его.

Звуки, издаваемые кораблем, в этой темной комнате казались низкими и далекими. Внутри находили огромные машины, но они были холодными и дезактивированными. Стены закрывали массивные платформы, на которых они восседали железные исполины, напоминающие статуи, в которых находились тела бессмертных героев Легиона.

Облаченные в мантии адепты появились из тени и встали перед Маго. Центурион заговорил с ними, объясняя, чего хочет от них, и марсиане ускользнули обратно, не сказав ни слова. Таинственные жрецы собрались вокруг центральной платформы, бормоча на бинарном коде, дабы пробудить ряды машин, окружающих ее.

Температура поднималась по мере того, как машины включались. Заскрежетали шестеренки и когитаторы. Темные лампы мигали над платформой, освещая Маго тусклым светом. Он ждал, пока техножрецы не закончат необходимые ритуалы, необходимые для пробуждения.

– Все готово? – нетерпеливо спросил Маго. Ближайший из адептов кивнув головой, покрытой капюшоном. – Тогда оставьте нас. Отключите все записывающие устройства в этом помещении, пока я не уйду.

Механикум вышли из комнаты, оставив Маго наедине с дредноутом. Алые глазные линзы замерцали, а затем вспыхнули, когда энергия достигла всех

элементов машины. Сенсоры, спрятанные в шлеме космического десантника, со скрежетом сервомоторов опустились вниз, впиваясь взглядом в Непреклонного.

– Кто сказал, – прогрохотала машина, – что ты можешь надеть мой плащ?

Награкали звучал еще более жестко в исполнении динамиков шлема боевой машины. За гулом дредноута и шипением вокса Маго все еще слышал отголоски голоса, который никогда не перестанет будоражить его кровь. Несмотря ни на что, он поймал себя на том, что улыбается. Как и Гхир...

– Гхир, – произнес имя убитого полководца Маго.

– Неумелый стратег, но достаточно ловко обращающийся с топором, – пуленепробиваемый шлем дредноута с визгом двигался, разглядывая центуриона. – Он подходит тебе.

– Благодарю тебя, господин, – сказал Ценурион. – Нам с тобой нужно поговорить.

– И так... – прогремел дредноут. – Теперь ты ведешь Непреклонных?

Лорке сделал свой первый тяжелый шаг с платформы, и по палубе пробежала дрожь.

– Ты был сержантом, когда я видел тебя в последний раз. Ты все еще пытался понять, за какой конец нужно держать топор, – прогремел дредноут, медленно шагая по комнате. – Каждый раз, когда они будят меня, я узнаю все меньше и меньше от прежнего Легиона. Полагаю, что это правильно – ведь Легион сильно меняется, особенно сейчас...

– Вот почему я здесь, господин, – кивнул Маго. – Речь пойдет об Ангроне.

Центурион пересказал все события, произошедшие с тех пор, как старый Пес Войны в последний раз был выведен из стазиса. Он поведал ему о прошлых кампаниях, сражении на Генне и о ухудшении состояния примарха, которое закончилось бойней в Триумфальном Зале. Лорке слушал все это молча, если не считать грохота силовой установки дредноута.

Лорке пал за три десятилетия до Нуцерии в битве, что сломала хребет империи зеленокожих, поработившей семь звездных систем. Могучий воин был образцовым лидером, и в Легионе не было никого равного его выдающимся способностям: он был гением тактики, что всегда первым вступал в бой и

последним его покидал. Он был истинным предводителем и полководцем – тем, кто всегда вдохновлял своих братьев и вел их к победе. Когда Лорке вытащили из горы трупов зеленокожих, на которой лежал изломанный труп мерзкого орочьего полководца, он был при смерти, но его можно было спасти, поместив в дредноут. Магистр стал живым мертвецом, заключенным в бессердечную машину, и когда XII-ый был преобразован, саркофаг героя оставили окрашенным в цвета Псов Войны – таким образом Легион воздал ему почестил, даровав титул первого командира ходячих мертвецов.

Маго не мог удержаться от мысли, что все могло бы сложиться иначе, если бы Лорке не пал в тот день. Если бы Лорке, а не Гхир предстал перед Ангроном после Де'шеа... Неужели судьба Легиона была бы другой?

– И что ты собираешься делать? – спросил дредноут, когда Маго закончил.

– Будущее Легиона повисло над краем пропасти, – ответил центурион. – Если это случится... если мы получим Гвозди, то не будет пути назад. Останется лишь дорога, что приведет нас в неизвестность.

– Нет, – возразил древний магистр. – Ты ведь знаешь, к чему она приведет... к чему приведет нас Ангрон.

– Он наш примарх, – Маго опустил глаза на палубу. – Я преклоняюсь перед ним и боготворю его превыше любой другой души, но отец ведет нас неверному пути. Я не могу принять его планы с тем благоговением, которое внушает мне его присутствие. История запомнит это как момент, когда мы выбрали нашу судьбу...

– Люди, что пишут о нашей истории, никогда не передают события такими, какими они были на самом деле, – возразил Лорке. – Они пишут только то, что хотят показать. Подумай, о чем ты говоришь. Ангрон – не Жиллиман, не Вулкан. Он не принимает споров и не терпит вызова. И все же ты рискнул и открыто пошел против того пути, который он выбрал, когда в него вбили эти импланты.

– Я не вижу в них ничего, кроме яда, – сказал Маго. – Я не могу согласиться с тем, как он калечит Легион. Это неправильно.

– Я говорю не о том, верны ли его действия, – Лорке сжал свои массивные кулаки. – Я говорю о том, что мы можем стать первым Легионом, восставшим против своего примарха. Я говорю об океанах крови, которая прольется так же точно, как и то, что солнце восходит каждый день. Дважды Император уничтожал свои творения... каждую живую душу в легионах, что следовали за ним! Не сомневайся... Пожирателям Миров не избежать этой участи.

– Тогда что же нам делать? – растерянно спросил Маго. – Если неповиновение Ангрону вызовет гнев Императора, то как он отреагирует на целый Легион с Гвоздями?

Лорке ответил не сразу. Он посмотрел на когти своих железных кулаков, прежде чем ответить Маго.

– Не могу сказать, что понимаю ход Его мыслей. Все, что я могу – вспомнить, каким Он был на Terre. На что Он пошел и что Он желал от нас, чтобы добиться Единства. Пока галактика не находится под Его контролем и Его амбиции не будут осуществлены... не знаю, будет ли Владыка Человечества волноваться о средствах, которые он использует, чтобы достигнуть своей цели.

– А ты как думаешь?.. – прошептал Маго. – Как ты думаешь... быть может, с Гвоздями нам действительно будет лучше? Все станет проще... Все эти сомнения, чувства... как ты думаешь, они смогут забрать их?

– Смогут, – прогремел Лорке. – Но ты должен задать себе вопрос: если Гвозди это сделают, что останется на их месте?

Никто из них не произнес ни слова. Вопрос повис в воздухе.

– Я думаю... – Лорке остановился и начал отворачиваться от своей платформы.

– Я пока не буду погружаться в сон. Я хочу стать свидетелем этих событий.

– Конечно, – сказал Маго, опуская голову.

– Поговори с братьями, Маго, – прогрехотал древний магистр. – Узнай, что они чувствуют, ибо если ты решишь восстать против примарха, то тебе понадобятся союзники.

– Я могу тебя считать одним из них, господин? – спросил центурион.

– Только если ты перестанешь меня так называть, – проворчал Лорке.

Он вращал своими механическими руками так, будто человек, пытающийся размять свои конечности. Из саркофага доносилось тихое рычание шестеренок.

– Черт бы побрал этот холод, – прошептал Лорке.

– Можно ли что-нибудь сделать, чтобы уменьшить боль? – спросил Маго.

– Боль... – Лорке задумался над этим словом. – Боль, мой юный брат – это все, что у меня осталось.

***

Гахлан Сурлак вошел в свою лабораторию глубоко в сердце «Завоевателя». Переборка с грохотом захлопнулась за спиной. Лаборатория аптекаря простиралась перед ним, представляя собой огромное помещение, перестроенное из бывших хранилищ боеприпасов, необходимых для поддержания линкора типа «Глориана» в боеспособном состоянии. Он сам реквизирует часть помещений, снес перегородки и заменил поддоны с промышленными грузами на многочисленные наборы медицинского и технического оборудования.

Ряды стрекочущих когитаторов делили пространством с ящиками для медицинских жидкостей и банками для образцов. Адепты Механикум в красных одеяниях работали бок о бок с медиками-рабами, в то время как аптекарии Легиона объединили свои усилия с братьями в алых доспехах технодесантников. Расчеты были нацарапаны на стенах, чертежах и технических схемах, и почти все они были испещрены линиями густых красных чернил.

Сурлак вдохнул ледяной воздух лаборатории. Здесь он стремился создать союз между искусством аптекариев и тайнами священного Марса. Только благодаря такому сотрудничеству стало возможным осуществление цели всей его жизни – создание рабочей и стабильной копии Гвоздей Мясника.

Мёртвые Пожиратели Миров, только что доставленные с полей сражений на Генне, лежали на стальных плитах: их черепа были распилены, обнажая мозг. Гахлан лично оперировал воинов, удалив геносемя, чтобы в дальнейшем имплантировать его рекрутам, и ухаживал за их телами со всем почтением истинного брата. Даже после смерти павшие продолжали служить, и именно им предстояло стать отправной точкой для нового витка истории Легиона.

Вэл-Кхеридар ходил между командами генеторов, аугментистов и неврологов, и его длинные стебелеобразные ноги стучали по палубе. Магос отвечал за работу Механикум по созданию прототипов нейронных имплантов, тогда как внимание Сурлака было сосредоточено на симбиозе между их технологией и плотью XII-ого Легиона.

Если техножрец был сердцем всего предприятия, то аптекарий был душой.

Редкими были случаи, когда представители Марса открыто делились своими секретами и методами с кем-либо не из их скрытного ордена, однако Гахлану

Сурлаку удалось заманить Вэл-Кхеридара в свой союз, зная, что марсианин не сможет отказаться перед получением новых знаний и шансом бросить вызов невозможной задаче.

Вэл-Кхеридар был полностью увлечен созданием копии имплантов примарха, и этот интерес рос каждый раз, когда их постигала неудача. Было понятно, что магос не остановится в своих трудах, пока не одолеет задачу.

Сурлак молча прошел мимо жреца. Работая с марсианами, он уяснил, что они считали приветствия излишними. Они знали, кто находится рядом с ними, и поэтому не считали правильным тратить драгоценное время на вежливость. Магосы тратили свои усилия на разговоры только если кому-то из них нужно было перенять знания и чужой опыт.

Сурлак шел к последней из плит, на которой лежал рассеченный труп геннанского симулякра, который Кхарн принес для Ангрона. Также по приказу Гахлана с поверхности было собрано еще несколько тел, которые должны были быть препарированы для дальнейшего изучения. Сервиторы окружили неественно улыбающихся существ, сканируя и документируя каждый компонент их тела – эту информацию должны поместить в огромные центральные когитаторы лаборатории для обширного анализа под бдительным оком легионеров и техножрецов.

– Апотекарий, – обратился один из сородичей Гахлана, приближаясь. Он протянул свернутый белый свиток. – Я собрал и проанализировал самые последние находки.

– Благодарю, Бхир, – ответил Сурлак, переводя взгляд на пергамент. Его глаза сверкали, пока он быстро впитывал информацию, и одно из бровей изогнулось дугой от удивления. – Ты уверен в точности этих данных?

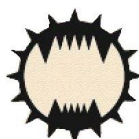
Бхир кивнул:

– Мы повторяли процедуру тестирования, описанную вами в протоколах, в соответствии с точными спецификациями, а затем повторно перепроверили окончательный результат девятью шесть раз, чтобы убедиться в точности. Каждый раз результат был одинаковым.

Гахлан снова посмотрел на свиток, перечитывая его содержимое, в то время как все остальные в лаборатории сосредоточили свое внимание на аптекарии.

– Соединение, что мы нашли... – Бхир отважился обратиться к Гахлану. – Что это значит?

– Я еще не знаю... что-то, – неуверенно ответил Сурлак, всматриваясь в лица подчиненных. – Возможно, все.

ПЯТНАДЦАТЬ

Шум «Завоевателя» вернулся, когда Маго поднялся на густонаселенные палубы флагмана. Его встреча с Лорке прошла не так, как он ожидал, оставив Пожирателю Миров больше вопросов, чем ответов. Какое право имеет Легион выступать против воли примарха? Как отреагирует Император и другие Легионы? Есть ли вообще смысл в этом противостоянии? Чего можно добиться, сопротивляясь Ангрону и его Гвоздям, когда, возможно, они никогда и не будут воспроизведены?..

– Здравствуй, центурион Непреклонных!

Маго вздрогнул. Оторвавшись от своих мыслей, он увидел, что стоит на одном из оживленных проспектов внутри «Завоевателя», что вел к вспомогательным стыковочным отсекам. Поначалу он не увидел лица говорившего, пока тот пробирався сквозь толпу смертных, но запах антисептика в воздухе дал ему ответ на вопрос о личности космодесантника.

– Аптекарий Сурлак, – протянул Маго нейтральным тоном, пытаясь скрыть отвращение. Из всех его братьев никто не был одержим безумием примарха больше, чем Гахлан. – Рад встрече.

Сурлак прошел через ряды смертных и сервиторов, приблизившись к Маго.

– Не знал, что вы вернулись на флагман, – произнес он.

– Я совещался с другими капитанами, – ответил Маго, – оценивал наше нынешнее положение и готовился к непредвиденным обстоятельствам. Как поживает примарх? Изменилось ли его состояние?

– После того, как твои библиарии ввели его в пси-кому? – усмехнулся Гахлан. – Да, изменилось, – он жестом пригласил Маго последовать за ним. – Пойдем, брат. Есть кое-что, что, думаю, ты бы хотел увидеть.

***

– Я видел достаточно этих существ! – прорычал Маго, глядя на хирургическую стойку с препарированным трупом геннанца. – И мертвых и живых!

– Не сомневаюсь, – ядовито улыбнулся Гахлан Сурлак.

Воздух в его лаборатории был холодным, и это место порядком испортило настроение центуриона 18-ой, особенно когда он увидел тела разрезанных и разорванных сервиторами боевых братьев, с которыми сражался бок о бок и видел, как они умирали в битве. Апотекарий обращался с ними так, как будто бы это были не их павшие товарищи, а подопытные кролики.

– Но я пригласил тебя не для этого, – прервал тяжкие мысли центуриона Сурлак.

Внимание Маго вернулось к Гахлану и клону, лежащему на плите. Череп геннанца был пронизан проводами, соединяющие его с рядом когитаторов, встроенных в дальнюю стену.

– Когда Кхарн впервые принес мне это, – Сурлак указал на труп, – я подумал, что это какой-то механизм. Поэтому мы попытались изучить его, как и любую часть утерянных технологий – разумеется, под полным контролем. Мы пропустили через него электрический ток, пытаясь восстановить энергию, и как только мы это сделали, то обнаружили, что-то... сигнал. Псионический по своей природе...

– Мыслящие машины, – с отвращением процедил Маго. Несмотря на нечеловеческий вид марсианских техножрецов, всему разрозненному

человечеству были противны мыслящие механизмы, которые причинили так много страданий в темные века.

– Они являются машинами, и это правда. Но воля, которая ими повелевает, нет. Изучая сигнал, который ей управлял ей, а также анатомию этого существа, мы пришли к выводу, что геннанцы не просто автономные механизмы, маскирующиеся в человеческой оболочке – нет, это существа, чьи мысли и движения контролируются дистанционно человеческим разумом. Возможно, один человек способен контролировать сотни или даже тысячи этих существ, если отдаваемые им приказы будут простыми.

– Например, стоять толпой между нами и городом... – тихо прошептал Маго.

– Точно, – улыбнулся Гахлан. – Все население – истинное население, – может состоять всего лишь из тысячи людей, но они контролируют миллионы. Это... потрясающе.

Маго вернулся мыслями к событиям в хрустальном куполе, где он встретил Охну и слова геннанцев, произносимые их странным общим хором, всплыли в его памяти.

– Отвратительно, – процедил центурион.

Гахлан фыркнул и засмеялся. Сухой смех сопровождался медленным покачиванием головы.

– Неужели, по-твоему, мы такие разные? Мы, как и они, были простыми людьми, превращенные в нечто большее гением Императора. Они же – технологиями, которые создала их цивилизация. И то, и другое – невероятные усилия науки и воли. Да к почему же только одни из нас заслужили презрения, капитан? Себя ты тоже считаешь мерзостью?

Маго был не в состоянии вступать с аптекарием в споры.

– И какое это имеет значение? – спросил он, скрестив руки на груди. – Это ничего не меняет.

– Если смотреть с этой позиции, то да, – согласился Сурлак. – Но для нас это революционная находка, которая поможет создать рабочие Гвозди Мясника.

От этих слов по телу Маго пробежал холодок.

– Объясни, – попросил центурион.

– Самая большая проблема, с которой мы столкнулись – не создание самого механизма, – начал Гахлан. – Эти технологии мало чем отличаются от тех, что используются нами при создании любых других трансплантатов и аугментики. Что у нас действительно тормозило, так это отсутствие шаблонов, по которым можно было понять, как связать механизмы Гвоздей с человеческим мозгом. Когда-то это было описано в Стандартных Шаблонных Конструкциях, но все они были потеряны во времена Долгой Ночи – как мы опасались, навсегда. И хотя кома примарха стала катастрофой, что повергла Легион в шок и смятение, она также дала мне полный доступ к его Гвоздям Мясника. Я смог тщательно изучить их и те улучшения, которые они подарили нашему господину, – с гордостью сказал Сурлак, глядя на Маго.

Центурион напрягся, услышав слова брата, назвавшего болезнь их генетического отца улучшениями.

– Охваченный небольшим прозрением, я сравнил данные, которые мы получили от клона и от Ангрона, и обнаружил, что они во многом совпадают. Мы считаем, что технология, используемая геннанцами, основана на той же СШК, что и улучшения примарха. Используя ее, мы наконец-то сможем воссоздать полностью работающие Гвозди, которые мы сможем внедрить по всему Легиону.

– Вы собираетесь использовать... это, – медленно процедил Маго, глядя на убитого андроида. – Использовать эту мерзость, чтобы создать репликант Гвоздей...

– Стабильный репликант, – поправил Гахлан. Он кивнул, взяв у слуги инфопланшет, и быстро просматривая его. – Да.

Тысячи мыслей мгновенно пронеслись в голове Маго. Это случилось. Гахлан открыл способ воссоздать Гвозди и обрушить проклятье на весь XII-ый Легион...

– Ты не можешь его излечить, верно? – с горечью промолвил Маго. – Излечить примарха... Если бы мог, то вы давно это сделали. Все ваши попытки удалить эти проклятые импланты и не дать им свести его с ума потерпели неудачу...

– Имплантаты не могут быть удалены, – спокойно ответил Гахлан. – Это убьет его.

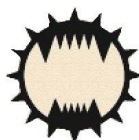
– Ты потерпел неудачу, – продолжал Маго, – и поэтому решил пойти по другому пути. Решил заразить всех нас тем же безумием...

Гахлан осторожно положил инфопланшет, полностью сосредоточив свое внимание на Маго.

– Если ты имеешь в виду исполнение приказов нашего генетического отца, созданного самим Императором, родителя, который управляет судьбой всего Легиона – то да.

Сурлак шагнул ближе к Маго. Их напряженное дыхание смешалось с холодным воздухом помещения.

– Это война, а мы всего лишь солдаты. Солдаты подчиняются приказам, которые им дали – и неважно, насколько они не оправданы. Даже те из нас, кто не согласен с этим, те, кто не смеет называть нас «воинами» из-за кого то ложного чувства высокомерия должны подчиняться воле своего повелителя. Он наш полководец, и выполняю свой долг, Маго. Мы делает то, что он говорит сделать. Мы берем то, что он дает нам – и он дал нам Гвозди...

ШЕСТНАДЦАТЬ

Ангрон просыпается, вздрогнув от кошмарного сна. Ему кажется, что он качает головой, хотя в самом деле она недвижима. Рык вырывается из горла юного примарха, когда он осознает, что его состояние – это последствия наркотических транквилизаторов, используемых Высокими Всадниками. Его тело растет, и тюремщикам приходится закачивать все больше опасных наркотиков в его кровь, чтобы лишить сознания.

Вокруг него ритмично пульсирует приглушенный грохот. Ангрон хочет вытянуться, чтобы избавиться давления чего-то тяжелого, но не может. Тошнотворное зловоние наполняет горячий и влажный воздух. Его глаза открыты, но он почти ничего не видит, кроме дрожащего красноватого мрака.

И тогда юный примарх понимает, что стены движутся в такт грохоту – это сердцебиение.

Он находится внутри чего-то живого.

– Ангрон, – он слышит слабый голос, доносящийся снизу. Дрожащая рука отчаянно хватается его: он узнает голос – это один из гладиаторов, что живут с ним в пещере.

– Хекс, – Ангрон напрягается, пытаясь оттолкнуть скользкие дрожащие стены. Все, что он может видеть – голову и плечи воина под собой.

– Это червь, – стонет Хекс. – Они засунули нас в чертового червя!

Ангрон ранее слышал об этом. Властители Де'шеа любят усыплять рабов и скормливать их живьем одному их колоссальных морских червей Нуцериин. У очнувшихся внутри существа пленников есть всего несколько минут, чтобы успеть освободиться, прежде чем они умрут от удушья, пока Высокие Всадники смеются, пьют и делают ставки.

– У нас нет оружия, а шкура червя тверда, как камень...

Крик разочарования срывается с губ Ангрона. Его пальцы отчаянно царапают слизистую оболочку желудка, пытаясь найти слабое место или опору, от которой можно бы было оттолкнуться. Внутри становится все жарче, а воздуха – меньше. Ангрон все чаще задерживает дыхание, чтобы сохранить кислород для Хекса.

Он не может найти ничего, за что можно бы было ухватиться: ни старого ирама, который можно было бы разорвать, ни язвы, в которую можно было бы впиться пальцами. Ангрон смотрит вниз: Хекс изо всех сил пытается оставаться в сознании. У них остается один вариант – они должны попытаться выбраться через пасть...

– Держись за меня, – хрипит Ангрон. Он наклоняется и мягко берет Хекса за талию. – Держись за меня, Хекс...

Гладиатор сжимает руки, прикладывая все силы, чтобы держаться за Ангрона, пока юноша пытается осуществить их побег. Примарх извивается, кряхтя от напряжения, пока он карабкается вверх по пищеварительному тракту существа. Его окатывает едкая желудочная кислота, но он отгоняет

боль от покрытой ожогами плоти, полностью сосредоточившись на том, чтобы дюйм за дюймом ползти вперед.

Несколько раз Ангрон чувствует, как слабеет хватка Хекса, но все же гладиатор находит в себе новые силы и держится за него. Примарх понимает, что времени у них мало...

Впереди мелькает тусклая полоска света: тонкая ярко-красная линия, отмечающая промежуток между челюстями червя. Надежда на спасение наполняет мышцы примарха новыми силами, удерживая от падения во тьму забвения.

Собственное сердцебиение звучит в ушах Ангрона так громко, что почти заглушает грохот сердца сожравшего их левиафана. Он заставляет себя ползти дальше, скользя вперед и хватаясь за любой выступ. Примарх отказывается принять жгучую боль, исходящую от плоти. Еще немного и он освободится...

Совсем немного!..

Свет проникает сквозь рвущуюся плоть, а гной брызжет в разные стороны, когда Ангрон разрывает челюсти зверя. Червь сопротивляется, кости в его жвалах трещат, когда он сжимает пальца Ангрона, ломая их. Но примарх не сдается, и толпа ревет, когда ее обожаемый гладиатор выбирается их воющей пасти червя. Примарх жадно глотает воздух, падая на песок, словно выброшенный на сушу человек. Он тянется назад, вытаскивая Хекса из червя. Тварь все еще бьется и извивается в предсмертной агонии.

Ангрон кладет воина на спину, но Хекс не шевелится. Руки примарха припадают к шее гладиатора, чтобы нащупать пульс, но его нет. Ангрон убирает слизь и кислоту с губ своего брата, очищая его дыхательные пути, и массирует грудную клетку Хекса, пытаясь заставить его сердце возобновить перекачку крови.

– О-о-о! – говорящие сферы спускаются вниз и окружают его. – Ангрон Тхал'кр пытается оживить хваленого Хекса! Сможет ли он это сделать? Победит ли он и вытащит ли своего собрата из пасти смерти? Готовьте свои монеты, друзья! У нас новые ставки – и на что будете ставить вы?

Юноша не слушает садистские издевки Всадника и лай кровожадной толпы. Он продолжает попытки сохранить жизнь Хекса, стимулируя его сердце и дыхательные пути. По спине Ангрона пробегает холодок, когда он видит, как жизнь покидает его брата. Кровь отливает от лица Хекса, а его губы становятся бледно-голубыми, как у мертвецов...

Ангрон опускается в горячую пыль. Песок перемешивается с кровью и слизью, покрывая его серовато-розовой пленкой. Он тянется к Хексу, убирая грязь с лица брата, чтобы закрыть его глаза.

– Увы, провал! – заходятся Высокие Всадники под вопли приветствий и оскорблений толпы. – Ангрон не смог спасти Хекса от смерти! Его ножи больше не вкусят крови для вас, дорогие друзья! Победители забирают выигранные, проигравшие платят долги!

***

– Я не смог спасти его, – тихо говорит Ангрон. Он хрустит суставами пальцев и смотрит на Ономай, пока старый боец разрывает тунику, чтобы перевязать раны юноши. – Хекс... я не смог спасти его.

– Они не хотели, чтобы ты его спас, – отвечает Ономай. – Для Верховых Всадников наша жизнь – ничто. Единственное, что им нужно – радость от зрелища того, как мы сражаемся и умираем. Только и всего...

Ангрон остановил своего наставника, не давая перевязать ноющий ожог. Глубокие раны каким-то образом всегда исчезали сами, несмотря на то, что были бы смертельными для любого другого воина, заживая ровными бледными полосами.

Внимание Ангрона привлекли всхлипы. Он всматривается в полумрак пещеры и видит юношу со свежим клеймом работаровца, дрожащего на земле.

– Джокура, – говорит Ономай. – Вчера мальчик впервые побывал на Красных Песках и едва выжил. Как и все мы, теперь он боец, но не может убежать с арены даже во сне...

Ангрон встает, и, перешагивая через спящих рабов, направляется к Джокуре. Примарх смотрит вниз на юношу, дрожащего в позе эмбриона. Лоб молодого раба лоб блестит от пота.

– Оставь его в покое, – говорит Ономай, вставая рядом с Ангроном. – Ему придется привыкнуть к мучениям, если он хочет выжить.

Медленно опустившись на колени, Ангрон положил руку на плечо мальчика с нежностью и осторожностью, какую нельзя было ожидать от человека его размеров. Примарх закрывает глаза, и Тэтус чувствует боль мальчика, как свою собственную: жар, клинки, крики и брызги горячей крови... Ангрон на мгновение вздрагивает, и мальчик замирает. Его всхлипы стихают, сменяясь глубоким сном.

Ономай удивлённо смотрит на Ангрона, когда гладиатор убирает руку.

– Что? – старик непонимающе глядит на затихшего мальчика и примарха. – Что ты сделал?

– Даже не знаю, – Ангрон покачал головой. Тэтуса переполняет трепет, от того, что он видел.

– Что ты помнишь из своего прошлого, Ангрон? – спрашивает Ономай. – Самое первое?

– Холод...

– Горной стужи?

– Нет, другой... – отвечает примарх, нахмурившись. – Это был неестественный холод. Холод металла, не камня... Там были голоса, потом свет, потом... – схватился за голову. – Я не могу вспомнить!

– Ты создан не для этого места, – тяжело вздохнув, говорит Ономай. – Откуда бы ты ни пришел, для чего бы ты ни был предназначен... ты не найдешь этого в стенах тюрьмы. Но однажды эти пещеры и эти цепи не смогут нас удержать... И тогда ты освободишься и найдешь свою судьбу, Ангрон.

– Моя судьба рядом с тобой, Ономай. С моими братьями и сестрами, что сражаются на горячих песках.

– Тогда и мы освободимся от Красных Песков, – сказал седой боец, улыбнувшись.

Другие рабы были свидетелями того, что Ангрон сделал для Джокуры. Они подползают к примарху: страх и подозрение, исходящие от них, смешиваются с

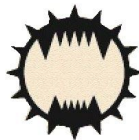
благоговением, желанием прикоснуться к чуду. Ангрон видит что-то странное в их глазах, что-то, чего он никогда раньше не видел...

Надежду.

В ту ночь они спали, положив руки друг на друга, и самым последним в этой цепи был Ангрон. Тэтус чувствует, как боль братьев и сестер мучает примарха, пока он принимает в себя их страдания.

Библиарий чувствует, как закаляется воля его молодого отца. Он смотрит на своих хозяев-мучителей и плачет кровавыми слезами, ибо знает, что грядет расплата. Вскоре он покинет эту пещеру и сметет Высоких Всадников с их позолоченных тронов. Он подарит своим братьям и сестрам свободу, даже если ему придется пролить океаны крови, но сегодня вечером он даст им все то немного, что его у него есть. Хотя бы на короткое время он дарует им отсрочку от пыток, что пожирают их жизни...

Придет утро и принесет горячую пыль, но до этих пор Ангрон будет страдать, чтобы дать своей семье хоть немного покоя.

СЕМНАДЦАТЬ

Один за другим воины поднимались на борт «Клыков Гончей». Они прибывали на шаттлах или боевых кораблях, а некоторые даже использовали телепорты.

Большинство были облачены в простые одежды без знаков отличия, с капюшонами, наброшенными на головы, чтобы скрыть их лица. Несколько человек прибыли в полном вооружении, дабы принести клятву исполнить свой долг.

Долг по спасению XII-ого Легиона.

Центурионы, капитаны и субкоммандеры почти трети рот Пожирателей Миров, находящихся над Генной, прибыли на зов Маго. Командир Непреклонных связался только с теми, в чьей верности он мог быть уверен: с воинами,

рожденными на Терре, чьим родным языком был готик, а не награкали, которые некогда шли в бой под знаменем Псов Войны.

Это были братья, которые не соблазнились силой Гвоздей Мясника.

Подобно вождям племен, они собрали военный совет в безлюдной части корабля Маго, где их ждал командир Непреклонных, Астакос и Ганно. Оронта Маго отослал на «Завоевателя», чтобы тот проследил за переправкой припасов для «Клыков Гончей». Это огорчало центуриона, но он слишком хорошо знал брата и не мог доверять ему, а поэтому приложил все усилия для того, чтобы чемпион не узнал о совете.

– Я собрал всех нас здесь, – начал Маго, когда прибыл последний из командиров. – С определенной целью. Голоса всех присутствующих здесь равны перед друг другом, а наши звания не имеют значения. Никто извне никогда не узнает о том, что сегодня будет сказано в этом зале.

Маго остановился, разглядывая Пожирателей Миров, заполнивших комнату.

– Я не буду попусту тратить ваше время. Со дня, когда мы нашли примарха, наш Легион балансирует у края пропасти. Ангрон давно требует, чтобы каждый из нас вбил себе Гвозди Мясника – те самые имплантанты, что мучают и сводят его с ума каждый день. Он не жалеет ресурсов, пытаясь как можно скорее воссоздать их, и все мы с замиранием сердца ждали, когда этот день наступит и их удастся воссоздать. И так... этот день настал.

Ропот пробежал среди собравшихся командиров. Воины обменивались напряженными взглядами, полными недоверия.

– И как ты об этом узнал? – спросил Каурагар, центурион 21-ой роты.

Маго кивнул командиру, указав на одного из космодесантников, что стоял в толпе.

– Это брат Бхир. Он аптекарий.

Астартес в белых доспехах вышел из рядов собравшихся и встал рядом с Маго.

– Я видел это собственными глазами! – заговорил Бхир. – Гахлан Сурлак нашел ключ для решения проблемы в телах геннанцев, с которыми мы сражались на Девяносто-три-Пятнадцать. Он проанализировал технологию управления клонами и нашел в них связь с имплантами примарха – и те, и другие созданы по чертежам древней шаблонной конструкции. Он использует полученные знания, чтобы воспроизвести Гвозди Мясника, которые можно будет безопасно имплантировать всем легионерам.

– То, что сказал Бхир, правда. Я видел это собственными глазами и слышал эту информацию из уст самого Гахлана, – прорычал Маго. – Клянусь, братья, все так и есть!

В течение многих лет Гвозди Мясника были угрозой, маячившей где-то на горизонте, но теперь она нависла над Легионом, и осознание этого посеяло раздор среди Пожирателей Миров: в зале поднялся гомон противоречивых выкриков.

– Если мы все вместе откажемся от Гвоздей, что Ангрон вообще сможет сделать? – спросил один из центурионов.

– Мы не можем на это пойти! – закричал другой. – Необходимо остановить Сурлака!

– Чего бы это не стоило... – мрачно прорычал сидящий рядом офицер Легиона.

– Если мы должны опустошить «Завоеватель» и уморить Ангрона голодом, сделав корабль тюрьмой – так тому и быть!

– Кто ты такой, чтобы принимать такие решения? – требовательно спросил Госс, сержант из 85-ой. – Император своими руками создал Ангрона. Откуда ты знаешь, что для нас это лучший выход?

– Никто не станет принимать решения единолично! – прогремел Маго. Он вскинул руку, требуя тишины. – Мы примем его все вместе! Но мы должны решить, что будем делать сейчас, пока мы еще можем повлиять на ситуацию!

Маго почувствовал, как все взгляды обратились на него, и продолжил:

– Если вы хотите узнать, что я об этом думаю, то скажу это здесь и сейчас: Легион не может принять Гвозди. Требования примарха, обратный отсчет, децимация наших собственных братьев... Отныне все это кончится!

Эксперименты Гахлана не доведут до добра, а Ангрон должен предстать перед Императором – если кто-то и может избавить нашего примарха от этого

ужасного устройства, то лишь Он. Я обсуждал это с Лорке, и он нас поддерживает.

– Ты был на борту «Завоевателя» и пробудил Первого без чужого ведома? – спросил Госс. – А где он сейчас? Почему он не с нами?

– Его присутствие здесь привлечет слишком много внимания, – пояснил Маго. – Это повлечет за собой риски для трети командования Легиона. Переправка Первого с «Завоевателя» обратит к собранию взоры тех, кто не должен о нем знать.

– А как же Кхарн? – Каурагар задал вопрос, тревожащий умы многих.

– Кхарн наш брат, – отозвался Маго. – Он величайший из нас. Если мы откроем ему глаза на правду и он узрит, что нож приставлен к горлу нашего Легиона, то выступит против Гвоздей вместе с нами.

– То есть... вы говорите о восстании, – подытожил Госс. – Заговор с целью свержения нашего собственного отца. Даже если бы это было возможно и мы бы смогли победить, что, по-твоему, произойдет на самом деле? Как думаешь, что сделает Император, когда мы приведем к нему Ангрона?

– Император создал нашего примарха, – ответил Бхир. – Он не может быть слеп к такому несчастью и должен понять, к чему Ангрон хочет нас принудить. Он должен помочь взять штурмом «Завоеватель»...

– Нет, – Маго решительно покачал головой. – Ангрон наш примарх, а это наш Легион! Бремя ответственности лежит на наших плечах, и мы не позволим Императору и его Кустодиям прийти и исполнить наш долг вместо нас. Мы должны сами привести его к Владыке Человечества!

– А что, если Император считает иначе? Что, если Он посмотрит на нас и решит, что Легиону не дозволено выступать против своего примарха вне зависимости от того сумасшедший он, или же нет?

– Тогда я предстану перед Его судом, – мрачно сказал Маго. – И я приму забвение, как верный сын – с открытыми глазами и непоколебимым разумом.

– Я родился на Терре, – обратился к собранию Астакос, заговорив впервые с начала совета. – Как и все здесь, я путешествовал по пустошам под Его знаменем, сражаясь от Его имени с того дня, как научился ходить. Мы убивали всех, на кого он указывал – даже тех, кто подчинялся ему. Мы свергали безумных и продажных тиранов, потому что таким людям не было места в Империуме, который Он строил. Все мы по сию пору связаны мечтой о будущем, и если мы не можем смириться с участью, что избрал для нас Ангрон, то должны наметить новый путь Легиона.

Слова знаменосца затронули собравшихся Пожирателей Миров. Центурионы кивнули, коротко склонив головы в ответ на его слова.

– Значит, решено, – прогремел Маго. – Мы будем действовать, чтобы спасти Легион!

– Но каким образом? – спросил Госс.

– Во-первых начнем с прототипа, который создал Гахлан, – сказал Маго. – Он должен быть уничтожен, а вместе с ним и все знания о его конструкции.

– Я сделаю это! – Ганно шагнул вперед. Доброжелательное выражение лица димахера сменилось, став жестким. – Скажи мне, что сломать, и я это сделаю!

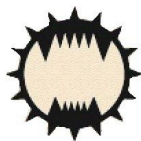
– Мы должны остановить Гахлана и уничтожить его работу, – продолжил Маго, рассматривая ряды братьев. – Те, кто попытается встать против нас, ослеплены силой примарха и его расположением, но помните – они все еще наши братья, и мы делаем это для их же блага! Мы должны сделать все с наименьшими жертвами – ибо по воле Ангрона братская кровь уже слишком долго пачкает наши руки!

Кулаки ударили по нагрудникам. Пожиратели Миров клялись перед друг другом, чтобы вместе бросить вызов будущему, в котором Гвозди Мясника грозили поработить их братьев.

Гордость поднялась в груди Маго. Дорога вперед была темна, и там их ждала горечь, но он сделает все, чтобы сохранить Легион.

– Ангрон все еще погружен в сон, – сказал центурион Непреклонных. Он взглянул на Бхира и аптекарий кивнул ему в ответ.

– К тому моменту, как наш примарх пробудится, – объявил Маго, – он уже будет на Терре подле Императора, чтобы получить помощь. И прежде чем Легион узнает о великом изобретении Гахлана, Гвозди Мясника и знания, необходимые для их создания, обратятся в пепел...

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Тэтус снова видит арену и горячие пески глазами Ангрона.

Снова яма, снова рев толпы, снова вкус крови, покрывающей его язык так сильно, что он больше ничего не чувствует...

Ономай стоит рядом с Ангроном: гладиаторы сражаются спина к спине против орды мутировавших звероловлюдей. Козлиные головы тварей выплевывают проклятия и оскорбления, а ноги топают раздвоенными копытами по красным пескам. Из двух дюжин гладиаторов, что вышли сражаться из пещер, остались лишь Ангрон и его наставник.

Видение колеблется. Время тянется, показывая горло воющего негодяя, разрезаемое топором Ангроном в ужасающе медленном движении... и вот звероловлюды уже лежат мертвыми, в то время как Ангрон и Ономай, раненые и истекающие кровью, торжествуют.

– Не отчаивайся, о мой народ! – полным веселья голосом зазывает металлическая сфера, с жужжанием опускаясь на поле боя к гладиаторам. – Это еще не конец сегодняшних состязаний! Ангрон Непобедимый и Ономай, Медведь Улл- Хаима, убили опасных и отвратительных зверей из южных джунглей, и теперь они, как и вы, мои друзья, заслуживают чего-то великолепного! Предлагаю вам особое состязание и возможность отыграть проигранные деньги! Удовольствие, которое не скоро забудется!..

Широкие двери арены распахиваются, и закованные в цепи рабы вытаскивают на Красные Пески потрепанные железные клетки. Ангрон напрягает слух, чтобы расслышать резкое дыхание и глубокое горловое рычание, исходящие от запертых внутри существ.

– Еще звери? – спрашивает примарх.

– Нет, – отвечает Ономай, не открывая глаз от камер, – кое-что похуже...

– Леди и джентльмены, простолюдины и знатные господа! – голоса, доносящиеся из похожих на глаза металлических сфер становятся громче, когда двери камеры открываются, а вытянувшие их наружу рабы разбегаются в разные стороны. – Мы представляем вам Тургедона и Кадера!

Толпа взрывается аплодисментами. Ангрону кажется, что трибуны словно бы наполняют волны, когда мужчины и женщины начинают подпрыгивать от предвкушения.

Двери арены закрываются, и примарх видит, как из темноты камер появляются две огромные, неуклюжие фигуры.

Гладиаторы, представившие перед Ангроном и Ономаем, были гигантами-абхуманами, сравнимыми по размерам с примархом. Они облачены в разномастные доспехи из толстого черного железа, усеянные шипами с нанизанными на них черепами и цепями, на которых виднелись остатки человеческой кожи. Один из них держал в руках два огромных топора, в то время как другой был вооружен шипастым шаром на тяжелой цепи, обмотанной вокруг его руки.

Они носили шлема-ремиссии с парой черных рогов, увенчанных лезвиями. Именно благодаря этому Ангрон понял, что воины слишком давно стали берсеркерами, и теперь их не интересует ничего, кроме крови. Все, кто носил ремиссии, были слишком жестокими и неконтролируемыми – они не могли жить среди других рабов. За пределами арены таких воинов приковывали цепями к клеткам, и ничто не могло утолить их жажду крови.

На арене они всегда проливают большое количество крови и дерутся исключительно в смертельных поединках...

Ангрон увидел стальные кабели, свисающие с их затылков под шлемами: металлические дреды, усиливающие агрессию, известные, как «Гвозди Мясника». Говорят, что импланты очищают разум от любых эмоций, оставляя лишь ярость, и мучают воина, заставляя его убивать.

Примарх с замиранием сердца считает черепа, свисающие с их потрепанных доспехов.

– Это Кадера... – говорит он Ономаю. – Ты говорил мне, что однажды он убил сотню гладиаторов, тела которых были сложены в такую гору, что берсеркер едва смог выбраться из-под нее...

– Он ужасен, – кивает наставник, – как и все те, кто был вынужден принять Гвозди. Воин, который хочет выжить, не сможет противостоять тому, кому безразлична смерть, – Ономай наклоняется к примарху. – Да, Ангрон, каждый воин хочет остаться в живых...

Старый воин делает шаг к берсерку и бьет клинком по щиту.

– Я желаю тебе удачи в грядущей битве и мира в забвении за ее пределами!

Из уст Кадера не вырывается ни слова. Рогатые берсеркеры дергаются и дрожат от имплантов, пронизывающих их разум. С ревом, который на мгновение повергает толпу в молчание, они бросаются в атаку.

Память о битве с Кадерой сжимается и деформируется, но Тэтус чувствует все ощущения, которые испытывает его отец. Они появляется мельком, как будто это предмет, который вытаскивают из-под воды, но тот соскальзывает обратно в глубины...

... он задыхается от боли, которая сотрясает его тело, когда один из берсеркеров хлещет его цепью в бок. Ужас наполняет Ангрона, когда он видит, как Ономай отчаянно борется, чтобы выжить. Тогда Тэтус замечает то, чего никогда не замечал в отце раньше: он видит, как его примарх сражается бок о бок с другим воином, нанося удары, рубя и блокируя смертельные выпады, предназначенные Ономаю. Ангрон не защищает себя – мысли о самосохранении уходят на задний план. Он сражается не в одиночку, как со своими сыновьями, а как единое целое со своим наставником...

Бой длился семнадцать минут. Семнадцать минут горячего насилия, полного крови. Тэтус теряет счет времени: бой балансирует на лезвии ножа, и любое действие может склонить ситуацию против Ангрона и Ономая. Берсеркеры непохожи ни на одного врага, с которыми прежде сталкивался примарх: они быстрые и сильные, лишённые уязвимых мест. Но Ангрона нельзя одолеть, и через семнадцать минут, когда голова последнего зверя падает на песок, генетический отец Тэтуса выходит из схватки победителем.

Ангрон помогает Ономаю подняться на ноги. Ветеран рычит от боли в раненой ноге, но он в состоянии встать. Толпа приветствует их ревом ликования: они стали свидетелями впечатляющего зрелища, ибо редко когда выпадал шанс увидеть побеждённым одного из берсеркеров. А узреть, как двое из них пали замертво – это поистине захватывающее зрелище...

– И все же, – слышится жужжание сферы, – жители Де'шеа остаются неудовлетворенными. Вы оба великие воины и любимцы толпы. Что скажете, мой народ? Увидим ли мы, кто сильнее в новой битве насмерть?

Люди Де'шеа ревут в знак согласия. Крови десятков людей и мутантов недостаточно, как и крови двух берсеркеров. Они хотят большего. Хотят, чтобы Ангрон и Ономай дали им этого...

– Нет!

Одно-единственное слово заставляет арену умолкнуть. Ономай оборачивается, глядя на юношу, которого он вырастил, как собственного сына, что встал против воли Высоких Всадников.

– Нет? – презрительно усмеваются сферы вокруг. Машины раздраженно потрескивают, кружась вокруг Ангрона. – Это не то место, Ангрон Тал'кра, чтобы ты мог говорить «нет». Сражайся и убей его самым эффектным способом, и тогда мы забудем о твоём неповиновении...

– Я не буду с ним драться, – говорит Ангрон. Он размахивает топором, и сферы разбегаются от него прочь. Примарх поднимает оружие, направляя его на позолоченные балконы, которые находятся на вершине арены. – Если вы так сильно хотите насытить этих людей кровью, то спускайтесь сами и встретьтесь со мной лицом к лицу! Или вам, высокомерным Всадникам, не хватает смелости?

– Ангрон... – предупреждает Ономай.

– Нет! – рычит примарх. – С меня хватит! Я всю жизнь убивал людей ради тех, кто отнял у меня все! Я не позволю им забрать и тебя тоже!

Ономай смотрит на Ангрона. Его покрытое шрамами лицо сияет от гордости. Широко раскинув руки, он поворачивается туда, где восседают их хозяева.

– Сражайтесь с нами! – старый воин бросает оружие на землю. – Мы не станем использовать оружие – мы разорвем вас голыми руками!

Толпа смеется. Никто никогда не видел, чтобы рабы в ямах оскорбляли и бросали вызов Высоким Всадникам. Солдаты на арене начинают крепче сжимать оружие: их глаза, как и глаза всех остальных, направлены на правителей Нуцери.

– Наглые псы! – вопят машины. – Ты смеешь думать, что высокородные правители запятнают себя, спустившись к грязным рабам? Нелепо!

Сферы спускаются вниз, электричество потрескивает вокруг их корпусов.

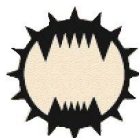
– Вы собаки, рожденные, чтобы проливать кровь за тех, кто лучше вас! Ваши жизни не имеют никакой ценности и никогда не имели! Псы! А пса, который не подчиняется своему хозяину, нужно перевоспитывать...

В толпе воцаряется тишина. Ангрон поймал себя на том, что смотрит на отрубленную голову убитого им Кадера и на импланты, сверкающие на его черепе...

– Прекрасные люди Де'шеа, и что же нам делать?

Арену заполняет рев. Одно-единственное слово на невучем языке нуцерианцев... Это слово Тэтус знает слишком хорошо. Оно пугает его до глубины души.

– Гвозди! Гвозди! Гвозди! Гвозди!

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Ганно и его брат бесшумно двигались по палубам «Завоевателя». Димахер вскинул кулак и остановил воина позади себя, когда они достигли дверей, ведущих в лабораторию Гахлана Сурлака.

Пара диверсантов не стала рисковать, пройдя по корпусу флагмана Пожирателей Миров, и войдя через вспомогательный служебный люк. Они прошли внутрь корабля и начали пробираться окольными путями к лаборатории.

Дверь входа во владения Сурлака была перед Ганно. Он посмотрел на своего брата и кивнул. Пожиратель Миров, чья броня была помечена красным, показывая его принадлежность к техnodесантникам, послал сигнал другому легионеру, который находился в генераторной корабля. Через несколько мгновений энергия на всей палубе отключилась, и лаборатория погрузилась в темноту.

Приглушенный лязг сигнализировал о том, что магнитная пломба, закрывающая дверь, отключилась. Быстро работая, Пожиратели Миров выскочили из коридора и начали поднимать закрытую переборку, ведущую в отсек. У них было всего пятнадцать секунд, прежде чем питание восстановится. Кряхтя от натуги, Ганно и технодесантник приподняли дверь ровно настолько, чтобы в нее можно было пролезть.

Адепт Механикум отскочил назад, завывая на бинарном наречии, когда легионеры появились в лаборатории. Звук резко оборвался, когда Ганно вонзил нож в спину адепта.

Пожиратели Миров разделились, рассыпавшись веером по всему залу. Они проскользнули мимо стальных плит, на которых лежали препарированные геннанцы и мертвые братья-легионеры. Не обращая внимания на ужасы вокруг, они искали центральные когитаторы, хранящие исследования Гахлана Сурлака и любые рабочие прототипы Гвоздей.

Ганно остановился рядом с стазисными постаментами, прислоненными к стене. Работающие от независимых источников энергии, они содержали в себе копии Гвоздей Мясника, которые создал Гахлан Сурлак. Красные полосы с показаниями, отмечали детали того, почему каждый из прототипов был неудачным – так было на всех, кроме последнего. Внутри постамента находился гребень из серебряных кабелей и подкраниальных позвонков, похожих на те, что были и у примарха.

Раздался мягкий щелчок керамики, когда Ганно ввел команду и открыл стазисное поле. Защитная кристаллическая оболочка, окружающая поле, отодвинулась, когда он потянулся, чтобы взять импланты в руки.

Все это произошло за пятнадцать секунд, пока включались резервные генераторы. Потолочные люмены ожили, предавая огромному помещению слабый сумрак и отбрасывая три тени на длинную стену.

Ганно обернулся, когда технодесантник рухнул на землю в судорогах. Воин хмыкнул, почувствовав, как что-то маленькое и острое укололо его шею.

– Здравствуй, димахер, – прошипел Гахлан Сурлак.

Ганно развернулся к аптекарию, но его зрение не могло сфокусироваться. Он протянул руку и вытащил дротик из шеи, растерянно посмотрев на него, пока глаза окончательно не потеряли фокус, и он не упал на колени.

– Неплохо, не так ли? – сказал Гахлан. – Фабий из Третьего поделился со мной этой восхитительной смесью, когда мы с ним виделись в последний раз. Конечно, он надоедливая мелкая букашка, но никто не сможет отрицать факт того, что он талантливый алхимик.

Гахлан опустился на колени подле Ганно, наблюдая, как крошечные черные паутинки набухают на плоти Пожирателя Миров.

– Пока мы говорим, твои сердца разлагаются, так что ты должен успеть мне рассказать, с какой целью пришел сюда.

Ганно ничего не ответил, подавив кашель, когда черная пена начала забивать его горло, и поднялся на ноги.

– Ах, верный до самого конца! – Гахлан склонил голову набок. – Ну, по крайней мере, своему центуриону, да? Что сказал тебе Маго, посылая сюда? – аптекарий тяжело вздохнул. – А я-то надеялся, что продемонстрировав ему свои изыскания, смогу избежать чего-то подобного. Но он еще поймет всю глупость своих действий...

Ганно снова начал падать на колени. Гахлан протянул руку, удерживая космодесантника в вертикальном положении. Димахер вытащил из-за пояса нож. Пальцы не слушались его, и клинок со звоном упал на палубу. Гахлан издал короткий смешок, полный усталости.

– Ты все еще не понимаешь, что мы здесь делаем, не так ли? Ты думаешь, что убьешь меня, разрушишь дело всей моей жизни, но что потом? Ангрон передумает? – Гахлан отдернул руку и Ганно упал на четвереньки.

– Я многое узнал, создавая Гвозди Мясника, – продолжил аптекарий, медленно обходя своего поверженного брата, – не только о примархе, но и о нас. Каждый из нас, Ганно – ты и даже я сам, – все мы подобны несовершенной головоломке. Не потому, что нам не хватает чего-то, нет... потому, что у нас слишком достоинств. Мы отправились к звездам, чтобы завоевать и очистить галактику от всех, кто бы мог противостоять Империи, но нас подавляют остатки нашей

человечности. Они сдерживают нас... нерешительность, совесть, желание выжить. Такие вещи не способствуют нашим завоеваниям, они только мешают...

Гахлан умолкнул и улыбнулся.

– Гвозди сметут это все. Надоедливые следы человечности будут вырезаны. Все, что останется – это ярость. Ярость, которая покорит галактику...

Ганно попытался дотянуться до аптекария, но его руки бессильно повисли и димахер потерял равновесие, растянувшись на палубе.

– О, Ганно... – Гахлан покачал головой. – Ты подобен затупленному мечу, который в своем невежестве противостоит точильщику, чтобы не стать острее, не стать отточенным и совершенным! Этого никогда не понимал Фабий и его позолоченные братья – совершенство не связано с телом или даже умом... Совершенство – это состояние, которое может достичь только душа, и, мой бедный, мой невежественный брат, в ярости и есть совершенство! И ты, и Легион – все наши братья его испытают!

Ганно пытался встать и Гахлан подхватил его, удерживая в вертикальном положении. Он навис над димахером, внимательно наблюдая за тем, как темнеют кровеносные сосуды на шее воина.

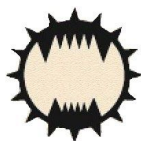
– Токсин непременно убьет тебя, – сказал Сурлак. – Но мне интересно... – одна из механических рук аптекария склонилась над его плечом, и сверло с алмазным наконечником зажужжало, оживая. – Интересно, до какого предела боли ты сможешь дойти и не выдать своих сообщников?

Бур двинулся вперед, приближаясь к его Ганно, и Сурлак продолжил говорить:

– Что сказал бы примарх, если бы он был здесь? Я совершенно уверен, что он бы убил тебя...

– Тебя остановят! – прорычал димахер. – Будущее, которого ты так яростно желаешь, не сбудется. Мы уничтожим его!..

– Нет-нет-нет, брат, – Гахлан улыбнулся, когда сверло медленно опустилось в глаз его брата. – Потому что именно это будущее уничтожит тебя.

ДВАДЦАТЬ

Маго окинул взглядом ряды легионеров, собравшихся в Триумфальном Зале.

Командиры и чемпионы рот были в срочном порядке вызваны на «Завоеватель». Маго повиновался и прибыл, оставив Астакоса командовать «Клыками Гончей», и встретился с Оронтом, который уже находился на борту флагмана по приказу центуриона.

Напряжение сковало Маго, и он не мог сосредоточиться. Офицер не получал от Ганно никаких новостей с тех пор, как отправил димахера на рискованное задание. Не для того ли был проведен сбор, чтобы объявить об уничтожении лаборатории? Кто их созвал? Неужели примарх очнулся?..

Командиры разом обернулись, осматривая новоприбывших. Дверной проем открылся, и в нем показался ликующий Гахлан Сурлак. Сердце Маго окаменело. Улыбка аптекаря и сервитор, следовавший за ним с защищенной стазисной шкатулкой в руках, говорили о том, что попытка уничтожить импланты провалилась, а Ганно был мертв.

Рука центуриона опустилась на рукоять топора. Как бы он этого не хотел, но теперь ему придется открыто выступить и начать войну, чтобы Гвозди не распространились по Легиону...

– Братя, – обратился Гахлан Сурлак, – спасибо всем за то, что вы так быстро прибыли на флагман!

Аптекарий прошел между рядами Пожирателей Миров, поднялся на помост, и повернулся к собравшимся воинам.

– Наше последнее сражение, битва за возвращение мира
Девяносто-три-Пятнадцать в лоно Имперіума, дорого нам обошлось. Мы
потеряли многих братьев, а узы верности утратили былую силу.

Гахлан прервался и окинул взглядом ряды космодесантников. Его улыбка почти незаметно вздрогнула, когда он встретился взглядом с Маго.

– Наш примарх лежит в коме, а мы, его дети, пребываем в неопределенности. Каждый из нас борется, дабы обрести единство и найти правильный путь для Легиона. И сегодня, после многих лет поисков, я дам вам этот путь. Я принес вам это единство!

Апотекарий кивнул, и сервитор, стоявший рядом с Гахланом, открыл стазисную шкатулку, обнажив пучок серебряных кабелей и цепей, висящих в энергетическом поле.

– Смотрите! – воскликнул Гахлан. – Гвозди Мясника! Стабильная копия имплантов нашего примарха готова для использования Легионом!

Триумфальный Зал погрузился в тишину, нарушаемую только шепотом, пока Пожиратели Миров осмысливали чудовищное достижение апотекария. То, что так долго было всего лишь мечтой, обещанием, которое грозило никогда не исполниться, ныне осуществилось, и отныне XII-ому Легиону уже никогда не суждено было стать прежним...

– Остается только один вопрос, – продолжил Гахлан, – кто будет первым?

Маго обменялся торопливыми взглядами с ближайшими командирами, которым мог доверять. Их руки сомкнулись на оружии. Оронт с тревогой посмотрел на центуриона. Если они хотят положить этому конец, то должны действовать немедленно...

– Я это сделаю.

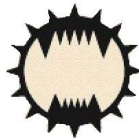
Маго замер. Он повернулся в сторону говорившего. Кхарн шагнул вперед и встал перед Гахланом Сурлаком. Капитан восьмой роты снял шлем и уставился на апотекария холодными голубыми глазами.

– Я готов, брат. Дай мне Гвозди.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ МОЛОТ И ГВОЗДИ

«Как только Ангрон получил власть над нами, мы перестали быть теми, кем желал видеть нас Император – мы стали оружием нашего примарха. Как Он не смог предвидеть грядущего безумия? Когда Он упустил это? Или ему было все безразлично, пока мы проливали кровь, чтобы расширить Его царство? Если вы и осуждаете путь, на которой встал XII-ый Легион, то вся вина должна быть возложена на Трон Терры... ».

– **Кхарн, капитан восьмой штурмовой роты, неопубликованный трактат «Восемнадцать Легионов».**

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Много лет спустя сигнал тревоги охватил весь XII-ый Легион.

Оповещение раздавалось на каждом корабле и в каждом экспедиционном флоте, где сражались Пожиратели Миров, и везде звучал один и тот же вопрос:

– *Примарх у вас на борту?*

Командиры всех кораблей прочесывали палубы, отбросив обязанности ради поисков своего отца. Пожиратели Миров проверяли каждый проход, зал и кладовую, освещая темные углы, что не видели света в течение десятилетий. Но никто из них так и не нашел Ангрона...

После тщательных проверок и сканирования кораблей, находящихся в распоряжении XII-ого Легиона, было обнаружено отсутствие одного фрегата.

Ангрон исчез.

Кхарн передал командование оставшимся флотом другому старшему офицеру, а сам, взяв три самых быстрых фрегата, отправился на поиски, пообещав, что вернется или с отцом, или же не вернется вовсе.

Прошло два года. Два года прыжков в варп, отслеживания следов, оставленных после перемещений кораблей флота, и мониторинга ауспик-трафика. Два года, прежде чем Кхарн найдет мир, на орбите которого находился «Опускающийся клинок».

Фрегат был подобен гробнице: его палубы были лишены света, а реактор стал совершенно холодным. Кхарн и его братья двигались по кораблю, быстро прочесывая каждый коридор и проход в поисках своего отца, но все, что они находили – это тела.

Имперские военные корабли, такие как «Опускающийся клинок», были сконструированы, чтобы функционировать как часть крупного флота – особенно это касалось малых кораблей сопровождения. Фрегат же такого размера мог какое-то время работать автономно, но два года – это достаточно долгий срок, за который кончаются все припасы, необходимые для поддержания жизни судна и экипажа.

В коридорах и жилых отсеках корабля в безмолвном покое лежали трупы истощенной команды. Отряды Пожирателей Миров, обыскивающие внутренние отсеки, воксировали Кхарну, что все запасы продовольствия и питьевой воды на судне были исчерпаны около четырех месяцев назад. Из живых на борту фрегата остались лишь сервиторы, которые поддерживали жизнеспособность корабля, а большая часть смертного экипажа исчезла, хотя воины Кхарна определили, что некоторые спасательные капсулы фрегата были выброшены за борт.

Стоя на мостике, который был таким же безмолвным, как и остальные отсеки судна, Кхарн приказал своим братьям вернуться на корабли, чтобы скоординировать перераспределение флотских команд и рабов, необходимых для активации фрегата до рабочего состояния, дабы вернуть звездолет в Легион.

Пока разыгрывался этот логистический балет, Кхарн на своей «Грозовой птице» спустился на поверхность планеты, усеянной густыми джунглями и колоссальными горными хребтами. Это было единственное место, где он мог попытаться найти отца. Последнее место, где мог быть Ангрон...

Когда-то Кхарн приказал кузнецам Легиона, трудившимся вместе с адептами Марса над созданием доспеха Ангрона, установить отслеживающие датчики в сочленения бронзовых пластин брони. Это была страховка на случай, если их отец потеряет контроль и исчезнет в глубинах «Завоевателя» – таким образом, Легион всегда смог бы его отыскать. По мнению центуриона, эти действия были сродни предательству – таким образом он надзирал за свободой примарха, чувствуя себя не столько сыном, сколько тюремщиком, и все же, к своему стыду, Кхарн пошел на это решение.

С небольшим отрядом братьев центурион прокладывал себе путь через душные джунгли, покрывающие поверхность планеты. Его глаза не отрывались от ауспика, звенящего в руке. Устройство пульсировало все сильнее по мере приближения легионеров к примарху, и вскоре Пожирателям Миров больше не требовалось рубить первобытную растительность – путь уже был расчищен.

Воины зашли в самое сердце джунглей, двигаясь по хорошо утоптанной земле. Навес из крон деревьев скрыл небо над головами, погрузив их в сумерки. Растительность была настолько густой, что Кхарн не мог с уверенностью сказать, был ли день, или же стояла ночь, когда они добрались до пещеры.

Неровный вход зиял перед ними так, словно какое-то огромное существо, о существовании которого Пожиратели Миров ничего не знали, пробило его в основании горы. Отверстие возвышалось над Кхарном – оно было достаточно высоким, чтобы через него прошел титан класса «Гончая». Легионеры смотрели в зев пещеры и ничего не видели – она была погружена в полную темноту.

Кхарн опустился на одно колено у входа. Его пальцы коснулись отпечатка, оставленного в земле. След был огромным, но можно было безошибочно сказать, что он принадлежал человеку. Центурион принялся, вдыхая аромат горячих камней и растительности, и уловил запах крови.

– Ждите здесь, – сказал Кхарн, жестом приказав своим братьям оставаться снаружи. Он снял шлем и положил его рядом с ауспиком, но топор оставил при себе.

Их отец никогда не уважал людей, у которых отсутствовало оружие в руках.

Темнота пещеры окутала Кхарна, когда он вошел внутрь.

Странное глухое эхо отражалось от гладких каменных стен. Каждые несколько секунд с концов сталактитов, висевших гроздьями над его головой, падали капли воды.

Бесчисленное количество туннелей разветвлялось перед центурионом, уходя во всех направлениях, ведущих через гору. Впрочем, проход, по которому направится Кхарн, выбрать было легко – из всех возможных путей он пошел по тому, что был усыпан костями.

Кхарн двигался вперед, перешагивая через груды ребер и черепов, стараясь не сломать ни одного из них саботонами. В том, как они были расставлены, был какой-то странный порядок, словно это была дикая племенная святыня, возведенная во славу ужасного бога.

Эхо становилось все громче и протяженней по мере того, как центурион шел вперед. Оно прервалось, когда он зашел в огромную пещеру. Глаза Кхарна без труда видели во мраке, но даже им было тяжело разглядеть, что находилось в глубинах огромного грота. Рифленые колонны сталагмитов поднимались вверх, словно ряды каменных преторианцев, нависая над небольшой горой костей, заполняющей центр пещеры. В этом жутком строении было свое величие – центурион будто бы оказался в усыпальнице или же в тронном зале.

– Я знал, что они пошлют тебя, Кхарн, – прогремел голос с вершины огромной груды костей. – Я знал, что куда бы я не направляюсь, то однажды я найду тебя там.

Облегченный выдох вырвался из груди Кхарна, когда он услышал речь своего отца. Центурион лихорадочно думал, что сказать примарху о том, что произошло после его исчезновения – о выигранных битвах и заслуженных почестях, – но отбросил эти мысли.

Он должен был задать Ангрону один-единственный вопрос...

– Почему?

– Здесь нет людей, – отозвался Ангрон, когда Кхарн осмотрел разбросанные кости. – Во всяком случае, цивилизованных – только племена. Примитивные существа, которые приносят мне кости своих жертв и рассказывают о монстрах... – примарх указал на огромный череп, на котором он восседал, и с

нежностью провел рукой по грязному клыку мертвого зверя, – о монстрах для меня... чтобы я охотился, как в старые времена...

– Нет, – Кхарн покачал головой. Он сделал шаг вперед и остановился у подножья горы. – Ангрон, почему ты здесь? Почему ты покинул свой Легион?

– Я не думаю, что у этого мира есть имя, – примарх проигнорировал сына. – Это не первая планета, на которой я побывал. Я был более чем на дюжине за последние годы... Все брожу по их поверхности, пытаюсь найти кого-то достаточно сильного... того, кто сможет убить меня.

– Убить тебя? – центурион прищурил глаза.

– Да, Кхарн, – нетерпеливо пояснил Ангрон. – Убить меня. Меня здесь не должно быть...

Кхарн открыл было рот, чтобы заговорить и заставить своего генетического отца одуматься, но слова никак не шли к нему в голову. В темноте пещеры повисла тишина.

– Если ты хочешь умереть, – сказал, наконец, Кхарн, чтобы нарушить молчание, – почему бы просто не взорвать варп-ядро на «Опускающемся клинке»? Почему не закончить все в один миг?

– Потому что они умерли не так! – взревел Ангрон. Он фыркнул, вытаскивая кровавые сопли из разбитого носа. – Меня не было там, когда это случилось, но... но я знаю. Знаю, как моя семья, моя настоящая семья, встретила свой конец...

Ангрон поднял грубый топор с рукоятью из дерева, измазанный кровью огромного хищника, хлопнув кулаком по каменному лезвию.

– С оружием в руках и кровью врага на лицах они выпускали последние вздохи, уходя в небытие с отвагой и честью. Я должен был там умереть, Кхарн... с ними.

Дыхание примарха замедлилось, когда он посмотрел на топор.

– Я не могу вернуться и умереть рядом с моей семьей. Он украл меня, чтобы я сражался в Его бессмысленных войнах, но ничего не изменилось!.. – Ангрон поднял голову. – Я никогда не оставлю Красные Пески, Кхарн. Не смогу. Они здесь, там... везде! Они следуют за мной, зудят под моей кожей, покрывают мои легкие своим ядом... Твой... Император, – выплюнул примарх, – Он требует,

чтобы я называл Его отцом, но Он просто еще один Всадник, который всегда был там, скрываясь под другой маской!..

Ангрон вцепился себе в голову. Его пальцы пробежали по тусклому серебру Гвоздей Мясника. Кхарн наблюдал за отцом, зная, что импланты пронзают его естество яростью, мучая, пока примарх не уступит их напору и прольет кровь...

– Я не хочу встретить свой конец, служа орудием золотого тирана, который лишил меня моей судьбы, – прошептал Ангрон. – Я не доставлю ему такого удовольствия. Я ушел. Я оставил все это и пошел сюда, надеясь найти что-то, что убьет меня так, как желаю я сам. Также, как это сделали они...

– А что они тебе бы сказали, – спросил Кхарн, – твои братья и сестры, если бы увидели тебя сейчас? Они смотрели на тебя снизу вверх. Нуждались в тебе. Сражались на твоей стороне до самой смерти, а ведь ты даже об этом их не просил! Чтобы они сказали, увидев, как ты покидаешь нас – тех, кто смотрит на тебя снизу вверх, нуждается в тебе и готов умереть за тебя, в то время как ты сбегаешь, чтобы сидеть в одиночестве и рыдать в этой пещере? Если они были такими, как ты говоришь, то они бы назвали тебя трусом...

Ангрон поднялся с черепа. Кхарн стоял на месте, пока его отец спускался. Кости рассыпались и падали грохочущим каскадом вслед за примархом.

– Ты думаешь, что если я не убил тебя после Деш'еа, то никогда не убью? – прорычал Ангрон, и его руки сжались в кулаки. – Ты думаешь, я не оторву твою голову, если захочу?

– Конечно, нет, – ответил Кхарн. – Ты примарх, – он постучал кончиками пальцев по своему нагруднику, – мой примарх. Моя жизнь принадлежала тебе еще до того, как ты был найден, и ты волен поступать с ней так, как сочтешь нужным.

– Тогда уходи, Кхарн. Вернись к своим ничтожным воинам во имя этого тирана... этого Высокого Всадника, – фыркнул Ангрон, сплевывая кровь на пол пещеры.

– Но ты нужен своему Легиону, – настаивал центурион. – Ты нужен своим сыновьям...

– Вы не мои сыновья! Я никогда не хотел вас! Я никогда не заставлял вас ими быть! Почему ты преследуешь меня?! Я никогда не просил об этом! Я никогда не просил, чтобы меня швырнули к звездам, и тем более не просил, чтобы меня сделали рабом, строящим чужую мечту!

– Это не просто его мечта, Ангрон. Империя, которую мы строим, будет принадлежать всем нам...

– Империя, – усмехнулся примарх. – Какая империя когда-либо была чем-то большим, чем просто руинами, обнаруженными теми, кто пришел после ее падения? Они никогда не существуют долго, Кхарн. Когда-нибудь она падет...

– Так и будет, – согласился центурион. – Но если ты поможешь нам построить ее, если одолжишь нам свою силу, чтобы заложить ее фундамент и будешь стоять во главе Легиона, сражаясь за объединение всего человечества, то она простоит долго.

– Человечество, которое ты хочешь объединить... – тихо сказал Ангрон, поднимая глаза и медленно расхаживая в темноте. – Они держали нас в таких пещерах, как эта, Кхарн. Высокие Всадники... Тысячи рабов, что прижались друг к другу в холоде и темноте. И вот что мы делаем со своими братьями – порабощаем и убиваем их. Они недостаточно сильны. Никто из вас не силен...

– Тогда пойдем со мной! – взмолился Кхарн. – Вернись и укажи нам путь! Научи своих сыновей быть такими же сильными, как и их отец! Мы сделаем все, что ты попросишь, я клянусь в этом сейчас и навсегда!

Ангрон остановился. На долгое время воцарилась тишина – исключением был лишь мягкий стук падающих капель в пещере и болезненное дыхание примарха. Отец медленно осмотрел на Кхарна, и даже полная тьма не смогла скрыть напряжение в его сверкающих желтых глазах.

– Все, что я прикажу?..

***

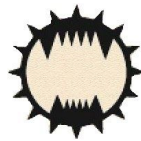
Мысли Кхарна вернулись в настоящее, и чувства обрушились на него, словно волна.

Жужжащий грохот машин и сервиторов, смешанный с торопливыми движениями и речью рабов-медиков. Холод, покалывающий обнаженное тело. Резкий запах антисептиков и озона, истекающего из механизмов, наполняющий нос и рот. Белое сияние мощных болезненно-ярких люменов, фокусирующихся на нем в последние мгновения перед началом операции.

– Для имплантации нужно, чтобы вы встали, – аптекарий указал на углубленную хирургическую яму, вырезанную в палубе аптекариона. Кхарн

спустился в нее. Его лицо сохраняло обычный спокойный вид, когда сервиторы закрепили ремни и цепи, которые широко развели его конечности и зафиксировали их. Тяжелый железный ошейник закрывал шею Кхарна и нижнюю часть лица, чтобы центурион не мог шевелить головой.

– Мы начинаем.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Предварительные процедуры перед имплантацией Гвоздей были такими же, как и на предыдущих копиях. Голова Кхарна была полностью выбрита и покрыта антисептиками и дезинфицирующими гелями, которые сделали кожу стерильной. Медицинские сервиторы провели красными лучами своих имплантированных глаз по центуриону, отмечая тончайшими уколами лазера точки, в которые будут вживлены Гвозди. Жрецы Механикум выбрались из ямы, шоркая ногами, когда братья Кхарна начали свою часть процедур.

Костопилы и дрели жужжали, когда аптекарии и технодесантники прорезали кожу, плоть и череп, аккуратно извлекая диски скользкой от крови кости, которые отбрасывались в стальные лотки, расставленные вокруг хирургической ямы.

Основная часть новейшей копии имплантатов состояла из пары рифленых металлических шипов длиной немного короче руки legionera. Каждый из них был открыт сзади и увенчан шлейфом змеящихся проводов, тонких, словно человеческие волосы. Если не считать кабелей, то визуально Гвозди Мясника соответствовали своему названию, а посему было вполне уместным то, что их забивали внутрь черепа при помощи молота.

Первый удар, сопровождавшийся звуком лязга металла о металл, погрузил один шипов в мясо. Последовавший за ним был гораздо нежнее первого, а завершили процесс короткие размеренные удары, которые полностью вонзили Гвозди в мозг Кхарна.

В затылок центуриона были вшиты ряды соединительных портов, а в череп ввинчена грива серебряных сегментированных кабелей, которые были соединены с проводами, выходящими из Гвоздей, и образовывали нечто похожее на гребень металлических дредов, проходящих через заднюю половину черепа Кхарна. Сам их внешний вид был почти идентичен имплантам самого Ангрона.

Сначала центурион подумал, что стук, слышимый им, исходил от его сердец, взбудораженных вскрытием черепа и изменением мозга. Но это было не так. Стук был слишком быстрым, и его два сердца не могли быть причиной...

Настойчивый импульс стучал все резче и резче с каждым мгновением.

ТИК. ТИК. ТИК.

Голова Кхарна начала трястись, а мышцы лица подергивались в приступах непроизвольного спазма. Его скованные руки сжимались в кулаки и разжимались обратно, натягивая цепи.

ТИК. ТИК. ТИК. ТИК.

Бесстрастная лицевая пластина аптекаря смотрел на него сверху вниз. Воин снял шлем и его лицо сморщилось от озабоченного любопытства. Он уставился на Кхарна как на насекомое, приколотое для изучения, как ничто, как...

ТИК. ТИК. ТИК. ТИК. ТИК.

– Кхарн? – донесся приглушенный голос аптекаря, едва слышимый сквозь пульсирующую кровь и раскаленные добела иглы в мозгу. Центурион не мог оторвать глаза от вены на виске аптекаря, пульсирующей кровью из его сердца.

– Кхарн, *ТИК*, ты, *ТИК*, слышишь, *ТИК*, меня?

Нервы Кхарна пылали. Его кровь превратилась в яд. Он почувствовал прилив сил в конечности, словно они и не были онемевшими и ослабленными. Новая сила вливалась в них, наполняя до отказа, вены вздувались и вздувались на всех мышцах, как набухшие притоки реки...

Путы разорвались и упали на пол отдельными металлическими звеньями. Кхарн услышал вокруг себя встревоженные голоса. Когда люди попятились назад, они звучали так тонко, так слабо, что еще больше подстегнули гнев центуриона. Он сорвал ошейник и выскочил из ямы, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

Из горла Кхарна вырвался крик, звериный вопль, который не способен был издать даже модифицированный человек, как он...

... оно развалилась на отдельные куски у него в руках, и центурион отбросил ее. Сознание вернулось к Кхарну. Его лихорадило. Он ослаб. Знакомый ему тяжелый металлический запах заполнил ноздри. Безошибочно узнаваемый...

Его голова судорожно дергалась из стороны в сторону, когда осматривал все вокруг широко раскрытыми глазами, наблюдая, во что превратился аптекареон. Скотобойня – это слово слабо подходило для описания хаоса, творящегося вокруг.

Повсюду беспорядочно валялись тела и конечности, вырванные и отброшенные в стороны. Плоть трупов была разорвана, кости обнажены, а блестящая кровь лилась по обшивке палубы и забрызгала стены. Даже свет, исходивший от ламп, был красным – они тоже были заляпаны жизненной влагой мертвецов.

Кхарн не помнил, чтобы делал что-то подобное, несмотря на полную уверенность в том, что это именно он устроил эту бойню. Вомн наконец понял ту слепую ярость, что охватывала Ангрона каждый раз, когда он был вынужден проливать кровь. Впервые он понял истинное назначение Гвоздей...

Тело под Кхарном все еще шевелилось, тщетно скребя о пол руками, наполовину вырванными из суставов. Кхарн наклонился, и начал бить по шлему воина своим лбом. Он наносил удары снова и снова, и они отражались от окровавленных стен. Кхарн бил до тех пор, пока керамит не разлетелся вдребезги и не обнажил разбитый череп. Центурион опустил брата, вдыхая жар, идущий от изуродованного лица, покрытого кровью. Его пальцы царапали по лицевой пластине, ища точку опоры, чтобы разорвать ее и вкусить остатки жизненной силы, скрытой под керамитом...

Раздался хруст, когда чьи-то тяжелые шаги начали приближаться к нему, давя битое стекло. Появилась новая тень, нависшая над Кхарном, который скорчился над своим изуродованным сородичем. Центурион резко обернулся, сжав покрытые кровью руки в кулаки, и первобытный рык замер у него в горле, когда воин увидел, кто стоит перед ним...

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангрон. Примарх наклонился и провел пальцами по серебряным проводам имплантов Кхарна. Легионер дернулся, его

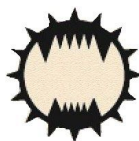
синапсы требовали ответить насилием на прикосновения, но благоговейный страх удержал центуриона на месте. – Ты видишь?

С тихим треском челюсть Кхарна разжалась. Осколки сломанных зубов посыпались с его губ и рассыпались по палубе, но не все они принадлежали не ему...

– Д-да, – ответил центурион.

Ангрон выпрямился. Впервые Кхарн не заметил отвращения, всегда бросавшее тень на лице его отца. Темные металлические клыки, которые заменяли ему зубы, скорее были обнажены в некоем уродливом подобии одобрения, а возможно, и гордости.

– Тогда пойдем, – Ангрон улыбнулся и протянул руку Кхарну. – Пойдем со мной, мой сын.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

– Милорд? – пролепетал Гахлан Сурлак. На его лице застыло потрясение, когда Ангрон вышел в коридор. Аптекарий поспешно зашагал рядом с примархом. – Мне не сказали, что вы проснулись, как вы...

– Тебе удалось, – сказал Ангрон, искоса глянув на аптекария. – Наконец-то. Я уже думал, что ты в конечном итоге опустишь руки. Сколько ты можешь сделать Гвоздей?

Гахлан оглянулся на Кхарна, крадущегося позади Ангрона, словно зверь, только что вышедший из клетки, и откашлялся.

– Производство имплантов никогда не было для нас проблемой, сир – только создание рабочего прототипа. Теперь, когда мы создали полноценную копию, мы можем очень быстро имплантировать его legionерам...

– Как быстро?! – нетерпеливо спросил примарх.

– Дайте мне несколько часов, сир, чтобы я имплантировал запас, который мы уже успели изготовить, – ответил аптекарий, быстро оправившись от шока,

вызванного возвращением отца. – Несколько часов, и я дам вам тысячу истинных сыновей, переделанных по образу и подобию своего отца...

***

– Мы все еще можем остановить их.

Маго быстрым шагом двигался по коридорам «Завоевателя», окруженный командирами, которые все еще оставались в союзе с ним. Раздался призыв и тысяча воинов вышла вперед и присоединилась к Кхарну, чтобы тот дал им Гвозди Мясника. Была запрошена тысяча, но более половины Легиона, находящегося сейчас на Генной, ответило на призыв.

В их числе был и Первый Топор...

– *Это правда?* – передал по воксу Астакос, находящийся на «Клыках Гончей». – *Ангрон проснулся?*

– Да, – ответил Маго. Решение Оронта все еще мучило центуриона, хотя он и знал, что подобное было неизбежно. Легион хлынул в объятия Гахлана, чтобы получить импланты, и союзников Маго с каждым мгновением становилось все меньше. Если и было время, когда он нуждался в своем Первом Топоре, то оно было прямо сейчас...

– Я собираю все оставшиеся у нас силы, – сказал Маго своему знаменосцу. – Собери всех, кому ты можешь доверять на борту «Клыков Гончей». Будьте готовы к высадке на планету, когда я прибуду.

– *Высадке на планету?*

– Ангрон и Кхарн ожидают на посадочной палубе, – объяснил Маго. – Ждут, пока Гвозди будут имплантированы достаточному количеству легионеров, чтобы смогли высадиться на поверхность Генны. Чтобы они там не искали, мы должны опередить их...

– *Что там может быть интересного для примарха?* – спросил Астакос.

– Если технологии геннанцев были ключом к воссозданию Гвоздей, – сказал Маго, продвигаясь все глубже к сердцу «Завоевателя», – тогда, возможно, они и помогут нам уничтожить их. Если мы найдем способ удалить Гвозди, то Кхарн и наши братья могут быть спасены... как и Ангрон. И у нас наконец-то будет отец, которого мы всегда желали. Но все надежды на это будут разрушены, если они обнаружат искомое первыми...

– Если ты собираешься сразиться с Ангроном и тысячью наших братьев, получивших Гвозди, – сказал Астакос, – нам понадобится что-то, что изменит ситуацию в нашу пользу.

Из-за двери слышались тяжелые шаги. Маго и Пожиратели Миров остановились, когда переборка с грохотом открылась.

– Просто будь готов к бою, когда я вернусь на корабль, – сказал центурион, слегка улыбнувшись. – Я приведу кое-кого с собой.

– Ну что ж, – проревел Лорке. – Почему мы стоим здесь и болтаем?

***

У Ангрона не было четких воспоминаний о дне, когда ему вживили Гвозди Мясника. Его накачали наркотиками почти до смерти, чтобы вытащить из пещер и привести в Темную Башню, где обитал техномант Высоких Всадников. Видение из Башни было раздроблено, неясно и пронизано алой паутиной агонии.

После этого воспоминания начинают мелькать, как будто через завесу крови. Он просыпается, но уже не в Башне, а прикованный к стене. Затем проходит время, и он уже сражается на арене. Тэтус пытается разобраться, что происходит, но он чувствует боль Ангрона как свою собственную, и это парализует его. Библиарий может лишь наблюдать за мерцающими изображениями и несогласованными звуками, словно просматривая поврежденную видеозапись.

Песок рассеивается. Слышится отдаленный рев тысяч глоток. Примарх слышит, как кто-то выкрикивает его имя прямо перед его лицом, но звук обрывается, когда на голос обрушивается град ударов, разбивая его череп.

К тому времени, когда чувства возвращаются к Ангрон, а Гвозди Мясника отпускают его разум, Тэтус наконец может ясно разглядеть воспоминание. Ангрон снова один, закованный в кандалы в своей темной камере. Каждая из его конечностей прикована к стене толстыми и тяжелыми цепями. Он вдыхает воздух короткими, болезненными вдохами, шипящими сквозь стиснутые зубы. Гвозди до сих пор мучают его, пронизывая каждую клетку его тела.

И кровь. Он весь покрыт ей. Ее металлический запах наполняет его нос. Его череп пульсирует от Гвоздей Мясника. Кожа горит, как при лихорадке, когда тело пытается исцелиться, словно бы это была обычная рана, но вылечиться невозможно...

Вот тогда-то он и слышит их. Он слышит, как стражники переговариваются и смеются, подсчитывая свой выигрыш после того, как Ономай был убит в яме. Ангрон слышит, как они произносят его имя. Имя того, кто убил и осквернил останки его единственного отца, которого он когда-либо знал.

Это был он, Ангрон. Он убил Ономая.

Воздух уходит из его легких. Невидимый кулак пронзает грудь и обхватывает сердце. Ангрон наклоняется вперед, насколько позволяют его цепи.

Ономай. Самый мудрый из них, самый лучший из них. Тот, кто десятилетиями готовил рабов к восстанию. Единственный, кто мог сплотить гладиаторов, чтобы они встали как один и сбросили гнет Высоких Всадников.

Он умер. Умер от его руки.

Вой, срывающийся с губ Ангрона, сотрясает стены. Он такой громкий, что вся охрана арены поднимается на ноги, опасаясь восстания рабов. Он кричит, истекая слезами и кровью. Вопль продолжается три дня – плач такой печали и боли, что ничего подобного нельзя было услышать ни до, ни после...

Тэтус чувствует, как разум Ангрона заполняется криком. Он выталкивает библиария, подхватывая волнами шума и плача, пока его сознание не отрывается от примарха в шторме ослепительного света.

***

Диагностические когитаторы, присоединенные к Тэтусу, ожили, выплевывая пачки проштампованного пергамента, сообщающего о происходящих с ним изменениях. Сработала сигнализация, которая наполнила аптекарион резкими звуками. Сервиторы резко ожили, пробужденные от бездействия шумом. Они двинулись вперед на колесах, гусеницах или негнущихся ногах, чтобы посмотреть на воина лежащего перед ними.

Тэтус открыл глаза.

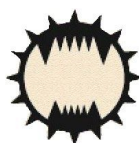
Маго бежал по коридорам «Клыков Гончей». Последние часы проходили как в тумане, пока он спешил организовать и привести верных ему братьев на поверхность планеты, чтобы остановить примарха, когда до него дошло известие о единственной новости, которая могла отвлечь его от выполнения его задания.

Двери аптекариона открылись, и Маго поспешил к Тэтусу, пробудившегося от своего сна.

Центурион протиснулся сквозь толпу медицинских сервиторов, столпившихся вокруг библиария.

– Брат? – спросил Маго.

– Отведи меня к Ангрону, – прохрипел Тэтус, схватив Маго за запястье. – Отведи меня сейчас же.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Рой десантных кораблей устремился вниз, прорезая хвостами огня пустоту. В их полете не было никакого порядка, никакого тщательно выстроенного строя или плавной и эффективной траектории снижения. Пожиратели Миров вернулись на Генну бурей шума и скорости, ведомые своим примархом в авангарде.

Странное ощущение охватило Кхарна, когда он зарычал, сидя рядом с отцом. Ангрон и его возрожденные сыновья натянули ремни, отчаянно пытаясь выбраться на поле боя. Каждый из них чувствовал прилив новой энергии – той, что все испытывали когда-то давно, но уже забыли. Впервые с тех пор, как центурион взялся за меч во имя Императора-на-Терре, война виделась Кхарну чем-то новым.

Из тысячи, которую Ангрон забрал с собой, большую часть составляла восьмая штурмовая рота Кхарна, и у каждого воина на черепе красовались только что

вбитые Гвозди Мясника. Когда корабли приблизились к земле, но еще не успели спуститься на оптимальную для десантирования высоту, некоторые воины начали вскрывать шлюзы и выпрыгивать из трюмов, с сокрушительной силой приземляясь на землю. После этого легионеры без промедления вскакивали на ноги и бросались к врагу, словно ничего не случилось.

– Так и должно было быть, Кхарн, – сказал Ангрон, поднявшись со своего места. Офицер тоже встал, двигаясь рядом с отцом к опускающемуся трапу. – Теперь история этого Легиона начнется по-настоящему.

Генна предстала перед Кхарном, когда трап полностью опустился. Ненависть вспыхнула в нем, и Гвозди, которые он вонзил в свою плоть, обожгли центуриона. Воины спрыгнули вниз, ударившись о землю на бегу, и Ангрон рассмеялся, когда зубья его «Вдоводела» ожили.

Кхарн поймал себя на том, что тоже смеется рядом со своим генетическим родителем. Легионер поднял оружие и зубья на его топоре взревели. Он навлечет ужасную месть на этот мир и его жутких жителей. Ярость, сила, которую Гвозди посылали сквозь его кровь, казались ему столь чистыми... Насилие, которое он устроит... резня...

Все это казалось таким правильным.

Во время первого вторжения геннанцы понесли катастрофические потери. По всей планете погибло так много клонов, что любой другой мир это бы привело к вымиранию. Но, как узнали Пожиратели Миров, истинные жители Генны еще не показали себя.

Их клоны снова вышли улыбающейся толпой, хотя на этот раз андроидов было меньше. На некоторых были видны ужасные раны – многие из них были слеплены из частей двух разных тел, и теперь они смотрели на Пожирателей Миров парами разных глаз.

Геннанцы ждали, что будет достигнут компромисс. Они полагали, что любое разумное существо увидит ужасы и разрушения прошлого конфликта, и будет искать альтернативные средства для его разрешения. Они верили, что смогут убедить приспешников Императора оставить этот небольшой и незначительный мир, позволив им искать свое место в этой вселенной.

Кхарн и другие Пожиратели Миров бежали вперед с тех самых пор, как высадились на планету. Исчезла фаланга, размеренный марш стены щитов и блеск полированных наконечников копий – они лишь рвались вперед как можно быстрее, когда увидели орду геннанцев перед собой. Во главе них бежал Ангрон с «Вдоводелом», вопящим в руках примарха.

Они сошлись, словно молот, ударяющий по бумаге. Закутанные в плащи тела подлетали в воздух, сопровождаемые брызгами желтой крови. Пожиратели Миров разрывали клонов на части, сражаясь так, словно они были дикими зверями, а не Астартес. У фальшивых людей больше не было подавляющего численного превосходства, и они не могли замедлить или же противостоять яростной атаке Пожирателей Миров. Ни один легионер не останавливался – они бросались вперед, убивая всех, кто попадался им под руку.

Немногочисленные геннанцы застыли, когда воины прорубали себе путь среди их рядов, а умы, контролирующие клонов, паниковали, пытаясь понять что происходит. Они смотрели, как Пожиратели Миров, чьи разумы пылали от жара Гвоздей Мясника, вошли в их город, и жизни жителей Генны стали исчисляться в часах.

Поначалу воины держались небольшими стаями, но это продолжалось недолго. Легионеры разбредались по одному и шли туда, куда их вели Гвозди – каждый из них стал отдельной армией. Они мчались по улицам Малкои и рубили все, что видели. Вокс наполнился бесконечным бессвязным хором смеха, плевков, криков и гортанного рёва цепных клинков.

Это было незадолго до того, как воины исчерпали свой боезапас. Каждый из Пожирателей Миров наслаждался сухими щелчками опустошенных магазинов. Гвозди пылали в их черепах, и легионеры праздновали это, забыв о своих болтерах, ведь теперь они могли убивать исключительно руками.

Кхарн потерялся, погрузившись в бойню. Цепные топоры ревели в каждой его руке, и он окунал оружие в тела до тех пор, пока они не забились желтой кровью настолько, что зубья не могли двигаться.

Центурион наткнулся на Пожирателя Миров, сидящего на корточках на мертвым клоном. Голова воина дергалась из стороны в сторону, пока он жадно

поглощал труп врага. Кхарн оставил легионера делать все, что ему заблагорассудится, и последовал за Ангроном, который, словно ураган, стремился к центральному шпилю города, где, как он знал, его ждал настоящий враг.

Путь к настоящим жителям Генны был проложен кровавой резней, и тысячи фальшивых людей лежали грудami окровавленных останков. Космодесантники убивали клонов оружием или же рвали на куски голыми руками.

Перед центральным шпилем собрались остатки геннанцев. Они надеялись отразить атаку захватчиков точно так же, как и в первой битве у ворот, но у клонов больше не было численного преимущества, и они столкнулись с противником, который больше не сдерживал себя и полностью отдался насилию.

Бойня продолжалась. Гвозди Мясника вознесли Пожирателей Миров на новые высоты жестокости, и геннанцы больше не могли остановить воинов. Не смогли бы, даже если бы их было в десятки раз больше. Подобно языческим берсеркерам Старой Земли, легионеры снесли вход в шпиль, ворвались внутрь и опустошили все, что нашли.

Кхарн отрубал голову очередного противника, когда услышал голос примарха.

– Пойдем, Кхарн, – сказал Ангрон, указывая окровавленным Вдоводелом на широкую магнитную платформу, – давай покончим с этим.

У Кхарна перехватило дыхание, когда платформа начала быстро набирать скорость. С глухим стуком открывающихся дверей Пожиратели Миров предстали перед людьми, которые контролировали восстание.

Наконец-то они столкнулись со своими истинными врагами.

Вдоль стен стояли ряды хрустальных капсул, похожих на голубые соты. Они протянулись на сотню метров в высоту, и в каждой из капсул, окруженных гудящими механизмами и толстыми катушками проводов, находился человек. Их тела были бледными, изможденными, позвоночники были скрючены, а плоть обесцвеченной и опухшей.

Кхарн ворвался в комнату и осмотрелся, а за ним последовал Гахлан Сурлак, который начал изучать капсулы и находившихся в них несчастных существ. Рассматривая их, Гахлан пришел к выводу, что эти капсулы были способны значительно продлить жизнь, но они не могли обратить вспять генетические мутации, которые и привели эту цивилизацию к столь ужасному концу.

Большинство тел были неподвижными: они мягко покачивались в позах эмбриона, но некоторые из них пребывали в сознании – они смотрели слабыми, затуманенными взглядами, будучи не в силах пошевелить атрофированными конечностями, когда к ним приближались Пожиратели Миров. Кхарн сомневался, что геннанцы могли четко разглядеть их, но он точно видел в их глазах ужас...

– Сколько же их? – спросил центурион. Его голос был резким и напряженным – теперь ему даже было трудно говорить, ибо Гвозди давили на него, требуя продолжения бойни. Его руки сжимали и разжимали оружие, когда он представил, как разбивает капсулы и начинает кромсать тела в них.

– Может быть, тысяча, – сказал Гахлан. – Может быть, больше. Удивительно, как столь малое число людей смогло создать целую цивилизацию и заселить ей планету...

– А что подумают об этом жрецы Марса? – спросил Кхарн у аптекария, одарив его свирепой усмешкой.

Гахлан усмехнулся. Короткий смешок вырвался из его груди.

– О, магосы будут копать здесь до тех пор, пока не раскроют все тайны этого места. Вэл-Кхеридар вытащит отсюда все знания, а потом сожжет все дотла. Было бы лучше, чтобы я выведал обо всем раньше жрецов, а уже потом решил, что позволить им узнать. Отец, позволь мне изучить их! С помощью тех тайн, что я узнаю, я смогу за короткий срок создать целое поколение легионеров!

Ангрон смотрел на геннанцев, и его лицо перекосило от отвращения.

– Здесь нет воинов, – примарх сплюнул и отвернулся. Пол задрожал от его шагов, когда Ангрон начал выходить из комнаты. – Делай что хочешь с этими жалкими тварями, аптекарий. Просто сделай так, чтобы они в конце концов умерли.

– Как прикажете, сир, – сказал Гахлан, кланяясь.

Кхарн остановился возле одной из капсул, наблюдая как под его взглядом начал извиваться и корчиться человек. Надписи на капсуле были сделаны на странном языке Генны, но по спине Кхарна пробежал холодок, когда он разобрал имя.

Охна.

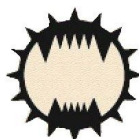
+Почему?+

Кхарн зарычал, когда почувствовал вторжение в свой разум, и Гвозди Мясника завопили.

+Почему ты не смог оставить нас в покое?+

Топор Кхарна врезался в капсулу. Он не слышал, как Гахлан Сурлак закричал, требуя, чтобы центурион остановился. Он рубил усиленное стекло капсулы, пока оно не разбилось, и из него не вывалилось тело Охны. Он схватил геннанца за горло, и, подняв его на уровень своих глаз, оторвал от изможденной плоти кабеля жизнеобеспечения.

– Потому что эта галактика принадлежит нам, – прошипел Кхарн, вытаскивая топор. – А в нашей галактике есть только война!..

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Маго двигался к Малкою. Вокруг него простирались виды недавней бойни. Он сумел собрать всех братьев, которые поддержали его. Центурион воспользовался воцарившимся хаосом, охватившим флот, и высадился на планету, чтобы преследовать Ангрона.

Найти примарха было не трудно. Останки клонов усеивали землю и вели через ворота к высокому шпилю, что возвышался над городом. Они двигались максимально быстро, но им приходилось сдерживать себя, чтобы за ними

успевал Лорке, присутствие которого успокаивало воинов, последовавших за Маго.

Все еще неся знамя Непреклонных, Астакос остановился, увидев Пожирателя Миров, восседающего на горе из убитых геннанцев. Его голова была окрашена в алый из-за крови, все еще вытекающей из мест крепления Гвоздей к черепу. Маго слышал, как разрывается плоть и щелкают челюсти легионера, пожирающего останки мертвецов.

Астакос двинулся к скорчившемуся воину.

– Брат, ты с ума сошел? – сказал он, дотрагиваясь до Пожирателя Миров. Воин резко развернулся, показав свое лицо, покрытое желтой кровью, и с криком кинулся на Астакоса. Но не успел берсеркер достигнуть знаменосца, как его голова и верхняя часть туловища исчезли в луче ослепительной энергии.

– Они больше не наши братья, – сказал Маго, опуская свою серпенту.

Он повернулся к собравшимся воинам и заговорил:

– Помните – то, что мы должны будем сделать, будет сделано на благо Легиона. Ради будущего, в котором нет места этому ужасу... – центурион указал топором на мертвого Пожирателя Миров. – Этому безумию!

Лорке стиснул когти, отправляя снаряды в болтеры, вмонтированные в его ладони.

– Согласен. Мы должны остановить это безумие, пока оно не поглотило всех нас.

Башня уже пылала, когда они добрались до нее. Маго видел, что примарх и воины, идущие за ним, не оставляли за собой ничего, кроме руин. Он знал, что вместе с башней сгорают все его надежды найти способ излечить братьев...

– Теперь у нас нет выбора, - сказал Каурагар. – Если мы больше не можем спасти их, то пусть теперь наши клинки их остановят!

– И неважно, какую цену мы за это заплатим, – процедил Маго, останавливаясь в нескольких шагах от примарха.

Две шеренги Пожирателей Миров встали друг напротив друга, и пламя, пожиравшее Малкою, отражалось на их доспехах. Воины с Гвоздями Мясника шагали из стороны в сторону, рыча на легионеров Маго. Непреклонный смотрел на примарха и тех, кто последовал за ним, и глаза центуриона были наполнены горем.

– Маго, – зарычал Кхарн, направляя свой топор на брата.

– Мой примарх! – проревел Маго. – Во имя Двенадцатого Легиона и Императора Человечества я требую, чтобы вы сдались нам и отправились под нашей опекой на Терру, дабы предстать перед судом за совершенное вами преступление!

Ангрон громко рассмеялся.

– Преступление? – примарх сплюнул на землю. – Ты сеешь мятеж и обвиняешь меня в преступлении? Наслаждайся последними вздохами, центурион, ведь сегодня твоя жизнь закончится – я разорву тебя на куски!

– Кхарн... – обратился Маго к своему брату, который все еще смотрел на него.

– Отец! – воскликнул Тэтус, отталкивая центуриона в сторону.

– Это ты, – лицо Ангрона исказилось в болезненной усмешке при виде библиария.

– Да, отец, – устало кивнул Тэтус. – Я.

Вокруг начала бушевать битва, и лишь четыре воина остались неподвижны: Ангрон, Тэтус, Маго и Кхарн. Пока два центуриона медленно кружили вокруг друг друга с оружием наготове, Тэтус стоял в полном молчании и рассматривал лицо своего отца. Ангрон усмехнулся и дернулся, впиваясь костяшками пальцев в крепко зажмуренные глаза, когда Гвозди начали вопить от близости псайкера.

Легионеры, обладающие имплантами, ринулись вперед, смеясь и крича, размахивая топорами и мечами. Брат сражался с братом, и это были не дружеские бои в ямах, а настоящее сражение насмерть. Воины, которые проливали вместе кровь в бесчисленных компаниях, теперь обратились к братоубийству. Одна сторона сражалась, чтобы втянуть Легион в пропитанное кровью будущее, а другая, чтобы удержать его в почти забытом прошлом.

Астакос бросился в бой, размахивая штандартом Непреклонных, словно копьем. Четверо его бывших братьев набросились на него, вонзая в него свои топоры,

они остановились лишь тогда, когда один из воинов поднял отрубленную голову ветерана, чтобы выставить ее на всеобщее обозрение.

Спазмы разрушили некогда спокойное лицо Кхарна. Его губы дрожали, обнажая окровавленные зубы.

– Хн-н-н, у тебя нет Гвоздей. Они бы тебе помогли бы здесь, брат, – прорычал центурион.

– И чем же? – спросил Маго. – Ослепили бы меня, доведя до безумия? Они бы помогли братству, которое вы уничтожили?

– Ты думаешь, что можешь бросить ему вызов и уйти? – цепи, приковывающие оружие Кхарна к его рукам, дрожали. – Что за это не придется платить?

Кхарн указал топором на горящую башню.

– Генетические отклонения уничтожили их популяцию. Они были слабы. И если мы не сможем приспособиться, принять радикальные и фундаментальные изменения, то умрем, и от нас останется только небольшая сноска в чьей-то истории.

– Лучше исчезнуть, – серьезным тоном ответил Маго, – чем стать теми, кем стали вы.

– Нет, – Гвозди Кхарна зазвенели, когда он покачал головой. – Мы не исчезнем. Я больше не буду делать черные повороты на своей веревке, а только красные, Маго. Гвозди означают победу, триумф, господство... Наши триумфальные веревки будут такими же красными, как кровь, которую мы проливаем! Не будет больше стыда, не будет поражений! Мы никогда не дрогнем, и ничто нас не сможет остановить! Мы, наконец, полностью раскроем свой потенциал и станем величайшими воинами, путешествующие между звезд!

– Так вот, по-твоему, что дают тебе Гвозди? – Маго подошел ближе. – Совершенство? Почему же я этого не вижу? Я вижу сломанных существ, управляемых яростью, которые навсегда утратили разум и теперь убивают собственных братьев, пожирая чужую плоть! Я вижу чудовищ, и ты хочешь, чтобы в это чудовище превратился весь Легион? Ты хочешь, чтобы наше наследие было уничтожено, а память о его великих свершениях затмила бессмысленная ярость?

– Победа, – прорычал Кхарн. – Гвозди принесут нам победу... Тогда он увидит нас, брат. Тогда он примет своих сыновей...

– Глупо полагать, что он способен на это, – Маго покачал головой. – Возможно, так бы и было, если бы владыки Нуцерии не изуродовали его разум и не лишили его покоя. Тот, кто ведет нас... это уже не наш отец. Есть лишь один способ сделать его тем командиром, перед которым мы преклонимся, примархом, который нам нужен, и еще не слишком поздно! Мы можем использовать знания, накопленные на Генне и открытые Гахланом, чтобы вытащить Гвозди из Ангрона и из тебя. Двенадцатый катится в пропасть, но все еще есть шанс его спасти...

– Падение... – Кхарн почти выплюнул это слово. – Вознесение. Мы отбрасываем все, что сдерживало нас. Мы будем настоящими воинами, как он, не заботящимися не о чем, кроме завоеваний и крови!

– Мы не такие, – отрезал Маго. – Ангрон такой, да, но это не значит, что и мы должны быть похожими на него...

– Именно такими мы и должны стать! У нас никогда не было выбора, Маго! – Кхарн сделал глубокий вдох. – Что ты хочешь, чтобы я сказал твоим людям?

– Ты им ничего не скажешь, – прорычал Маго, напрягаясь. – Потому что когда все закончится, я буду вести их сам.

– Нет, – с подбородка Кхарна потекла струйка кровавой слюны. – Нет, ты должен умереть здесь. Должен ответить за те слова, что сказал. За то, что ты сделал...

Маго шагнул ближе, встретившись взглядом со своим братом.

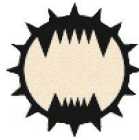
– Не нужно этого, – Маго прижался головой к голове Кхарна, усилием воли сдерживая себя, чтобы не нанести удар. – Мы все еще можем спасти Легион, Кхарн. Мы можем пойти другим путем... не этим.

Что-то блеснуло в глазах Кхарна. Разум, или, по крайней мере, понимание ситуации озарило его, но исчезло столь же быстро, как и посетило центуриона.

– Другого пути нет, – сказал Кхарн, отталкивая брата.

Лицо Маго окаменело, а его оружие, казалось, резко стало тяжелее в руках.

– Тогда подходи, Пожиратель Миров, – проревел центурион Непреклонных, – и ответь за свои слова делом!

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Когда Кхарн, Маго и Легион начали сражаться, Тэтус приблизился к своему примарху, широко раскинув руки.

– Отец, пожалуйста, – взмолился библиарий. – Я знаю, что ты чувствовал мой разум в своих воспоминаниях. Я знаю, кто ты...

Тэтус потянулся к разуму отца и соединился с ним. Он нырнул в его измученные глубины, чтобы отыскать момент, когда Ангрон и его братья вырвались из пещер, в которых их держали в плену. Примарх и его сын мысленно наблюдали, как Ангрон возглавляет восстание, нанося ответный удар по Высоким Всадникам, которые пленили их, распоряжаясь жизнями гладиаторов ради собственной забавы. Они бросались на тюремщиков с самодельным оружием или собственными цепями, убивая тех со всей яростью и мастерством, что накопились в рабах за долгие годы.

Ангрон отбросил воспоминания и набросился на Тэтуса, отчего библиарий оказался на земле. Удар, казалось, выбил весь воздух из его легких.

– А потом я их увидел, – прошипел Ангрон. – Наконец-то я их увидел... Ни стены, ни серебряные сферы – больше ничто их не могло укрыть от меня! Я увидел Высоких Всадников, которые были для меня, словно боги! Я ожидал увидеть богов, но нашел только людей! Слабых, тощих, как палки, тварей, воняющих страхом и мочой, мяукающих и умоляющих, чтобы я перестал делать то, что делал каждый час своей жизни, перестал быть тем, во что они меня превратили! Мясник! Убийца! Вот что эти слабаки сделали со мной!

Ангрон нанес удар слева, отчего голова Тэтуса резко дернулась, а затем схватил библиария за ноги.

– Они сделали это со мной! Я убивал, и убивал, и убивал, и убивал, и клялся, что не остановлюсь, пока все они не умрут! Твоего отца здесь нет! Ангрон умер в тот день, окруженный своими братьями! Он никогда не покидал Нуцерии!

Примарх схватил библиария за плечи, поднял его с земли, а затем снова швырнул обратно. Он посмотрел вниз и увидел Тэтуса – его лицо представляло из себя окровавленную маску. Сын смотрел на него, не делая ничего, чтобы сопротивляться.

Выражение лица легионера причинило боль Ангрону – нет, не из-за способностей библиария, а потому что примарх не мог понять, что наполнило глаза Тэтуса. Это был ужас? Или... жалость?

На мгновение гнев Ангрона утих.

– Это штука во мне... Он мог все видеть. Мои братья, мои сестры... они тоже видели это.

– Я видел это... – прошептал Тэтус.

– Теперь его нет, – Ангрон покачал головой, будто пытаясь избавиться от мыслей, словно от вшей. С рыком он нанес град ударов по земле, выбивая воронки по обе стороны от головы Тэтуса. – Они забрали его! Выгнали его из меня вместе со всем остальным! Во мне не осталось ничего, кроме железа и дыма! Ничего кроме песни Гвоздей!

– А я вижу его... поверь мне... – прошептал Тэтус. – Мы сможем помочь вам... Император поможет вам...

– Нет! – прорычал Ангрон. Он ударил Тэтуса, и библиарий обмяк, словно кукла.

– Он может оставить себе свое великое общество и нести его с собой до самой могилы! Он взял больше, чем мог когда-либо дать, и скоро все это рухнет! – примарх обхватил голову Тэтуса руками и ударил ее о землю. – Что же останется? – он снова ударил, чувствуя, как трескается череп. – Ничего! Именно то, что мы заслуживаем! Остальные держаться так, как будто они лучше меня, и я с радостью посмотрю, как они падут! Но я сделаю все, что он требует от меня! От незатейливого и яростного Ангрона...

Примарх бросил Тэтуса в пыли и наклонился, чтобы прошептать на ухо сыну. Он заговорил, хотя библиарий уже давно был мертв.

– Я пройду между звезд, пролью кровь, возьму черепа и оставлю Императору именно то, что он оставил мне... Ничего! Только кладбище, бесконечное поле костей, торчащих из засоленной земли...

***

Маго не дрался со своим братом. Кхарн, которого он знал, был мертв, и существо, которое заняло его место, сражалось так, как он никогда прежде не видел. Непреклонные падали вокруг своего командира, сраженные воинами с Гвоздями.

Мертвецов было слишком много...

Топор вылетел из рук центуриона. Удары рассекали его плоть, и он упал на землю. Маго поднял голову и посмотрел вокруг себя глазами, залитыми кровью. Он наблюдал, как его родичи разделяют друг друга, как заветное братство превращается в безумие. Он смотрел, как массивная фигура Лорке пробивается сквозь ряды воинов, как отблески пламени Малкои отражаются от дредноута – их последней надежды не дать Гвоздям уничтожить Двенадцатый Легион...

Маго попытался подняться, но рухнул обратно. Он напрягся, чтобы посмотреть на Кхарна, но не увидел брата, за которого когда-то поклялся отдать свою жизнь.

Он увидел лишь мясника.

– Эта дорога убьет всех нас, – прохрипел Маго. – Все, чем мы являемся... братство, благородство... все это будет уничтожено. История никогда не узнает, кем мы были когда-то... только то, кем вы стали. Ордой безумных берсеркеров, движимой только желанием проливать кровь... Опустошители и убийцы, но не воины. Как долго вы сможете жить, как монстры, прежде чем принудите Императора действовать? Как скоро Пожиратели Миров присоединятся к другим забытым и осужденным?

Кхарн ничего не ответил – только втянул воздух сквозь кровоточащие губы. Маго почувствовал, как сильные руки грубо поставили его на колени. Он поднял глаза, которые еще не потеряли зрение, и увидел лицо Оронта, смотрящего на

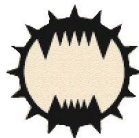
него сверху вниз. Череп чемпиона был покрыт проклятыми имплантами, уничтожающими Легион. Глаза его Первого Топора, его друга, его лучшего воина, исчезли – на их месте были выпученные багровые шары, которые не видели ничего, кроме крови.

– Ты потерпишь неудачу, – прошипел Маго сквозь стиснутые зубы. – Только руины останутся после вас, и история оправдает меня...

Кхарн опустил глаза и поднял свой топор.

– Нет, брат. Этого не будет – ведь там не будет и тебя, чтобы рассказать это.

С ревом дико вращающихся зубьев топор опустился.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Битва закончилась, не успев начаться.

Когда Ангрон поднялся от тела Тэтуса, а топор Кхарна нанес последний удар, воля к сражению покинуло мятежных легионеров. Они осмелились воспротивиться воле своего примарха, но потерпели неудачу, и теперь им пришлось столкнуться с последствиями своего решения.

– И так... – процедил сквозь стиснутые зубы Ангрон. Он бросил отрубленную голову к ногам побежденных Пожирателей Миров. Она покатилась по пыли, пока не остановилась, ударившись об одну из гидравлических ног Лорке. Никому из присутствующих не нужно было смотреть вниз, чтобы понять, кому принадлежала голова...

– И он все еще ведет вас?! – прошипел примарх, обрушивая на своих сыновей всю тяжесть взгляда своих желтых глаз.

Не говоря ни слова, воины опустились на одно колено, склонив головы в знак покорности. Даже Лорке опустил свой массивный железный шлем. Тела тех легионеров, кто осмелился восстать против воли своего отца останутся там, где

они пали: их доспехи будут осквернены и лишены всех знаков отличия, геносемя останется гнить, а имена будут вычеркнуты из почетных списков Легиона.

Жребий брошен. Будущее Пожирателей Миров теперь было предопределено.

XII-ый ожидали Гвозди Мясника и ничего больше.

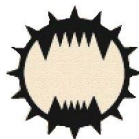
***

Потребовалось восемь дней, чтобы вживить импланты всем оставшимся воинам Легиона. Восемь дней безостановочного ожидания легионеров, что желали перековки по образу и подобию своего отца. Восемь дней, в которые решалось будущее XII-ого Легиона и определялся путь, по которому он двинется дальше. К концу восьмого все Пожиратели Миров получили Гвозди – исключением стали немногих оставшиеся библиарии, которых Варияс держал в тени, дабы теперь они не мучали не только отца, но и своих братьев.

Как только имплантация была завершена, Ангрон повел своих обновленных сыновей обратно на Генну. Огромная орда бесчинствовала на поверхности планеты, превращая мир в подобие Малкои, разрушенной Кхарном и первыми имплантированными воинами. Легионеры устроили кровавую бойню, которая не прекращалась до тех пор, пока все строения и памятники Генны не были уничтожены, как и все следы жизни.

Наконец примарх привел свой легион обратно в Малкою, что некогда была сияющим городом, и сравнял его с землей. Несколько часов Пожиратели Миров уничтожали руины столицы, упиваясь пламенем. К тому времени, когда все костры на Генне погасли, а их пепел остыл и опал на землю, не осталось ничего, что указывало бы на существование какой-либо цивилизации на планете.

Огонь, пожиравший Малкою, еще бушевал, когда до Ангрона дошли вести с орбиты.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

На мостике «Завоевателя» триста душ двигались в упорядоченной анархии, управляя флагманом XII-ого Легиона и флотом боевых кораблей, которые его окружали. В то время как общее командование флотом было сосредоточено в руках адмирала Геброна, восседающего на возвышении центрального поста, а контроль над остальными системами был разделен между различными капитанами и субкоммандерами, которые контролировали все процессы: от распределения энергии реактора «Завоевателя» до перезагрузки его массивных оружейных батарей.

Обязанности по управлению ауспиком флагмана лежали на плечах лейтенанта Винсента Карафи. С самого рождения в аристократической семье на вершинах роскошных шпилей мира-улья Плитониса Винсену прививали самоуверенность и высокомерие, и именно благодаря этим качествам и своей родословной ему удалось попасть на мостик «Завоевателя». Впрочем, единственной целью лейтенанта был и оставался медный трон капитана.

Нынешняя кампания уже наскучила Карафи. У врага не было ни флота, ни защитных систем, на которые «Завоеватель» мог бы обрушить гнев своих орудий. Не было и никаких орбитальных бомбардировок – ни один капитан не осмеливался осуществить их после событий на Брухо. Поэтому Винсен Карафи скучающе расхаживал по своей станции, проверяя сервиторов, следящих за краем системы.

– Сигнал сближения, – прогудел один из подопечных лейтенанта, и из раскрытого рта соседнего киборга начал выходить пергамент с данными. – Варп-переход. Варп-переход. Варп-переход.

Карафи нажал на руно на затылке сервитора, деактивируя его разговорные функции. Наклонившись вперед, Винсен потянул пергамент за один угол. Он внимательно изучил бумаги, быстро пробежав глазами по крошечным строчкам текста, отпечатанного свежими чернилами. Дочитав до конца, лейтенант бросил на одного из подчиненных резкий взгляд.

– Ты, – сказал Винсен, положив на оператора руку в перчатке. – Проверь еще раз.

– Но, сэр, – ответил матрос, указывая на экран. – Мы уже прове...

Хватка Винсена усилилась и пальца впились в плоть оператора.

– Я сказал – проверь еще раз, – отрезал Карафи.

Они оба мгновение выжидали, пока шифры проверялись и расшифровывались, переписывая узловатые руны в разборчивый текст. Процесс завершился, и Винсен выпрямился, побледнев. На его лбу выступили мелкие капельки пота.

Сапоги лейтенанта мягко звякнули о палубу, когда он поспешил к командирскому помосту. Адмирал Геброн стоял перед огромным медным тронem, совещаюсь с проекциями своих капитанов и старших офицеров, служивших на других кораблях. Винсен остановился на почтительном расстоянии от помоста, прежде чем сделать шаг и приблизится, одновременно прислушиваясь к разговору капитанов.

– Скажи этой рожденной в шпигеле принцессе, что она должна держать корабль в строю, как приказано, – рявкнул Геброн. – Мне плевать, кто ее отец!

Винсен сделал еще один шаг к помосту, а затем еще один, пока адмирал не заметил его и не перевел на офицера свой хмурый взгляд.

– Что такое, лейтенант Карафи?

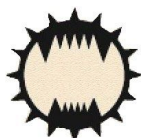
– Милорд, – сказал Винсен. Он побледнел еще более, когда прочистил горло. – На краю системы произошел массовый варп-переход. Мы несколько раз проверили данные и они подтвердились.

– В таком случае выкладывай, – потребовал Геброн. – Кто там?

Прежде чем Винсен успел ответить, проекции трех капитанов погасли. Геброн поднял глаза и несколько секунд наблюдал, как остальные офицеры начали торопливо совещаться со своими членами экипажа, прежде чем прервать связь.

Адмирал посмотрел вниз на лейтенанта и пристально осмотрел Винсена своим стальным взглядом.

– Кто? – еще раз спросил он.
– Милорд, – ответил Карафи. – Флагманское судно было распознано как «Храфнкель». Его сопровождает целый флот. Примарх Русс и его Волки здесь...

ЭПИЛОГ

РАЗМЫШЛЕНИЯ МЯСНИКА

*«Единственное, что горит в аду,
Так это та часть тебя, что определяет твою
жизнь: твои воспоминания, твои привязанности.
Они все их сжигают.
Но они не наказывают тебя. Они освобождают твою душу.
Так что если ты боишься умереть и держишься за жизнь, то узришь дьяволов,
что разрывают ее.
Но если ты обрел покой, то дьяволы станут ангелами, что освободят тебя от
земного...».*

**– фрагмент из трактата о религиозном мистицизме. Автор неизвестен.
Датируется эпохой до Объединения.**

Я шагаю по разбитым бульварам. Вокруг меня горит мир.

Пламя окрашивает все вокруг в багровый цвет, словно настал рассвет
опустошения. Оскверненная плоть украшает руины монолитного города. Кровь
лилась в таких непристойных количествах, что в воздухе чувствуется запах
металла.

Это заставляет мое сердце петь.

Я прыгаю в залитую кровью ночь, и мой прыжок сопровождается столбами
огня, исходящими от прыжкового ранца. Я смотрю вниз, рассматривая
учиненную нами резню. Бойню... ради бойни. Мои братья и я высадились с

орбиты несколько часов назад. Наш «Коготь Ужаса» ищверг из своего нутра и спустил с цепи грязных детей, окрашенных в цвета крови, на улицы столицы мира-святыни. Город стремительно умирал. Смертные легионы разлагающегося Империиума Человечества, как и всегда, не могли противостоять нашим клинкам. Ибо мы Пожиратели Миров, и мы упиваемся экстазом, который приносит уничтожение.

Среди руин я не вижу своих братьев. Как и я, они преследуют последних выживших, но это неважно. Чем дальше мы друг от друга, тем меньше вероятность того, что мы изольем свою жажду крови друг на друга. Наш Легион давно мертв, и узы братства с каждым днем теряют свою силу, сменяясь жалким соперничеством и жаждой убийства.

Улицы усеяны оторванными конечностями и изуродованными телами. Большинство из них уже остыли, но некоторые все еще отдают свое тепло ветру. Я чувствую зуд в глазах, когда смотрю на них. При виде картин жестокости пробудилась машина, живущая в моем черепе. Распространяя свое влияние по моим венам, Гвозди почти говорят, мурлыкая сладкую сладкую ложь, рассказывая об удовлетворении жажды крови, но как я знаю, я никогда не смогу утолить ее...

... Голод. Я слышу как он шепчет мне о добыче ...

Я почувствовал движение раньше, чем увидел его. Я несусь к земле и мои саботоны, покрытые шипами, раскалывают почву при приземлении. Первый смертный, до которого я добираюсь, начинает выть, когда мой пистолет воспаляет его живьем. Он превращается в груды пепла. Другой – вероятно, священник, судя по его надменному одеянию, – корчится от боли, когда своим топором я выворачиваю его внутренности наизнанку. Раздается звук рвущихся сухожилий, и его конечности отделяются от тела. Я держу высоко поднимаю человека, пока его вены выпускают остатки крови. Кровь брызжет на мой шлем, и я снимаю его, чтобы напиться ей. Я пью ее до тех пор, пока она не заполняет мой рот. Ярость, живущая во мне, упивается кровью так же, как и я. Гвозди посылают наслаждение сквозь моё тело в качестве благодарности.

– Кровь... для Бога Крови... – я задыхаюсь в молитве, пока горячая жизненная влага стекает по моему телу, покрывая бледные шрамы и грубые, жесткие черты

моего лица, которое выдает в происхождение незаконнорожденного сына Ангрона. Обескровленные останки падают из моих рук, разбиваясь о камни на дороге.

Некоторые из смертных умоляют пощадить их, когда я добавляю их в свой список жертв. Что же они могли предложить мне взамен своей жизни? Интересно... Они вообще понимают, кто их убивает?

Нет, Гвозди поют. Эти жалкие смертные видят только силу, мощь и ярость. Они разбегаются, словно букашки, пытаюсь избежать забвения, что мы им даруем. Они трусливые... до своего последнего лихорадочного вздоха. Их Империум был рожден в крови и пламени! Разве это не справедливо – сделать так, чтобы он умер таким же образом?!

На какое-то время я поддаюсь имплантам, впадая в восторженную лихорадку гнева. Люди не замечают, как мой топор разрывает их плоть, а пистолет сжигает ее. Все ценности, которые эти смертные могли когда-либо предложить мне, трепещут в их крошечных и испуганных сердцах. Их кровь настолько заражена, настолько пропитана страхом, что ее почти не хочется пить.

Но я все равно упиваюсь ею.

Я кричу, когда охочусь на другого смертного. Я прыгаю на четвереньках, словно дикий зверь. Я потерял свой прыжковый ранец. Мой шлем висит на цепи, прикованной к поясу, и тащится за мной по земле. Моя безумная ухмылка вымазана кровью и внутренностями предыдущих жертв. Человек пытается бежать, но спотыкается, растягиваясь у подножия статуи в центре площади. Когда я убиваю смертного и готовлюсь вновь пировать, мой взгляд падает на статую. Я рассматривать фигуру, высеченную в камне.

Вытесанный из сверкающего обсидиана с золотыми прожилками, могучий космодесантник торжествует над побежденным вождем орков. Знаки на доспехах стерлись от времени, но здесь есть вещи, которые я узнаю: щит и копье, которые он держит. Его плащ. Резкие, жесткие черты лица – те, что выделяют сыновей Ангрона. Статую кого-то, кого я знал раньше. Брат, которого я....

Гвозди вонзаются в разум, наказывая меня, но они не могут остановить размышления. Память проясняется очень редко, затуманенная тысячелетиями бесконечных кровопролитий и жестокости. Мы уже были здесь раньше – этот чемпион и я. Мы сражались в Крестовом Походе Ложного Императора. Тогда наши доспехи носили цвета слоновой кости и кобальта, а ныне они покрыты багряными пятнами и потрескавшийся бронзой. Мы были Пожирателями Миров, но так было не всегда. Воспоминания приносят боль. После ста веков в аду я забыл столь многое...

Мы нашли здесь нашего отца, Ангрона.

Именно здесь, в этом мире, мы припали к его источнику безумия, приковав свою судьбу к капризам безумного бога. Фигура, стоящая надо мной, теперь столь же чужда, как и те твари, которых мы когда-то убили здесь десять тысячелетий назад. Гвозди пронзают меня болью за то, что я отвлекаюсь, обдавая мозг хлыстом из кислотного огня.

Гораздо легче убивать, чем думать.

Быть жестоким, чем помнить...

Карабкаюсь на гору, отчаянно стремясь достичь её вершины – признания отца, его уважения, – лишь для того, чтобы быть сброшенными вниз по её склонам снова и снова.

Калеча себя. Превращая себя в сломленных дикарей с Гвоздями.

Предав все, только чтобы сменить одного безразличного хозяина на другого.

Никогда так и не обрести свободу...

Всегда быть рабами.

Я не осознаю, что раздавил череп своей жертвы. Я не обращаю внимания на блестящие полоски плоти между пальцами, похожие мякоть гнилого плода.

Дрожа, я разжимаю кулак. Дергающийся труп падает в пепел. Я не слышу ничего, кроме ударов моих сердец.

Мы не сражались здесь с орками. Неужели они боятся сказать себе о настоящих врагах, о фальшивых людях, которых мы здесь умертвили? Неужели гниющий Империй не рассказал своим жителям правду о нас? Поведал ли он историю,

которую мы создали? Есть ли в там хоть толика правды о рождении прогнившего царства и о воинах, которые его породили?

«Убей», – прошипели Гвозди. Я повиновался.

Ярость вырывается из меня вместе со звериным ревом. Я бросаюсь вперед, движимый яростью, и врезаюсь в статую. Со звуком, похожим на выстрел, основание щелкает. Монумент падает, вспахивая улицу.

Редкий момент сдержанности удерживает меня от использования топора. Я роняю оружие, начиная разбивать статую кулаками.

Я реву и беснуюсь, пока образ моего мертвого брата не превращается в груды черной пыли, уносимой ветром. Ветер меняет свое направление, окутывая меня песком и запекшейся кровью, которая покрывает меня, словно вторая кожа. Я шатаюсь и корчусь, пытаюсь стряхнуть ее. И все же пыль остается, словно оживленная мстительным призраком из моего прошлого.

Мой рев прерывается, когда я слышу торопливые шаги рядом. Моя голова поднимает в верх. Меня охватывает ледяное спокойствие, когда я чувствую свежую добычу.

«Кровь», – слышу я медный шепот Гвоздей. – *«Кровь смывает пыль. Кровь смывает прошлое...»*.

Я поднимаюсь и иду вперед, спотыкаясь об обломки своей прошлой жизни. Я слышу трель вокса и слабое эхо из шлема, лежащего на улице чуть позади меня.

– *Кхарн...*

Имя едва долетает до моих ушей, на мгновение возвращая меня в реальность. В этот момент Гвозди немного ослабляют свою хватку, смягчая ее ровно настолько, чтобы я вспомнил, кто я такой.

– *Кхарн*, – повторяет голос в моем шлеме. – *Иди к нам. Мы нашли больше...*

Обещание еще большей крови распаляет меня. Я наклоняюсь, поднимаю шлем и закрепляю его на месте. Изумрудными глазами я смотрю на свои кровоточащие

руки, когда поднимаю единственное наследство, оставленное моим отцом.
«Дитя Кровопролития» вопит в моих руках, желая возобновить бойню столь же
сильно, как и я.

– К-кровь...

Я шепчу. Мои глаза похожи на звериные, когда я вновь выхожу на улицу, чтобы
начать охоту.

– Кровь... Богу Крови!

